

В номере:

Слово редактора

Георгий Каюров. Критика сегодня 3

Трагические даты

Письмо Жуковского 5

Занимательные истории

Римма Дышаленкова. Воспоминания о Пушкине 14

Критика

Марк Сапожников 25

Забытые знаменитости Молдовы

Сергей Пожар. Загадочный зодчий, или Кто же построил Органный зал? ... 30

Проза

Николай Винятинский. Самая, самая... 33

Анатолий Лабунский. Корейская диетическая 45

Гость номера

Сергей Казначеев. Ласточкино гнездо 63

Память поэта

Григоре Виеру. Детям на все поколения 73

Поэзия

Надежда Дёмина 77

Сергей Пагын 81

Татьяна Орлова 90

Фигурные стихи

И.Бродский. Фонтан 95

Басни

Эдуард Война 96

Русскими маршрутами

Сергей Капустин. Сан-Стефано 100

Сокровища зарубежного юмора

Александр Порожняков 104

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров.

Редактор-издатель Надежда Тодорова в статье «От редакции» писала:

«Наше поколение должно быть свежо, бодро и здорово, потому что оно может надеяться и верить в лучшую жизнь и обновление в смысле честности, трезвости... На знамени поколения должно быть начертано: Оздоровление. К здоровой, разумной, трезвой и деятельной жизни и будет призывать наш журнал, не признавая партийности, которая ставит рамки, суживает жизнь. Журнал наш будет органом поколения. Он будет как зеркало отражать жизнь, думы и душу поколения».

(Из программного заявления «От редакции»)

Учредитель:

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Георгий КАЮРОВ

Редакционный совет:

**Б. Мариан, З. Чиркова, В. Силкин, А. Торопцев, В. Сундеев, З. Гурская,
О.Рудягина**

Литературный редактор:

Вера Димитрова

Корректор:

Галина Поддубная

Художник:

Э. Майденберг

Фотограф:

Валерий Корчмарь

Вёрстка:

Людмила Ильина

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317
E-mail: nashepokolenie@pisem.net

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Георгий КАЮРОВ

Критика сегодня

В обществе сложилось устойчивое мнение – критиковать – значит обязательно ругать! Не будем касаться дословного перевода слова «критика», заимствованного из греческого языка, или его толкований тем или иным авторитетом словесности. Об этом можно прочесть в словарях и других источниках. Давайте поговорим о пользе или вреде критики, опираясь на современный творческий процесс, на современное понимание или сегодняшнюю необходимость в критике, и начать этот непростой разговор я бы хотел с самой литературы. Ведь чтобы что-то критиковать – нужно это самое что-то иметь.

Одним из важнейших достижений любого народа является появление письменности и, как результат, вершина достижений развивающейся письменности – художественная литература. Известно, что языки всего мира развиваются путем обмена, заимствования слов и выражений из других языков. Достаточно взять словарь иностранных слов. Странам, в которых несколько языков, особенно повезло, тесный контакт многоязычия развивает все языки в равной степени. Поспевали бы филологи и лингвисты разрабатывать правила и методики. В Молдове, с самого начала самостоятельного государственного плавания, этот вопрос наиглавнейший. Но сейчас не об этом. Писатель! Вот что меня больше всего интересует. Как его выделить из толпы? Как понять, кто действительно писатель, а кто образованный лавочник, который на досуге решил накопать свою биографию. Нет ничего дурного в том, что и врач, и физик и балерина берутся за перо и «валяют». Социально – это лучше, чем если бы они спились или торговали наркотиками. Но когда эти графоманы берутся учить молодежь и возводить свои опусы в ранг эталонных, то задумаешься, а что же все-таки лучше? Вроде бы ни физика, ни медицина, ни балет особо не потеряли с уходом этих самообразованцев, но трагедия в том, что и литература особо не обогатилась.

О чем же должен задуматься человек, садящийся за чистый лист бумаги? Наблюдения за природой, размышления о смысле жизни, о своём месте в этой жизни и месте других людей – всё это хорошо и интересно при условии уникальности наблюдений и выводов. Предлагая читателю свои личные рассуждения и наблюдения, писатель должен хотя бы отдалённо знать ответ на вопрос: «Зачем?» Зачем многим занятым людям отвлекаться от неотложных дел и читать чужие наблюдения, переживания или воспоминания? В данном случае ответ достаточно прост: чтобы отдохнуть от повседневности и на какие-то секунды встряхнуть воспоминания собственные. Что общего у воспоминаний разных людей? Чувства. Что чувствовал автор в тот день, когда ему было 6 лет? Что почувствовал в тот момент, когда память повернула время назад?.. Вот эти чувства и нужно передать читателю. Остальное читатель домыслит сам, вынув из запасников свои воспоминания. Но должно быть написано так, чтобы у читателя не появилось желание отбросить книгу с сожалением, что зря потратил время. И в этом основная задача писателя – быть нужным, полезным читателю!

Да, новые требования предъявляются сегодня писателю. И только писатель, вжившийся в новых реалиях борьбы за существование своего творчества, может творить и быть востребованным обществом. Не только к писателю, ко всем людям предъявило новое время новые требования. И в этом нет ничего страшного или из ряда вон выходящего, так было во все времена развития человеческого общества, так будет всегда, потому что таков Закон общественного развития, более сильный, чем божественные законы и различные потусторонние силы.

Рыночные свободы раздробили и писательскую среду. Деятели литературной среды Молдовы (надо отметить справедливости ради, тоже самое произошло и во всех быв-

ших республиках СССР) разбились на группки, кружки «по интересам». Казалось бы, это могло породить здоровую конкуренцию, что всегда полезно для творческого процесса, но, увы. Авторы и критики одного лагеря всегда одобряют писателей своего лагеря и относятся враждебно к писателям, причисляющим себя к другой организации. И в этом разделении нет ничего удивительного. Но для литературы губительно! Потому что с этим разделением, с чисто политическим охаиванием «чуждых» писателей, формируется отрицательное явление – кружковщина, рекламирование «своих» и недобросовестное уничижение противников. В какой-то степени можно и в таком процессе узреть пользу, так как разделение по единомышленникам способствует интенсивной дифференциации идей, позволяет быстрее ориентироваться в вопросах о жизнеспособности той или другой группы авторов, исповедующих тот или иной принцип идей, но это путь в безвременье.

Делить деятелей литературы на критиков и «подлинных писателей» – такая же бесплодная задача, как если бы мы вздумали распределять их по алфавиту или по другим случайным признакам, но различить писателя в этой разношерстной публике – труд не легкий. В современном творческом процессе, превращенном в рыночное течение, принято усредненно относиться к талантливому автору. «Не высывайся», «не выделяйся» – вот основные правила, которыми пытаются затереть писателя многочисленные графоманы, заполонившие литературу. Но кто эти усреднители? Когда-то выпустившие сборничек стихов и после не написавшие ничего существенного, но поспешившие уже окрестить себя поэтами и писателями!?

Писатель – это исследователь, искатель! Всякий ищущий истину достоин уважения. Но одного искания недостаточно, чтобы иметь право на внимание общества. Необходимо, чтобы эти искания вылились в слова, проливающие свет на те или иные из наших душевных переживаний. Нельзя упрекнуть читателей, утонувших в потоке графомании и растерявшихся в этой толпе «ваятелей», чтобы разглядеть писателя. Не мудрено, что читатель вдруг стал относить писателя к коммерсанту-шарлатану.

Обществу нет дела до стараний автора, раз в результате этих трудов не сказано ничего. Тем хуже для автора, если после многолетней напряженной мысли не бросил он «ни мысли плодovитой, ни гением начатого труда». Едва ли кто-нибудь разберется и захочет разбираться в заполонившей полки книжных магазинов макулатуре. Даже добросовестный критик-профессионал, который пожелал бы последовать своему долгу служения литературе и попробовать понять структуру любого из этих «произведений», с досадой отбросит этот вздор и с грустью подумает о печальном времени, когда подобной книге общество могло уделять хоть минимальную долю внимания.

А ведь в такое время мы живем!!! Мы просто счастливы быть свидетелями, когда захваливается графоманская макулатура! И это становится явлением, которому надлежит находиться на длительном карантине! Ведь в основе этих хвалеб стоит личная корысть, чтобы накрапанные глупости хвалящего не ругали, а тоже похвалили! Цена этой круговой хвальбы – самосохранение. Все беспринципные хвальбы порождают безвкусицу, укрепляют бесталанность, губят литературу и читателя, и общество в целом! На каких же книгах учить детей?

Открывая рубрику «Критики и рецензии», мы хотим стряхнуть пыль графомании и немного встряхнуть литературное сообщество – как авторов, так и читателей.

Каждый автор жаждет признания. И только истинный писатель осторожно, но настойчиво ищет критики. Ибо это – путь к совершенству.

Думаю, будет интересно!

Письмо В.А. Жуковского

Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его, созревший в опытах жизни размышлением и наукою, готовился действовать полною силою – потеря невозвратная и ничем невознаграждаемая. Что бы он написал, если б судьба так внезапно не сорвала его со славной, едва начатой им дороги? В бумагах, после него оставшихся, найдено много начатого, весьма мало конченного; с благоговейною любовью к его памяти мы сохраним все, что можно будет сохранить из сих драгоценных остатков, и они в свое время будут изданы в свете.

ПОКОЙНИКУ [А. С. ПУШКИНУ]

[Из альбома, подаренного гр.Ростопчиной]

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
 Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
 Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
 Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
 Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
 Что выражалось на нем, – в жизни такого
 Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
 Пламень на нем; не сиял острый ум;
 Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
 Было объято оно: мнилось мне, что ему
 В этот миг предстояло как будто какое виденье,
 Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
 что видишь?

Письмо к С. Л. ПУШКИНУ

Февраля 15 <1837, Петербург>.

Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что я мог тебе сказать, угнетенный нашим общим несчастьем, которое упало на нас, как обвал, и всех раздавило?

Нашего Пушкина нет!

Это, к несчастью, верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей; еще по привычке продолжаешь искать его; еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой, веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда — непостижимо!

В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный и дряхлый отец; не говорю о нас, горюющих его друзьях – Россия лишилась своего любимого, национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созревание совершалось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, иногда беспорядочною, силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе зрелого мужества, столько же свежей, как и первая, может быть, не столь порывистой, но более творческой. У кого из русских с его смертью не оторвалось чего-то родного от сердца?

И между всеми русскими особенную потерю в нем сделал сам государь. При начале своего царствования он его себе присвоил; он развязал руки ему в то время, когда он был раздражен несчастьем, им самим на себя навлеченным; он следил за ним до последнего его часа; бывали минуты, в которые, как буйный, еще не остепенившийся ребенок, он навлекал на себя неудовольствие своего хранителя; но во всех изъявлениях неудовольствия со стороны государя было что-то нежное, отеческое. После каждого подобного случая связь между ими усиливалась в одном чувством испытанного им наслаждения простить, в другом живым движением благодарности, которая более и более проникала в душу Пушкина и, наконец, слилась в ней с поэзией. Государь потерял в нем свое создание, своего поэта, который принадлежал бы славе его царствования, как Державин — славе Екатерины, а Карамзин — славе Александра. И государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благодворению. Он отозвался умирающему на последний земной крик его; и как отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностью на этот голос царский? В этом голосе выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вместе и любовь к народной славе, и высокий приговор нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.(...)

Первые минуты ужасного горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебе все, что было в последние минуты твоего сына, что я видел сам, что мне рассказывали другие очевидцы.

В среду 27-го числа января в 10-ть часов вечера приехал я к князю Вяземскому. Мне рассказывают, что и он и княгиня у Пушкиных, а Валуев, к которому я зашел, встречает меня словами: «Получили ли вы записку княгини? За вами давно послали. Поезжайте к Пушкину: он умирает». Оглушенный этим известием, я побежал с лестницы. Приезжаю к Пушкину. В его прихожей, перед дверями его кабинета, нахожу докторов Арендта и Спасского; князя Вяземского, князя Мещерского. На вопрос: «Каков он?» Арендт отвечал мне: «Очень плох; умрет непременно».

Вот что рассказали мне о случившемся:

Дуэль была решена накануне (во вторник 26-го января); утром 27-го числа Пушкин, еще не имея секунданта, вышел рано со двора. Встретясь на улице со своим лицейским товарищем полковником Данзасом, он посадил его с собою в сани и, не рассказывая ничего, повез к д'Аршиаку, секунданту своего противника. Там, прочитав перед Данзасом собственноручную копию с того письма, которое им было написано к министру Геккерну и которое произвело вызов от молодого Геккерна, он оставил Данзаса для условий с д'Аршиаком, а сам возвратился к себе и дожидался спокойно развязки. Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся для его журнала); в этом письме, довольно длинном, он говорит ей о назначенных им для перевода пьесах и входит в подробности о ее истории, на которую делает критические замечания так просто и внимательно, как будто бы ничего иного у него в эту минуту в уме не было. Это письмо есть памятник удивительной силы духа: нельзя читать его без умиления, какой-то благоговейной грусти: ясный, простосердечный слог его глубоко трогает, когда вспоминаешь при чтении, что писавший это письмо с такою беззаботностью через час уже лежал умирающий от раны. По условию Пушкин должен был встретиться в положенный час со своим секундантом, кажется, в кондитерской лавке Вольфа, дабы оттуда ехать на место; он пришел туда в <пробел> часов. Данзас уже его дожидался с санями; поехали; избранное место было в лесу, у Комендантской дачи; выехав из города, увидели впереди другие сани; это был Геккерн со своим секундантом;

остановились почти в одно время и пошли в сторону от дороги; снег был по колена; по выбору места надобно было вытоптать в снегу площадку, чтобы и тот и другой удобно могли и стоять друг против друга, и сходиться. Оба секунданта и Геккерн занялись этою работою; Пушкин сел на сугроб и смотрел на роковое приготовление с большим равнодушием. Наконец вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиною; плащами означили барьеры, одна от другой в десяти шагах; каждый стал в пяти шагах позади своей. Данзас махнул шляпою; пошли, Пушкин почти дошел до своей барьеры; Геккерн за шаг от своей выстрелил; Пушкин упал лицом на плащ, и пистолет его увязнул в снегу так, что все дуло наполнилось снегом. «Je suis blessé»,¹ сказал он, падая. Геккерн хотел к нему подойти, но он, очнувшись, сказал: «Ne bougez pas; je me sens encore assez fort pour tirer mon coup».² Данзас подал ему другой пистолет. Он оперся на левую руку, лежа прицелился, выстрелил, и Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против ляжки; эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал: «Bravo!» Между тем кровь лила из раны; было надобно поднять раненого; но на руках донести его до саней было невозможно; подвезли к нему сани, для чего надобно было разломать забор; и в санях довели его до дороги, где дожидала его Геккернова карета, в которую он и сел с Данзасом. Лекаря на месте сражения не было. Дорогою он, по-видимому, не страдал, по крайней мере этого не было заметно; он был, напротив, даже весел, разговаривал с Данзасом и рассказывал ему анекдоты.

В шесть часов после обеда Пушкин привезен был в этом отчаянном положении домой подполковником Данзасом, его лицейским товарищем. Камердинер принял его из кареты на руки и понес на лестницу. «Грустно тебе нести меня?» — спросил у него Пушкин. Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся, и лег на диван. В то время когда его укладывали, жена, ни о чем не знавшая, хотела войти; но он громким голосом закричал: «N'entrez pas, il y a du monde chez moi»³. Он боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда он лежал совсем раздет. Послали за докторами. Арендта не нашли; приехали Шольц и Задлер. Пушкин велел всем выйти, в то время у него были Данзас и Плетнев.

«Плохо со мною», — сказал он, подавая руку Шольцу. Его осмотрели, и Задлер уехал за нужными инструментами. Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил: «Что вы думаете о моем положении? Скажите откровенно». — «Не могу от вас скрыть, вы в опасности». — «Скажите лучше, умираю». — «Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано». — «Je Vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi»,⁴ — сказал Пушкин; замолчал; потер рукою лоб, потом прибавил: «Il faut que j'arrange ma maison»⁵. Шольц осмотрел рану; нашлось, что крови шло немного; он наложил новый компресс. «Не желаете ли видеть кого из ваших ближних?» — спросил Шольц. «Прощайте, друзья!» — сказал Пушкин, обратив глаза на свою библиотеку. С кем он прощался в эту минуту, с живыми ли друзьями или с мертвыми, не знаю. Он, немного погодя, спросил: «Разве вы думаете, что я часу не проживу?» — «О нет! но я полагал, что

¹ Я ранен (франц.).

² Не трогайтесь с места; у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел (франц.).

³ Не входите (франц.).

⁴ Благодарю вас, вы поступили по отношению ко мне как честный человек (франц.).

⁵ Надо устроить мои домашние дела (франц.).

вам будет приятно увидеть кого-нибудь из ваших. Господин Плетнев здесь». – «Да, но я желал бы и Жуковского. Дайте мне воды; тошнит». – Шольц, тронув пульс, нашел, что рука была холодна, а пульс слаб и скор; он вышел за питьем, и послали за мною. Меня в это время не было дома; и не знаю, как это случилось, но ко мне не приходил никто. Между тем приехали Задлер и Соломон. Шольц оставил больного, который добродушно пожал ему руку, но не сказал ни слова.

Скоро потом явился Арендт. Он с первого взгляда уверился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодные со льдом примочки на живот и давать прохладительное питье; это произвело желанное действие: больной успокоился. Перед отъездом Арендта он сказал ему: «Попросите государя, чтобы он меня простил; попросите за Данзаса, он мне брат, он невинен, я схватил его на улице».

Арендт уехал, поручив его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходил от его постели. «Плохо мне», – сказал Пушкин, когда подошел к нему Спасский. Спасский старался его успокоить; но Пушкин махнул рукою отрицательно. С этой минуты он как будто перестал заботиться о себе и все его мысли обратились на жену. «Не давайте излишних надежд жене, – говорил он Спасскому, – не скрывайте от нее, в чем дело; она не притворщица, вы ее хорошо знаете. Впрочем, делайте со мною что хотите, я на все согласен и на все готов».

В это время уже собрались князь Вяземский, княгиня, Тургенев, граф Вельгорский и я. Княгиня была с женою, которой состояние было невыразимо; как привидение, иногда прокрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване, лицом от окон и двери); но всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие. «Жена здесь, – говорил он. – Отведите ее». Он боялся допускать ее к себе, ибо не хотел, чтобы она могла заметить его страдания, которые с удивительным мужеством пересиливал. «Что делает жена? – спросил он однажды у Спасского. – Она, бедная, безвинно терпит; в свете ее заедят». Вообще с начала до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которые они превзошли всякую меру человеческого терпения) он был удивительно тверд. «Я был в тридцати сражениях, – говорил доктор Арендт, – я видел много умирающих, но мало видел подобного».

И особенно замечательно то, что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной; буря, которая за несколько часов волновала его душу неодолимою страстью, исчезла, не оставив в ней и следа; ни слова, ниже воспоминания о случившемся.

Но вот черта чрезвычайно трогательная. Накануне получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына. Он вспомнил об этом посреди своего страдания. «Если увидите Греча, – сказал он Спасскому, – поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере». У него спросили: желает ли исповедаться и причаститься. Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром.

В полночь доктор Арендт возвратился. Покинув Пушкина, он отправился во дворец, но не застал государя, который был в театре; он сказал камердинеру, чтоб по возвращении его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи приезжает к Арендту от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тот час обо всем донести. «Я не лягу, я буду ждать», – приказывал государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло в этом письме? «Если бог не велит нам более увидеться, посылаю мое прощенье и вместе мой совет: исполнить долг христиански. О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свое попечение».

Как бы я желал выразить простыми словами то, что у меня движется в душе при пе-

речитывании этих немногих строк. Какой трогательный конец земной связи между царем и тем, кого он когда-то отечески присвоил и кого до последней минуты не покинул! Как много прекрасного, человеческого в этом порыве, в этой поспешности захватить душу Пушкина на отлете, очистить ее для будущей жизни и ободрить последним земным утешением. «Я не лягу, я буду ждать!» О чем же он думал в эти минуты ожидания? Где он был своею мыслью? О, конечно, перед постелью умирающего, его добрым земным гением, его духовным отцом, его примирителем с небом и собою. Умирающий немедленно исполнил уже угаданное желание государя. Послали за священником в ближнюю церковь. Пушкин исповедался и причастился с глубоким чувством. Когда Арендт прочитал ему письмо государя, то он вместо ответа поцеловал его и долго не выпускал из рук; но Арендт не мог его оставить ему. Несколько раз Пушкин повторял: «Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! Где письмо?» Арендт успокоил его обещанием испросить на это позволения у государя. Он скоро потом уехал. То, что от него услышал умирающий, обрадовало, успокоило и укрепило его душу. До пяти часов утра в его положении не произошло никакой перемены. Но около пяти часов боль в животе сделалась нестерпимой, и сила ее одолела силу души; он начал стонать; послали опять за Арендтом. По приезде его нашли нужным поставить промывательное, но оно не помогло и только что усилило страдания, которые наконец дошли до крайней степени и продолжались до 7-и часов утра.

Что было бы с бедною женою, если бы она в течение этих двух вековых часов могла слышать его крики? Я уверен, что ее рассудок не вынес бы этой душевной пытки. Но вот что случилось: она в совершенном изнурении лежала в гостиной, у самых дверей, которые одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его княгиня Вяземская, бывшая в той же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтобы с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргический сон овладел ею; и этот сон, как будто нарочно посланный свыше, миновался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверями. Но в эти минуты жесточайшего испытания, по словам Спасского и Арендта, во всей силе сказалась твердость души умирающего; готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил сам, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать.

К семи часам боль утихла. Надобно заметить, что во все это время и до самого конца мысли его были светлы и память свежа. Еще до начала сильной боли он подозвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставил ее сжечь. Потом призвал Данзаса и продиктовал ему записку о некоторых долгах своих. Это его, однако, изнурило, и после он уже не мог сделать никаких других распоряжений. Когда по утрам кончились его нестерпимые страдания, он сказал Спасскому: «Жену! позовите жену!» Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать. Потом потребовал детей; они спали; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза молча, клал ему на голову руку, крестил и потом движением руки отсылал прочь. «Кто здесь?» — спросил он у Спасского и Данзаса. Назвали меня и Вяземского. «Позовите», — сказал он слабым голосом. Я подошел, взял его похолодевшую руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог; он махнул рукою, я отошел. Но через минуту я возвратился к его постели и спросил у него: «Может быть, увижу государя; что мне сказать ему от тебя?» — «Скажи, — отвечал он, — что мне жаль умереть; был бы весь его». Но он опять подозвал меня: «Скажи государю, — промолвил он, — что мне жаль умереть; был весь его. Скажи, что я ему желаю долгого, долгого царствования, что я ему желаю счастья в его сыне, счастья в его России». Эти слова говорил он слабо, отрывисто, но явственно.

Потом простился он с Вяземским. В эту минуту приехал граф Вельгорский, вошел к нему и также подал ему живому руку. Было очевидно, что он спешил сделать свой по-

следний земной расчет и как будто подслушивал шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульс, он сказал Спасскому: «Смерть идет». Когда подошел к нему Тургенев, он посмотрел на него два раза пристально, пожал ему руку; казалось, хотел что-то сказать, но махнул рукою и только промолвил: «Карамзину!» – Ее не было, за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: «Перекрестите меня!» Потом поцеловал у нее руку. В это время приехал доктор Арендт. «Жду царского слова, чтобы умереть спокойно», — сказал ему Пушкин. Это было для меня указанием, и я решился в ту же минуту ехать к государю, чтобы известить его величество о том, что слышал. Сходя с крыльца, я встретился с фельдъегерем, посланным за мной от государя. «Извини, что я тебя потревожил», — сказал он мне при входе моем в кабинет. — «Государь, я сам спешил к вашему величеству в то время, когда встретился с посланным за мною». Рассказав о том, что говорил Пушкин, я прибавил: «Я счел долгом сообщить эти слова немедленно вашему величеству». — «Скажи ему от меня, — отвечал государь, — что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен: они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги: ты после их сам рассмотришь».

Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. «Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России». Между тем данный ему прием опиума несколько его успокоил. К животу вместо холодных примочек начали прикладывать мягчительные; это было приятно страждущему, и он начал беспрекословно исполнять предписания докторов, которые прежде все отвергал упрямо, будучи испуган своими муками и жадно желая смерти для их прекращения. Но тут он сделался послушен, как ребенок; сам накладывал компрессы на живот и помогал тем, кто около него суетился. Словом, ему, по-видимому, стало гораздо лучше. Так нашел его доктор Даль, пришедший к нему в два часа. — «Худо мне, брат», — сказал Пушкин с улыбкою Далю. Но Даль, действительно имевший более других надежды, отвечал ему. «Мы все надеемся, не отчаивайся и ты». — «Нет! — возразил он, — мне здесь не житье; я умру, да, видно, так и надо». В это время пульс его был полнее и тверже. Начал показываться небольшой общий жар. Поставили пиявки. Пульс стал ровнее, реже и гораздо мягче. «Я ухватился, — говорит Даль, — как утопленник за соломинку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя и других». Пушкин, заметив, что Даль был пободрее, взял его за руку и спросил: «Никого тут нет?» — «Никого». — «Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру?» — «Мы за тебя надеемся, Пушкин, право надеемся». — «Ну, спасибо!» — отвечал он. Но, по-видимому, только однажды и обольстился он утешением надежды, ни прежде, ни после этой минуты он ей не верил.

Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Вьельгорский в ближней горнице) он продержал Даля за руку; часто брал по ложечке воды или по крупинке льда в рот и всегда все делал сам: снимал стакан с ближней полки, тер себе виски льдом, сам накладывал на живот припарки, сам их переменил, и проч. Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски: «Ах! какая тоска! — иногда восклицал он, закидывая руки на голову. — Сердце изнывает!» Тогда просил он, чтобы подняли его, или повертели на бок, или поправили ему подушку, и, не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами: «Ну! так — хорошо; вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо». Или: «Постой — не надо — потяни меня только за

руку — ну вот и хорошо, и прекрасно!» (Все это его точные выражения.) «Вообще, — говорит Даль, — в обращении со мною он был покладлив и послушен, как ребенок, и делал все, что я хотел».

Однажды он спросил у Даля: «Кто у жены моей?» Даль отвечал: «Много добрых людей принимают в тебе участие; зала и передняя полны с утра до ночи». — «Ну, спасибо, — отвечал он, — однако же, поди скажи жене, что все, слава богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят». Даль его не обманул.

С утра 28-го числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, его передняя была полна приходящих. Одни осведомлялись о нем через посланных, другие — и люди всех состояний, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство национальной, общей скорби выражалось в этом движении, произвольном, ничем не приготовленном. Число приходящих сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего; мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее из сеней залавком и вместо ее отворили другую, узенькую, прямо с лестницы в буфет, а гостиную, где находилась жена, отгородили от столовой ширмами. С этой минуты буфет был беспрестанно набит народом; в столовую же входили только знакомые. На лицах выражалось простодушное участие, очень многие плакали.

Государь император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по несколько раз ночью приезжал навестить больного); государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству согласно с ходом болезни. Такое участие трогательно, но оно естественно; естественно и в государе, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а в этом отличительная черта нынешнего государя; он любит все русское; он ставит новые памятники и бережет старые); естественно и в нации, которая в этом случае не только за одно со своим государем, но этою общею любовью к отечественной славе укореняется между ими нравственная связь; государю естественно гордиться своим народом, как скоро этот народ понимает его высокое чувство и вместе с ним любит то, что славно отличает его от других народов или ставит с ним наряду; народу естественно быть благодарным своему государю, в котором он видит представителя своей чести.

Одним словом сии изъявления общего участия наших добрых русских меня глубоко трогали, но не удивляли. Участие иностранцев было для меня усладительною нечаянностью. Мы теряли свое; мудро ли, что мы горевали? Но их что так трогало? Что думал этот почтенный Барант, стоя долго в унынии посреди прихожей, где около его шептали с печальными лицами о том, что делалось за дверями. Отвечать нетрудно. Гений есть общее добро; в поклонении гению все народы родня! и когда он безвременно покидает землю, все провожают его с одинаковою братскою скорбью. Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью *собственною*, и о *нашем* Пушкине пожалел как будто о *своем*. Потому же Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в понедельник ввечеру: «Нынче у меня танцевать не будут, нынче были похороны Пушкина».

Возвращаясь к своему описанию. Послав Даля ободрить жену надеждою, Пушкин сам не имел никакой. Однажды спросил он: «Который час?» И на ответ Даля продолжал прерывающимся голосом: «Долго ли... мне... так мучиться?.. Пожалуйста, поскорей!..» Это повторил он несколько раз: «Скоро ли конец?..» И всегда прибавлял: «Пожалуйста, поскорей!» Вообще (после мук первой ночи, продолжавшихся два часа) он был удиви-

тельно терпелив. Когда тоска и боль его одолевали, он делал движения руками или отрывисто кряхтел, но так, что его почти не могли слышать. «Терпеть надо, друг, делать нечего, — сказал ему Даль, — но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче». — «Нет, — он отвечал перерывчиво, — нет... не надо... стонать... жена... услышит... Смешно же... чтоб этот... вздор... меня... пересилил... не хочу».

Я покинул его в 5 часов и возвратился в 7-м, то есть через два часа. Видев, что ночь была довольно спокойна, я пошел к себе почти с надеждою, но, возвращаясь, нашел иное. Арендт сказал мне решительно, что все кончено и что ему не пережить дня. Действительно, пульс ослабел и начал упадать приметно; руки начали стыть. Он лежал с закрытыми глазами; иногда только подымал руки, чтобы взять льду и потереть им лоб.

Ударило два часа пополудни, и в Пушкине осталось жизни на три четверти часа. Он открыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормит». Она пришла, опустилась на колени у изголовья, поднесла ему ложечку-другую морошки, потом прижалась лицом к лицу его; Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего; слава богу; все хорошо! поди». Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. «Вот увидите, — сказала она доктору Спасскому, — он будет жив, он не умрет».

А в эту минуту уже начался последний процесс жизни. Я стоял вместе с графом Вьельгорским у постели его, в головах; сбоку стоял Тургенев. Даль шепнул мне: «Отходит». Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытье их отуманивало. Раз он подал руку Дально и, пожимая ее, проговорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» Но, очнувшись, он сказал: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам; высоко... и голова закружилась». Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеvu руку и, потянув ее, сказал: «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе». Даль, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь». Даль, не расслышав, отвечал: «Да, кончено; мы тебя поворотили». «Жизнь кончена!» — повторил он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит!» — были последние слова его. В эту минуту я не сводил с него глаз и заметил, что движение груди, доселе тихое, сделалось прерывчивым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не заметил. Тишина, его объявлявшая, казалась мне успокоением, а его уже не было. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» — «Кончилось», — отвечал мне Даль. (В три четверти третьего часа пополудни, 29 января 1937 года) Так тихо, так спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить таинства смерти, которое совершалось перед нами во всей умирительной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это не было ни сон, ни покой, но было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то важная, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовольствующее знание. Всмотриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне

достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я увидел лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти без покрывала. Какую печать на него наложила она! И как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде, будучи свойственна его высокой природе, но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти.

Таков был конец нашего Пушкина.

Опишу в немногих словах то, что было после. К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но всё мы имеем отпечаток привлекательный, изображающий не смерть, а тихий, величественный сон. Спустия $\frac{3}{4}$ часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось взглянуть в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью. Не буду рассказывать того, что сделалось с бедною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы. Граф взял на себя все распоряжения похорон. Побыв еще несколько времени в доме, я поехал к Вьельгорскому обедать; у него собрались и все другие, видевшие последнюю минуту Пушкина; и он сам был приглашен за три дня к этому обеду... праздновать день моего рождения. В вечеру, увлеченный необходимостью, пошел я к государю донести ему о том, как умер Пушкин; он выслушал меня наедине в своем кабинете: этого прекрасного часа моей жизни я никогда не забуду.

На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб; на следующий день, к вечеру, перенесли его в Конюшенную церковь. И в эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек перебивало в ней, чтобы взглянуть на него: многие плакали; иные долго оставались и как будто хотели всмотреться в лицо его; было что-то разительное в его неподвижности посреди этого движения и что-то умирительно таинственное в той молитве, которая так тихо, так однообразно слышалась посреди этого шума.

И особенно глубоко трогало мне душу то, что государь как будто соприносился посреди своих русских, которые так просто и смиренно и с ним заодно выражали скорбь свою об утрате славного соотечественника. Всем было известно, как государь утешил последние минуты Пушкина, какое он принял участие в его христианском покаянии, что он сделал для его сирот, как почтил своего поэта и что в то же время (как судья, как верховный блюститель нравственности) произнес в осуждение бедственному делу, которое так внезапно лишило нас Пушкина. Редкий из посетителей, помолясь перед гробом, не помолился в то же время за государя, и можно сказать, что это изъявление национальной печали о поэте было самым трогательным прославлением его великодушного покровителя.

Отпевание происходило 1 февраля. Многие из наших знатных господ и многие из иностранных министров были в церкви. Мы на руках отнесли гроб в подвал, где надлежало ему остаться до отправления из города. 3 февраля в 10 часов вечера собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас осталось от Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; в полночь сани тронулись; при свете месяца я провожал их несколько времени глазами; скоро они поворотили за угол дома; и все, что было на земле Пушкина, навсегда пропало из глаз моих.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Об авторе! Поэтесса, писательница, журналист. Член Союза писателей России, автор 9 книг. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ

цикл рассказов

«Я моложе Пушкина»

Эта история приключилась с поэтессой Ниной Георгиевной Кондратковской. Она сама ее весело и рассказывала. Ей было лет 65, и она, автор детских книжек, пришла на встречу со школьниками. Дети 4-го класса прилежно слушали ее стихи и рассказы. В связи с юбилеем Пушкина она прочитала свои стихи, которые назывались «Расстрелянный Пушкин». Чтобы детям было понятно, она рассказала, что это стихотворение о том, как немцы, фашисты, захватчики расстреляли из автоматов садовую скульптуру А. С. Пушкина в парке под Ленинградом. Ребята внимательно слушали эту горькую историю. Нина Георгиевна спросила у детей: «Есть ли у вас вопросы?» Одна маленькая девочка подняла розовую пухленькую ручонку и вежливо спросила: «Скажите, пожалуйста, а вы с Пушкиным встречались?»

Нина Георгиевна воскликнула: «Нет, что вы, я намного моложе Пушкина». Потом вспомнила, что ей 65 лет, и смутилась.

— Четвертый класс не поверил, что я моложе Пушкина, — грустно завершила свой рассказ Кондратковская.

Вот какой случился неразрешимый парадокс: вроде бы моложе, а вроде бы и нет. Зато понятно, что Пушкин существует где-то в ином измерении. Там с ним никто не встречался...

Мудрость сердца

Эта история случилась в один день, началась утром, а в полдень завершилась, поэтому и не забывается. В конце 70-х годов к нам на городскую студию телевидения из Москвы прибыл выпускник МГУ Саша Добчинский. Он окончил университет с «красными корочками», мы смотрели на него с уважением, он на нас — с презрением. Мы не обижались, думали: каждый имеет право на презрение. Корреспонденты редакции информации, мы готовили «Новости» и однажды в перерыве заговорили о Пушкине. Саша с пылким задором «москвича» сообщил нам, что Пушкин не что иное, как большой графоман, он уже всем надоел и прав Маяковский, что предлагал «сбросить его с корабля современности», что у него нет ни одной метафоры, то ли дело Вознесенский и его строки: «По лицу проносятся очи, как буксующий мотоцикл».

Мы расстроились после его монолога. Я — более всех, потому что нам в Московском литинституте творчество Пушкина преподавали целый год как самостоятельный отдельный предмет, причем пушкинист М. П. Еремин яростно спрашивал: «Вы что, без Пушкина обходитесь? Вы у меня с таким камнем на шее на дно пойдете!»

...Опечалившись от убеждений Саши, я поехала на съемки в доменный цех, нужно было снять на киноленту бригаду старшего горнового Винера Васильева.

Бригада готовилась менять желоб. Сам Васильев стоял в желобе, ботинки у него дымились от жара кирпичной кладки, черная рубашка была мокрой до самого пояса.

Меня всегда удивляла и радовала сердечность и приветливость металлургов к нам, корреспондентам. Никогда не обидят ни резким словом, ни плохим настроением. Так, например, однажды во 2-м мартеновском цехе я поднялась на площадку к миксеровым Достовалову и Каунову. Они принялись угощать меня чаем, на столе у них лежал журнал «Современник». Володя Достовалов сказал: «Вот читаем «Царь-рыбу» Астафьева, ты уж извини, а в газетку, где опубликованы твои стихи, мы селедку завернули». И усмехнулся. Я настолько любила этих необыкновенных людей, что и не подумала обидеться. Хорошо уже и то, что заметили стихи мои в газете...

Старший горновой, увидя нашу телебригаду, выпрыгнул из желоба, повел нас на пульт управления домной.

— А ты чего это такая расстроенная? — усмешливо спросил он.

— Стыдно сказать, из-за Пушкина. Вот московский выпускник сказал, что он уже всем надоел...

Винер Васильев потрепал меня по голове и сказал:

— Да не расстраивайся ты из-за него, Пушкину только за одни сказки надо памятник поставить....

Вот и вся история. Такая мудрость сердца у металлурга. Не пожелал он расставаться с Пушкиным, подобно выпускнику МГУ.

Пушкин и Лада

Большее десяти лет А. С. Пушкин кормил меня. Дело в том, что у меня была популярная лекция «Пушкин на Урале». Это как раз о Пугачеве, о «Капитанской дочке». Поэтому на день рождения и на день памяти поэта я покупала бутылочку коньяка. Приглашала на вечеринку друзей. Мы ставили на стол кабинетную скульптуру Александра Сергеевича, зажигали свечи и читали наугад его стихи, гадали на отдельные строчки его сочинений. Получалось очень таинственно. Порою даже вызывали его дух...

Наш кинооператор Клара Макарычева приходила «в гости к Пушкину» со своей собакой Ладой.

Лада была «боксерша», кроткая, воспитанная, с большими коричневыми глазами и хорошими манерами.

Мы усаживались вокруг стола, а с торца присаживалась Лада и все глядела то на Пушкина, который был на столе, то на того, кто читал стихи. Слушала.

На встречу приходили актеры театра «Буратино», они приносили с собой черные плащи и цилиндры, мы по очереди переодевались, чем очень удивляли собаку Ладу. И вот когда очередь дошла до Клары и она прочла: «Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв, мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», Лада положила голову на стол и из больших, печальных ее глаз катились слезы, она глядела на Пушкина и тихонько жалобно скулила.

— В чем дело? — всполошились мы. — Это дух Пушкина ее растрожил...

— Это она пирог просит, — догадалась Клара.

Дело в том, что перед Пушкиным стоял душистый праздничный торт. Воспитанная Лада долго терпела наши чтения и гадания.

— Лада права, пора, — зашумели мы, разливая коньяк. Актриса Зина Жданова звонко произнесла:

*Полнее бокал наливайте,
на звонкое дно
в густое вино
заветные кольца бросайте...*

Кольца тут же побросали в вино, потому что верили в мистические знания Пушкина, которых у нас не было и нет. Все-таки он в молодости три года проходил посвящение в масонской ложе «Овидий» в Кишиневе и все тайные знания этого ордена щедро рассыпал по своим сочинениям. Ищущие да обрящут.

А к Пушкину у нас отношение скорее профаническое, чем иерофаническое...

Пушкин и Пугачев

Вот уж действительно: «гений и злодейство — две вещи несовместимые».

Но в пушкинский юбилей нам, уральцам, приличнее говорить о том, что Пушкин рвался на Урал, к местам действия злого пугачевского гения, и мы имеем право даже посчитать, сколько страниц, времени и места занял Урал в жизни великого русского поэта.

За фамилией Пушкин — неоглядный мир культуры нашего Отечества, его связи с вельможной Эфиопией и пирамидальным Египтом, с виноградной Грецией и солдатским Римом, древним и эзотерическим Иерусалимом и новенькими христианскими братьями нашими: Германией, Англией, Испанией, Францией...

За фамилией Пугачев — стихия взорвавшейся гневом земли, гибельная внезапность авантюриста.

Профессиональные пушкинисты утверждают, что собирать материал по истории Пугачевского бунта А. С. Пушкин начал в 1832 году, стало быть, ему — 33 года. Там, в архивах и кабинетах Санкт-Петербурга, первый вариант «Истории Пугачева» был готов к середине 1833 года. Но Пушкин хочет своими глазами увидеть когда-то спаленную Казань, потрясенный Симбирск и, конечно, наш уральский Оренбург с прилегающими к нему городками и станицами, яицкий городок — место взрыва народной войны.

Процитирую те строки из «Пугачева», где пушкинская рука коснулась родных нам краев, и это нас, конечно, роднит: «За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить (1774 г.) еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решился углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика (реки Урал).

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость, казалось, спасена, но в ней обнаружилась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены, крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи...»

Вот такие горькие слова адресовал А. С. Пушкин нашей станице Магнитной, давшей в XX веке приют зарождающемуся городу Магнитогорску.

И еще одна цитата о движении Пугачева в наших окрестных местах: «Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобожденный от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах, но вышед на линию, получил от верхо-яицкого коменданта, полковника Ступицина донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхо-Яицкой. Тут узнал он о взятии Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонг пошел назад. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины: Пугачев покинул ее накануне».

Два крупных произведения посвятил А. С. Пушкин Уралу: «Историю Пугачева», изданную в 1834 году, и роман «Капитанская дочка» — в 1836 году. В общей сложности поэт отдал теме Урала шесть лет. За эти годы Пушкин привык к своему герою-разбойнику и называл его добродушно «Мой Пугач». Все-таки его отделяли от зловещих событий уже 60 лет.

«Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве и сверх того 18 толстых томов... разных рукописей, указов, донесений и проч.», «я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной».

По своему солнечному приветливому характеру он был счастлив от встреч с очевидцами и престарелыми участниками Пугачевского восстания: «Милая женка, не ревнуй меня, пожалуйста. Единственные женщины, за которыми я здесь волочусь, 80-летние казачки... Зато они помнят Пугачева, как мы с тобой — медовый месяц...», — писал своей жене Наталье Николаевне поэт из Оренбурга.

«Русский бунт, бессильный и беспощадный» встает со страниц, написанных добросовестной рукой поэта-историка. Не однажды содрогнется сердце читателя, переживая сцены зверских расправ восставших над своими соплеменниками — гражданская смута, народная война.

Иной Пугачев — более романтизированный, более распорядительный, рачительный, порою и милосердный — получился на страницах романа «Капитанская дочка». Такое впечатление, что «Историю Пугачева» он писал в назидание чиновникам и военачальникам, нерадиво справляющим дело власти. «Капитанская дочка», напротив, обращена к молодому патриоту, который брал бы в наследство отцовский завет: «Береги честь смолоду». Во всяком случае, подарив своего литературного Пугачева герою Отечественной войны 1812 года Денису Давыдову, в автографе Пушкин писал:

*Вот мой Пугач:
При первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой...*

Урядником Пугачев не стал, а стал «царем Петром III» и, начав мятежные действия 18 сентября 1773 года, прошел с пожарами по Уралу и Поволжью, обходя трех генералов, столкнулся в 1774 году под Царицыным (Волгоград) с самим генералиссимусом Суворовым и 10 января 1775 года был казнен в Москве — как разбойник, принесший родной стране много горя.

Пушкинская собеседница

В один из Пушкинских праздников я побывала в Оренбурге. Это был 1987 год. Пушкинский музей в Оренбурге прекрасен. Он хранит последнюю гипсовую маску с лица поэта, экспозиции рассказывают о глубоких отношениях, установившихся между генерал-губернатором Оренбургского края В. А. Перовским и Пушкиным, о творческом сотрудничестве поэта с В. И. Далем, о маршрутах Пушкина в яицкий городок, о роли этого городка в жизни баснописца В. А. Крылова, отец которого, капитан Кириллов, мужественно противостоял пугачевщине. В гостинице мы поселились вдвоем с поэтессой Майей Никулиной из Свердловска. Она поразила меня какой-то мировой скорбью, которая сокрушала ее сердце. «Я прошу тебя, — попросила она, — давай не будем ничего есть, кроме хлеба и воды... Мне так будет легче». «В хлебе и воде есть все, что надо человеку», — убеждала она меня.

Проблем с хлебом не было, потому что нам подарили оренбургский каравай величиной с ведро, воды тоже было достаточно. Так что я разделила обет Майи без особой скорби. Пусть будут хлеб и вода.

После знакомства с Оренбургом мы устремились к старинной казачьей слободе Бердской, то есть туда, куда отправлялся А. С. Пушкин, чтобы встретиться с казаками, которые и помнили Пугачева, и воевали в его войске. Пушкин называл Берду мятежной слободой. Здесь с ноября 1773-го по март 1774 года была главная ставка Пугачева, его «государев дворец».

В «Капитанской дочке» Пушкин словами Петруши Гринева так описывает этот дворец: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка... Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотой бумагой, впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе».

В Бердской слободе Пушкин всласть наговорился с Ириной Афанасьевной Бунтовой. Это, видимо, она помнила время Пугачева, «как мы с тобой — медовый месяц», это она проводила необыкновенного гостя в «царские палаты», это она рассказала о том, как Пугачев разбрасывал медные деньги в народ, когда проезжал по станице, это она помнила и через 60 минувших лет, что в марте 1774 года, получив первый разгром под крепостью Татищевой, вождь прискакал к себе в ставку с четырьмя казаками и приказал разбить стоявшие возле его «палат» бочки с вином, «чтобы драки не учинилось».

Прямо под руки любовно ввел в свои бессмертные рукописи Александр Сергеевич имя казачки Ирины Афанасьевны Бунтовой.

Но и она оставила свои воспоминания о знакомстве с Пушкиным. Их с удовольствием записали помещица Е. З. Воронина и чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Оренбургского края Владимир Иванович Даль, будущий автор «Толкового словаря великорусского языка»: «...Один из приезжих все меня заставлял рассказывать... расспрашивал, и песни ему я пела про Пугача». Сразу же после его отъезда из слободы бердские казаки и казачки стали ее упрекать в том, что она пела и рассказывала о Пугачеве чужому и явно подозрительному человеку. «Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню», а некоторые утверждали даже, что ее собеседником был и не человек вовсе, а сам «антихрист». Напуганная Бунтова на другой день явилась с казаками в Оренбург с покаянием к начальству: «Смилуйтесь, защитите меня, коли я наплела чего лишнего на свою голову, захворала я с думы».

Те смеются: «Не бойся, — говорят, — это сам государь позволил о Пугачеве везде расспрашивать». Ну уж и я успокоилась, никого не стала слушать».

...Пушкин дал ей на прощание червонец. Вот казаки и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину», и дарил золотом: должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». «Пушкин носил ногти необыкновенной длины; это была причуда его», — примечает В. И. Даль.

Вот таким «когтистым фармазоном» показался уральским простолюдинам франтоватый поэт, который привык менять свои белоснежные рубашки через два часа, носил на пальцах два замечательных перстня: один - с сердоликом, другой - с изумрудом.

Пушкин по гениальности своей доносов на казаков не писал, но одарил их несколькими дивными стихами, среди них «Гусар», «Сват Иван, как пить мы станем». Просторечные эти стихи категорически отличаются от его петербургского стиля: Поминать так поминать, начинать так начинать... ..Мастерица ведь была и откуда что брала. А куды разумны шутки, приговорки, прибаутки, небылицы, былины православной старины! Слушать, так душе отрадно. И не пил бы, и не ел, все бы слушал да сидел.

Донос на Пушкина, прибывшего на Урал, совершила не только милая его сердцу казачка.

«Последнюю ночь своего пребывания в Оренбурге Пушкин провел в городской квартире Василия Алексеевича Перовского, — сообщает пушкинист Ю. Л. Славянский. — А утром 20 сентября его разбудил громкий и заразительный хохот хозяина квартиры: нижегородский губернатор М. П. Бутурлин прислал своему коллеге частное письмо, в котором по-товарищески советовал ему быть осторожнее с Пушкиным: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должен признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте: должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях...». Некоторые пушкинисты полагают, что из этого курьезного письма в голове Пушкина созрел замысел «Ревизора», переданный им Н. В. Гоголю. Знаменитая теперь фраза Хлестакова «я с Пушкиным на короткой ноге» в действительности была не однажды произнесена генерал-губернатором Оренбургского края Василием Алексеевичем Перовским, но он имел на это полное право.

«До свидания в степях или над Уралом»

«Его превосходительству Василию Алексеевичу Перовскому от Автора» — это автограф Пушкина на книге «История Пугачевского бунта». Что из этого следует? То ли, что Пушкин снова собрался приехать к Перовскому в Оренбург? То ли, что Перовский собирался жить вечно в Оренбурге? Следует еще и то, что Автору, видимо, было незабываемо хорошо и в степях, и над Уралом.

И обеспечил этот сердечный комфорт писателю генерал-губернатор В. А. Перовский — очень известный в российской военной славе человек.

Первым делом столичный гость запросился в баню. О бане поэт энциклопедически высказался в одном из писем своей прекрасной молодой жене. «По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1). Русский человек в дороге не переодевается. И, доехав до места свинья свиной, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь?..»

Прекрасную уральскую баню заказали инженер-капитану Константину Демьяно-

вичу Артюхову, директору Неплюевского военного училища в Оренбурге. В очерке «Охота на волков» В. И. Даль писал об Артюхове: «...всеми любимый записной охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде и умевший смешить всех своими остротами».

Даль вспоминает, что стены предбанника были расписаны картинами охоты, «любимой забавы» хозяина. Пушкин тешился над этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откусать пива или меду. Завели разговор об охоте. «Вы уток стреляете?» — спросил Пушкин. «Уток-с? Нет, она умирает неэстетично, свалится боком, как топор с палки, валяется в грязи, кувыркается... Вальдшнеп — самая благородная птица на целом земном шаре, она умирает, как Брут, как Сцевола и Сусанин». Пушкин очень веселился этой метафоре, не раз рассказывал ее в Петербурге. И отослал с Перовским подарочный экземпляр «Истории Пугачевского бунта» К. Д. Артюхову. Директор Неплюевского училища гораздо больше Даля знал о Пугачевском бунте и тоже сопровождал Пушкина в некоторые поездки по станицам.

...По Оренбургу мы бродили стайкой: именитые московские писатели Сергей Есин, Татьяна Бек, Анатолий Колюжный и мы, безымянные уральцы. Туристический маршрут привел в городскую картинную галерею. Нас встретила главная хранительница.

— Вы как хотите, — воскликнула я, — но я прибыла в Оренбург по личному приглашению губернатора Перовского.

— Да-да, — поддержала меня улыбочивый искусствовед, — он вас ждет, пройдемте к нему в зал.

Миновав современные экспозиции, мы очутились в XIX веке. По рассказам специалиста выходило, что портрет В. А. Перовского до сих пор обладает какой-то властью, прямо генеральской энергетикой:

— Нигде не хочет висеть этот портрет, среди картин ему неуютно. Наконец мы догадались, что он желает быть один. Вот повесили этот портрет между окон, в полном одиночестве. Отсюда он грозно осматривает весь свой XIX век...

Мне показалось, что портрет Перовского излучает серебряный свет, несмотря на золото эполет и аксельбантов. Горячий требовательный взгляд, предельно художавый лик.

Это тот Перовский, который...

...Был с Пушкиным на короткой ноге, потому что любил литературу и издал собственные «Персидские записки», на этой же почве дружил с В. А. Жуковским.

...В молодости стал героем Отечественной войны с французами и в свои 18 лет участвовал в поджоге Москвы, побывал в плену у французов. Один год был членом декабристской организации «Военное общество», более этим делом не занимался и Следственной комиссией «оставлен без внимания». Лев Толстой мечтал написать роман «Декабристы», главным героем которого стал бы Василий Перовский.

...Пикантная знаменитость доблестного офицера состояла еще и в том, что он — внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского, бывшего в 1810–1816 годах министром народного просвещения.

Но у этого Алексея Кирилловича было три внебрачных сына, и все они составили славу России, и все дружили с Пушкиным. Во всяком случае, сказку «Черная курица», которую мы любим и знаем с детства, создал именно старший брат Алексей Перовский (его псевдоним Антоний Погорельский).

Алеша, герой сказки «Черная курица», — не кто иной, как племянник Перовского,

будущий писатель русский Алексей Константинович Толстой, который тоже был знаком с Пушкиным с детства своего благодаря Перовским.

С 15 января 1833 года граф Перовский — Оренбургский военный губернатор. Вот под его-то покровительство и прибыл Пушкин в Оренбург. Опасны были дороги Приуралья, «набегали» на проезжих киргиз-кайсацкие наездники. И Перовский выслал навстречу Пушкину отряд оренбургских казаков. Украсть ведь могли нашего поэта дорожные разбойники. Много русских людей попадало тогда в плен к хивинцам. Перовский платил казенным золотом за выкуп соотечественников из плена.

Прекрасный очерк о генерале Перовском написал советский прозаик В. Пикуль: «Хива, отвори ворота!» Вот эту свою идею-мечту — установление российских границ с Туркестаном, укрощение набегов Хивы и Коканда — и вынашивал генерал Перовский, и обсуждал свои планы с Пушкиным, которого считал умнейшим мужем России.

Бывал он в гостях у поэта и в то время, когда наезжал в столицу с хлопотами о своем будущем походе, который ему разрешили только в 1839 году. Ранней весной 1835 года Перовский и получил посылку и письмо от Пушкина: «Посылаю тебе «Историю Пугачевского бунта» в память прогулки нашей в Берды и еще 3 экземпляра: Далю, Покатилову и тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания в степях или над Уралом. А. П.».

И если в письме он обращается к приятелю на «ты», то на лицевой обложке книги торжественно начертано: «Его превосходительству Василью Алексеевичу Перовскому».

Его превосходительство В. А. Перовский до конца своей жизни осуществил два похода против Хивы, чем и вошел в историю Отечества. Первый неудачный поход погубил и веселого охотника, инженер-капитана К. Д. Артюхова.

Дело, начатое сподвижниками Перовского, завершили генерал Скобелев и наши с вами безымянные прапрадеды и прадеды, поскольку составляли основу Оренбургского казачьего войска. Их лица мы можем увидеть на картинах художника Василия Верещагина, сопровождавшего третий Туркестанский поход.

Пушкинский перстень

Есть чудный человек в русской культуре: Владимир Иванович Даль. Все мне кажется, что это он, это имя его сверкает драгоценно и загадочно, как золотой пушкинский перстень с изумрудом. Перстень, коим одарил умирающий поэт своего оренбургского товарища... друга... брата? Какую провидел судьбу Александр Сергеевич за плечами В. Даля, чтобы завещать ему уже на смертном одре свой простреленный сюртук и семейную реликвию, с которой не расставался, — деда Ганнибала изумрудный перстень? Оставил бы сыновьям! Нет, завещал Владимиру Ивановичу Далю.

Известно, что камень изумруд открывает своему владельцу тайну слова. Сиятельной тайной слова был одарен в семействе Пушкиных Александр, его и одарили знаменитым дедовским перстнем. На портрете художника Тропинина Александр Сергеевич изображен вдохновенно, одна рука его лежит на рукописи, а на пальцах два перстня: один с камнем сердоликом, другой — «наш», с изумрудом. «Наш» я его называю потому, что Владимир Иванович Даль ранней весной 1837 года привез пушкинский перстень к нам на Урал, в Оренбург.

«...Перстень Пушкина, который звал он — не знаю, почему — талисманом,

для меня теперь настоящий талисман... Как гляну на него, и пробежит во мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное», — пишет В. Даль В. Одоевскому 5 апреля 1837 года.

С юности — морской офицер, затем студент-медик Дерптского университета, на три года моложе Пушкина, он был далек от него. А вот с Жуковским познакомился в Дерпте у профессора Мойера. И порадовал классика задорным раешником: «Как Даля Ивановича в мундир нарядили, к тесаку прицепили, барабаном будили, толконком кормили... ничему не учили да по субботам били. Вышел молодец на свой образец...». Удивил бывалыми матросскими историями, он их знал во множестве, и сказками народными, которые, видимо, «липли» к нему сами, и словечками самовитными, которые записывал Даль в тетрадки со студенческих лет.

Публиковал свои бывалые истории молодой литератор под псевдонимом Казак Луганский.

Они познакомились осенью 1832 года, когда Даль передал поэту свою книжицу «Русские сказки. Пяток первый». И Пушкин в этом же году опубликовал свой очередной шедевр — «Сказку о царе Салтане». «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка», — утверждал Пушкин еще до знакомства с Далем. Известно ведь со слов его современников, как он записывал сказки и песни на ярмарке в Святогорском монастыре: «Рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках. Тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, сказки сказывают».

В. И. Даль так отмечал это чувство Пушкина к родному языку, к слову: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и УСЛАДОЮ он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз бывал тому свидетелем».

Пушкина вел Бог, Пушкин вел за собой своих соратников. Историки предполагают, что именно прозорливый Пушкин присоветовал весной 1833 года генералу В. А. Перовскому взять к себе на службу в Оренбург В. И. Даля в качестве чиновника по особым поручениям. Хитренький Пушкин уже собирал материал по истории Пугачевского бунта и послал впереди себя человека, который также глубоко переживал живость и океаническую неохватность русского языка, послал родного по духу человека и опытного литератора.

Но Даль еще и врач. Нужен он был Перовскому, которого мучила рана в груди, полученная в сражениях 1828 года.

Великолепный врач был Владимир Иванович Даль, в конце концов, величали его «второй хирургической перчаткой» Петербурга, «первая» оставалась за его однокурсником Пироговым.

В Оренбурге он горячо принялся за свое бессмертие. Скакал верхом по бесчисленным станицам, аулам, стойбищам Южного Урала. К концу года говорил на башкирском и казахском языках. Кстати, о языках. Даль был полиглот — многоязычник, как сказано в его словаре. Кроме русского, он знал немецкий, французский, английский, украинский, белорусский, польский, латынь, болгарский, сербский, татарский... Врачевал, говорят, прямо в степи, делал операции, готовил лекарства, разрешал гражданские споры. Так, в одном послании к Перовскому подданные требуют: «Пришлите к нам справедливого Даля!»

Ну чем не сверкающий изумруд в степи. Вот они и встретились в Оренбурге —

Пушкин и Даль — 18 сентября 1833 года. Интересно, что Пугачев начал свое восстание тоже 18 сентября.

Семь дней Пушкин и Даль были вдвоем и в городе, и в степной дороге, и в казачьих крепостях: Ниже-Озерной, Татищевой, Чернореченской, яицком городке Уральске... Сверяли свои знания о Пугачевском бунте.

Сам Даль утверждает, что идею создания Толкового словаря живого великорусского языка ему подсказал Пушкин: собрано материала много, а формы нет. Так примерно и сказал, что-де на Урал в 30-е годы переселили народу из десяти российских губерний, говор у всех особый, множество слов — не знаемых в столице, которая говорит по-французски, дескать, Даль, вы должны создать Словарь, которого нет.

И даже «гнезда» Словаря обговорили, и очень просил будто бы Пушкин не забыть и вставить в Словарь, где нужно, предания старины глубокой, приметы народные.

Так что Далев Словарь родился и наполнился у нас, на Урале, и по благословию Пушкина.

Во все встречи Пушкин играл с Далем в слова. За неделю до гибели Пушкин зашел к Далю, который приехал в Петербург по делам губернатора. Показал ему свой новый сюртук. «Посмотри, какая новая «выползина». Не скоро я из нее выползу!» — смеется поэт, потому что слово «выползина» подарил ему Даль. Выползиной казаки уральские называли змеиную кожу, что сбрасывают змеи с себя. Вот в этом сюртуке и стрелялся поэт. Случайно узнал об этой беде Владимир Даль. Врач, он немедленно бросился в дом поэта. 28 января последнюю ночь в своей жизни Пушкин провел на руках Даля. Терял сознание, в бреду звал: «Даль, пойдем со мной, выше, выше...», — они говорили впервые друг другу «ты». «Плохо мне, брат», — шептал Александр Сергеевич, цепляясь за руки Даля. Вот уже и брат...

— Ты знаешь, мне привиделось, что мы с тобой вот по этим книжным полкам вверх поднимаемся... Выше... выше...

После смерти поэта его жена Наталья Николаевна объявила его волю: семейный перстень с изумрудом и простреленный сюртук подарить Владимиру Ивановичу Далю — тот самый сюртук-«выползину»...

Восемь лет отдал В. И. Даль изучению Оренбургского края. Начал «малоизвестным чиновником, а покинул Урал знаменитым писателем и ученым».

Четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля издан впервые в 1863–66 годах и до сих пор сверкает, как пушкинский перстень, в нашей отечественной культуре. Кроме того, Даль издал два тома «Пословиц русского народа». Восемь томов составили его художественные и публицистические произведения.

А Пушкинский перстень после ухода из жизни В. И. Даля родственники передали в Академию художеств. Академия постановила вручать этот перстень как награду лучшему российскому писателю.

Первым обладателем этой награды стал Иван Сергеевич Тургенев, затем Лев Николаевич Толстой. Но Толстой не смог владеть сокровищем, посчитал, что это дело музея, и передал перстень с изумрудом в Пушкинский дом-музей. Во время гражданской войны, как сообщает предание, перстень пропал — говорят, его похитили то ли белогвардейцы, то ли красноармейцы.

Кому-то он пригодился, этот могучий Пушкинский перстень. Может быть, он опять на Урале? Где-нибудь носится над нами, как некий фантом-талисман... Ведь создатель современного русского языка Пушкин полюбил Урал за его просторы и вольный русский язык, и дарил он перстень Далю, видимо, чтобы передать сердечный привет далекому краю.

P. S. А в это время на Канарских островах под плеск волны ужинают в ресторане три деловых человека: англичанин, американец и новый русский. После первого блюда в виде отварных омаров приятели решили покурить. Американец открывает серебряный портсигар, на нем выгравирована дарственная надпись: «Милому Вилли от Мэри с любовью». Покурили.

Затем отведали знаменитый бифштекс по-канарски, послушали музыку и океан. Решили покурить еще. Теперь угощает сигаретами англичанин: портсигар золотой с надписью: «Джону. Твоя Маргарет».

Снова отведали вкусной островной пищи. И тогда достал свой портсигар новый русский. Золотой портсигар с бриллиантами и изумрудами. А на нем выгравировано: «Александрю Пушкину от князя Вяземского».

Марк САПОЖНИКОВ

До недавнего времени очерки о творчестве современных авторов Молдовы, пишущих на русском языке, можно было встретить чаще всего в их книгах, издающихся ограниченным тиражом и поэтому широкой публике неизвестных. Теперь есть возможность более широко и регулярно знакомить читателя с произведениями современных авторов, пробудить его интерес к литературным кругам.

Нашей задачей является не хрестоматийное перечисление имен с указанием всех заслуг. В том числе и демографических, не восхваление «своего» человека, особенно если книга издана за счет автора. Не демагогия со ссылкой на демократию и порожденные ею права, но своего рода анализ, объективность которого основывается на сопоставлении произведений современников с достижениями предшествующих поколений. Мы открыты для дискуссии, а не для молчания, каким обходят то, что может наскучить; мы ищем соучастия не от излишка сентиментальности, а потому, что вместе с вами обеспокоены состоянием нашего общества, его будущим. И мы очень рады, что уже с первых наших публикаций вовлекли в диалог специалистов кафедры русского языка и литературы КГПУ им. И. Крянгэ. Газета «Время» в номере от 30 октября 2008 года опубликовала нашу рецензию на книгу стихов члена АРП Молдовы Светланы Бахрушиной, в которой дан анализ ее творчеству с точки зрения поэтического мастерства. Автор статьи – литературный критик, а не благодарный сын или усердный официант, выслуживающий чаевые и клиентуру. Разница между официантом и критиком состоит в том, что первый работает с личностью, способной заплатить и с той же целью прийти снова. То есть не понравиться личности – не будет чаевых. Критик же работает не с личностями, а исключительно с их творчеством.

«Люди черствые, – отвечают нам в номере той же газеты от 18 декабря 2008 года, – не способны понять материнскую любовь, которой наполнены стихи, посвященные сыну, а уж женскую любовь – никогда. Помня заповедь Христа, адресованную своим ученикам, – «Любите друг друга», поэтесса смогла бы, на наш взгляд, адресовать «своему доброжелателю», который так и не разобрался в ее стихах, наполненных любовью и задушевностью:

*Будь счастлив, мой любимый,
И бог тебя прости!
Знать, так судьба решила
Нас в жизни развести!»*

Какая трогательная спекуляция на чувствах «в наше время, когда многие писатели и поэты пишут о политике, криминальной обстановке, насилии и убийствах»! Забегая вперед, спросим: о чем же вторая книга Бахрушиной? Вновь читаем ее стихи, соблюдая «книжную» пунктуацию:

*На углу у базара старушка,
Протянула мне молча ладонь,
И в глазах я ее увидела
Потухающий жизни огонь.
Унижение, горечь и боль,
И душа моя вмиг замерла,
Не смогла побороть эту боль.*

Самая идеальная рифма – срифмовать слово с ним же. «На углу у базара» – даже если поставить запятую, остается вопрос: на углу или у базара? Мимоходом заметим, что «потухать» в молодежном сленге – значит «смеяться». И посмеемся над пародией Александра Иванова:

*Я дома здесь, я здесь пришел не в гости.
Снимаю кепк, надетый набекрень,
Веселый птичк, помахивая хвостик,
Высвистывает мне стихотворень.*

Однако в пародии мы смеемся над синтаксисом, подчеркивающим поэзию этих строк.

*Скучаю по озерам глаз,
В разливах камышей морщинок,
Скучаю уж который раз,
Вся соткана из острых льдинок.*

Как видите, в этих строках нет ни пародии, ни поэзии. Александра Юнко ведет в газете «Русское слово» рубрику «Тайная тетрадь», в которой разбирает стихи неофитов, высмеивая их ошибки. Как может она говорить, что Бахрушина – «необыкновенный живописец поэзии» (поэзия – искусство образного выражения мысли, следовательно, «живописать поэзию» – все равно что «производить производство», но мы поняли Александру), «ее мир живописен, насыщен цветами и светом, ощутим, как нечто вещественное», когда налицо явное эпигонство:

*Тебя, мой милый, мой кумир,
Что без тебя весь этот мир
С ничтожным блеском, нищетой,
Продажностью и пустотой. –*

И графомания:

*Только в этом мире
Плохо им, бездомным,
Дождь зальет корягу,
Вымокнут голодные,
И проснутся в луже.*

Еще более интересна позиция преподавателей КГПУ им. И. Крянгэ, сеющих, по заветанию Некрасова, «разумное, доброе, вечное» и считающих, что «у нас в республике есть поэты хорошие и разные». Что разумного в восхвалении явной графомании, когда их студентам доступны произведения истинных поэтов, в именовании критика «доброжелателем», в воспевании того, что Бахрушина «следует в своем творчестве христианским заповедям», когда творчество само призвано следовать канонам избранного искусства. Она ж не монахиня! В противовес приведем слова И. Ионовой, зав. кафедрой русской филологии Славянского университета, из ее книги «Поэтический курс русского языка»: «Синтаксическая оболочка стиха должна служить органической формой для воплощения идейно-художественного замысла. Но даже зрительно – это красиво! Вообще, при чтении стихотворных произведений стоит обращать внимание, как они построены; как инверсионный порядок слов создает пластику стиха, его ритм и размер; как усиливает экспрессию синтаксический параллелизм; как предложения, разные по цели высказыва-

ния, передают тончайшие оттенки чувств; как выразительны бывают ряды однородных членов; какую совершенную форму стиха создают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения; какой глубокий смысл может стоять за каждым из знаков препинания; какие возможности таит в себе так называемый авторский синтаксис».

Поищем авторский синтаксис в стихах Бахрушиной:

*В созданы каждого творенья – незабвенность,
В них строгость линий, тайна волшебства...*

В ком – «в них»? И в чем незабвенность: в процессе создания творения или в творении творения? Следующие строки – просто шедевр:

*Тускло светит лампа за столом,
Шалью тьма легла тебе на плечи.
Золотой головки ореол
Святостью и мудростью отмечен.*

Адвокаты Бахрушиной поместили в своей статье изображение другой ее книги – «Возлюби ближнего», но не сказали о ней ни слова. А жаль, ведь они лишили свою апелляцию единственного аргумента. Опиравшись на эту книгу, защитники Светланы могли бы обосновать нашу «несправедливость» тем, что мы не в полной мере ознакомились с ее творчеством; что этой книгой она, как минимум, обеспечила себе место в Президиуме СП России. Но, к счастью, это поправимо. Итак, открываем эту книгу. Там – пьесы. Не вызовет удивления, если следующая ее книга будет называться «Защищайтесь, любя», и это будут рассказы. Традиционно вступительное слово принадлежит А. Юнко.

«Здесь есть что играть и есть что сказать», – пишет она. Сказать – не спорим, текста на 180 страниц. А вот играть – попробуем разобраться. «Даже пересказ сюжетов выдает их родовую связь с «дамскими» романами, цель которых не следовать художественной правде, но насытить изголодавшееся женское сердце надеждой на встречу с тем единственным и неповторимым, к кому можно прильнуть бледной повилкой и утолить все печали. Увы, «принц» выглядит несколько неубедительно. Ведь это не мужчина, а облако в штанах, невообразимая мечта, а не реальный человек. Поэтому и счастье возможно не здесь и сейчас, а где-то далеко... Грустную и трогательную ноту «не от мира сего» в «Симочку» вносит, пожалуй, только Вадим, своего рода двойник Парамона из пьесы «Возлюби ближнего». Слабый, пьющий, мятущийся, он оказывается надежным другом, без которого героиня вряд ли оправилась бы от потрясений. В «Красивой женщине» подобную роль берет на себя Сониная подруга Эля. Без этих наперсников и помощников центральный женский персонаж выглядел бы статичным, идеальным». Помните, как сказал Высоцкий в «Песенке про Мангуста» – приготовьтесь, сейчас будет грустно. Как видите, Юнко сама признает эйфоричность этих пьес. Вскользь заметим, что в данном контексте вместо «художественной правды» просится «жизненная правда», поскольку (из той же цитаты) именно художественная правда и насыщает изголодавшееся женское сердце. А до жизненной правды и вправду далековато. Хотя бы самим героям. Реплики всех без исключения героев носят формальный характер, переполнены формулами вежливости, бытовыми подробностями, вместо которых можно было внести и другие, и эта подмена несколько бы не отразилась на пьесе в целом; так же, как под данный сюжет можно было ввести людей иной, чем у автора, специальности. Важная деталь! Специальность, полученное образование создают человеку определенное место в обществе, его характер и мировоззрение корректируют пристрастия и окружение. Многих (но не всех) перестройка оставила «за бортом». Кому-то сменила источник дохода, кому-то – его декорации.

Врачи, слава богу, остались на прежних местах. Гена – врач. Сима – архитектор. На протяжении девяностых, как показала история, профессии, связанные со строительством, были и остаются по сей день достаточно востребованными. Поэтому Сима могла бы проектировать те же особняки, а при некоторой сноровке и наличии знакомств (посольство не благотворительная столовая, и туда запросто не пройдешь) открыть и стройфирму. Увы, прочитав пьесу, нужно было вернуться к перечню персонажей, чтобы вспомнить, что она – архитектор. Далее, Стас – сотрудник посольства, Цезарь – общественный деятель. На приеме в посольстве эти два человека по роду своей деятельности обсуждали, разумеется, не только танцы, но и дела, пользуясь неформальной обстановкой, и знакомство Симы с Замариным не стояло у них на повестке дня. Какое поле для автора! В небольшом диалоге отобразить взаимоотношения посольства и соответствующей диаспоры (приближимся к реальности) и т. д. Дипломаты, общественные деятели – люди отдельной касты с определенным складом ума, манерой высказываться и взглядами. И, конечно, фуршеты, приемы и прочая для них арена куда более приемлемы для реальных переговоров, чем кабинеты и пресс-конференции. Судя по соответствующим картинкам, знакомство Бахрушиной с такими людьми – чисто телезрительное. Обыграть же и декорировать знакомство Симы с Данилой можно с большим успехом на вечеринке в особняке у Замарина, ведь тогда бы она значительно уменьшила почтальонскую беготню по всему городу. Затем ей, как начинающему автору, еще не знакомы внутренние конфликты героев, которые обусловлены их историческим и социальным контекстом, иначе их реплики не были столь пустозвонными. Отсюда же исходит и чисто «механическая» взаимосвязь героев: не более чем «дорогая моя», «люблю тебя», «прости меня», «ты мне нужна» и приходы-уходы ради этих слов. Предсказуемый с первых кадров американский боевичок, где на фоне катаклизмов, вооруженного налета, мордобоя и взрывов завязывается любовь, которая в нормальных условиях не превысила бы дружеской связи. Не обошлась без «спецэффектов» и Бахрушина, толкнувшая Эммочку, которую бросил богач-Данила ради Симочки, к убийству последней. И как в боевике, после пятилетней разлуки (поездка новоиспеченных супругов по Европам) отвергнутый Гена роковую пулю принимает на себя. Однако следование традициям ярких, но быстро умирающих боевиков не уберегло от пошлости ни саму пьесу, ни главную ее героиню. Давно миновали те времена, когда на качество жениха, помимо состоятельности, влияла также ловкость при похищении невесты. Нынче, несмотря на то, что, по утверждению Эли из «Красивой женщины», «все погрязло в насилии и разврате», – это явная уголовщина и корни ее отнюдь не в матримонильных интересах. Удивляет героиня, зрелая женщина с ребенком, после пережитого кружащая, как пчела над цветком, вокруг «люблю, не люблю», притом, что у девушки двадцати понятие «люблю», как правило, вытеснило понятие «подходит», а на первом месте удобство отношений. Дружба Симы с Вадимом, вносящим, по мнению Юнко, «трогательную ноту «от мира сего», также весьма прозрачна, а роль сиделки при раненой Симе мог исполнять кто угодно. Проза более подходит начинающему автору для исполнения задач. В прозе «сиюминутность» реплики «наверстывается» описанием, в котором по необходимости и безвредно можно сжимать и расширять повествование во времени и пространстве, вводя, поясняя авторским текстом, героев, от третьего лица передавать их духовную динамику. Драматургия, как жанр, ставит иные требования и создает другие условия. Внутренний мир героя не очевиден и раскрывается в столкновении интересов. Отсюда афористичность горьковских персонажей и мнимая опосредованность героев Чехова, объясняющаяся «цепляниями» за, казалось бы, патриархальный быт людей, духовно разворошенных надвигающейся эпохой. «Возлюби ближнего» Светланы на фоне

других ее пьес делает существенный рывок. Это объясняется жизненностью некоторых персонажей. Верится в Настино желание повеситься.

Настя: *Спицы тебе! Макраме вязать буду, плести.*

Парамон: *Научи, и я поплету.*

Настя: *Рано тебе еще, успеешь. Вон давай, занята я.*

Однако неудачная ее попытка и последовавшее падение вместе с люстрой не значительней, чем если бы она вкручивала лампочку, а та по какой-то причине не входила в патрон («Блин, не получилось», – мол, соседа позову – вкрутит). Верится и старикам, верится и в приход бандитов к Зине домой, верится Майе и ее парню... верится потому, что бледное подобие описываемого происходит и сегодня, верится благодаря карманным романам Марининой, Шиловой и других. Тягостны только мотивы крушения мира. «Скоро здесь будет море. Господь очистит Землю от мерзости. Чтобы уцелеть, надо уехать». Куда уехать, на Марс? Юнко улавливает в этом дух классической «На дне», цитируя финальную реплику Сатина («Эх, испортил песню, дурак»), оговаривая, что горьковские герои «хотят лучшей жизни в мечтах», «но к делу переходить боятся и будущего не имеют», противопоставляя им бахрушинских персонажей, «которые не изолированы друг от друга, разделяют радости и горести», забывая, что Горький «опустился на дно» в поисках крайностей, которые вскрывают в человеке дно его природы, и выносит оттуда в «наготу» мысль о том, что «всё – в человеке, всё – для человека», «человек – вот правда». Последними словами и следовало бы вооружиться Бахрушиной в работе над своими пьесами, чтобы избежать повторения Эли и Сони из «Красивой женщины». Действительно, очень странно выглядит Соня, сорокалетняя женщина с ребенком-подростком (сказавшим, когда порезался: «Дайте поорать немного!»), сидящая на ступеньках оперного театра в ожидании солидного бизнесмена, человека намного старше ее. Сонино нетерпение (бизнесмен уезжает в командировку) объяснил следующий персонаж, которому она читала стихи во время третьего его звонка, а при первой встрече отдалась. Впрочем, характер ее приоткрылся немного раньше. Известные предложения звонящих по «Маклеру» она отвергала, ища принца вроде того бизнесмена, но, неправильно оценив его вполне понятную при серьезных намерениях неторопливость, немедленно встретила с алкоголиком. И сразу же Соня дала напоить себя водкой почему-то из бутылки из-под пива, на которой было написано «водка», затем отправилась его провожать, а домой вернулась аж за полночь. Следующий ее шаг смелее: позвонивший мужчина приехал так быстро, что ее сын, получивший деньги на Интернет, даже не успел одеть штаны. Соня с Элей, почти всё время проводившей у нее дома, до того напугали мужчину, что тот бежал, сославшись на импотенцию. Поистине «наперсница и помощница»!

Итак, предоставим Светлане право выбора творческого пути и рецензента. Можем только посоветовать ей – не одаривать преждевременно театр «хитом сезона», а переписать свои пьесы в прозе, чтобы дать себе возможность углубиться в изучение внутреннего мира своих героев. Это позволит ей открыть более глубокие причины вооруженных нападений и избавить зрителя от выстрелов на сцене, которые так не любил Станиславский.

Сергей ПОЖАР, музыковед

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗОДЧИЙ, ИЛИ КТО ЖЕ ПОСТРОИЛ ОРГАННЫЙ ЗАЛ?

До недавнего времени не было ни биографических данных этой безусловно неординарной личности, ни дат жизни и смерти, ни сведений о других его работах. Даже полное имя и отчество долгое время оставалось загадкой. И только благодаря усилиям отдельных энтузиастов (среди них – В. Тарнатин) кое-что стало проясняться в судьбе одного из патриотов нашего города, столько сделавшего для его процветания.

Родился Михаил Чекеруль-Куш в Кишиневе в 1864 году в многодетной семье статского советника. По национальности он то ли турок, то ли татарин. С детства тяготел к изобразительному искусству, по настоянию родителей обучался в Харьковском технологическом институте, получив престижную специальность инженера. Однако главным своим делом избрал зодчество.

Вернувшись домой, преисполненный творческих замыслов, молодой человек служит до 1898 года архитектором города. А вскоре возглавляет созданную исполнительную строительную комиссию, в чьи обязанности входили разработка программ, составление сметы, техническая опека новых застроек. В их числе местная больница, военный лазарет, Второе начальное училище и т.д. По личному поручению городского главы Карла Шмидта он курирует строительство женской гимназии княгини Елены Дадияни, спроектированной Александром Бернардацци (ныне Национальный художественный музей). Также Чекеруль-Куш стал автором плана красивейшего фасада амбулаторного покоя Гербовецкой общины Красного Креста, где давно уже расположен один из корпусов бывшего Лечсанупра (на пересечении улиц Влайку Пыркэлаб и Вероники Микле).

25 мая 1899 года на углу Пушкинской и Садовой, на месте нынешнего Государственного университета, был торжественно заложен театр, получивший название «Пушкинская аудитория». Уже в декабре 1900-го состоялась пышная церемония ее открытия. Большое по размерам, с виду просто роскошное, снабженное новейшими техническими приспособлениями, трехэтажное здание спроектировано Чекеруль-Кушем. Было оно и Народным театром, и ареной политических дискуссий. До злополучного пожара 1928 года здесь регулярно шли драматические и музыкальные спектакли, иногда концерты.

Вершиной же художественной мысли талантливого архитектора стал Городской банк, до сих пор (уже перепрофилированный) украшающий центр столицы Молдовы. Сам Бернардацци одобрил его смелый проект, который побеждает на объявленном Думой конкурсе с солидным премиальным фондом в 1500 рублей. Решенное в монументальных формах стиля классицизма с элементами романтизма, сооружение отличается строгостью пропорций, цельностью образа с тщательно прорисованными скульптурными деталями. Его выразительности способствуют очертания изящного купола, 4-колонные портики коринфского ордена со стороны главного и бокового фасадов, скульптурные группы на крыше и роскошные львы, охраняющие служебный и центральный входы. Фронтон долгое время венчала изящная фигурка Меркурия — бога торговли с мешочком денег в руке (мастер Михаил Лукашевский). Более полутора десятилетий пылится она где-то на складе Молдэкспо. Не пора ли опять водрузить ее на крышу памятника архитектуры, охраняемого государством и расположенного как раз напротив окон примэрии?

Городской банк строили девять лет и сдали в эксплуатацию 16 декабря 1911 года. Свою важнейшую функцию он надежно исполнял до 1975 года, когда в его судьбу вмешалась политика, причем самым счастливым образом. Дело в том, что к тому времени Светлана Бодюл, дочь тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Молдавии, окончила Московскую консерваторию как пианистка и органистка, даже прошла стажировку в Париже. Начав гастролировать по Советскому Союзу, она мечтала о достойном центре органной и камерной музыки в родном крае, о чем не раз говорила отцу. И всеильный Иван Иванович, всегда интересовавшийся искусством, мобилизует авторитетных деятелей на поиски подходящего места для Органного зала. Российский виртуоз Гарри Гродберг, председатель Союза композиторов Молдавии Василий Загорский, другие известные мэтры внимательно обследовали с разных точек зрения многие объекты. Среди них — Кафедральный собор, где тогда располагался Выставочный зал, красивейшее помещение общества «Знание» на пересечении улиц Пушкина и Букурешть — замечательное произведение Бернардацци, доведенное потомками, увы, почти до полного разрушения, прочие престижные сооружения.

Выбор пал на Городской банк — прежде всего из-за поистине уникальной акустики. Под руководством архитектора Юрия Леонченко его капитально реконструировали. Перепланировка внутренних помещений не отразилась на экстерьере. В нишах зрительного зала на 550 мест, украшенного 10 колоннами, в двух просторных фойе симметрично размещены скульптурные портреты выдающихся композиторов: И.- С. Баха и Г. Генделя, В. - А. Моцарта и Л. Бетховена, М. Глинки и П. Чайковского, С. Прокофьева и Д. Шостаковича, Н. Лысенко и Шт. Няги (все работы Лазаря Дубиновского); позже к ним добавили Дж. Энеску и Ч. Порумбеску. Установлен орган чешской фирмы «Ригер-Клосс», обустроены уютные репетиционные и артистические комнаты.

Первый концерт в Органном зале, по праву считающимся одним из лучших в Европе, прошел 16 сентября 1978 года. По аналогии с Собором Парижской Богоматери, местную достопримечательность остряки тут же окрестили «Собором Кишиневской Богодочери». С тех пор многие выдающиеся мастера мирового ранга и прославленные художественные коллективы считают за честь выступать здесь. От души поздравляем дружный коллектив этого Храма искусств с недавним 30-летием!

Но вернемся к герою нашего очерка, который и не подозревал, во что превратится со временем его лучшее детище. Михаил Чекеруль-Куш зарекомендовал себя личностью разносторонне одаренной. По характеристике газеты «Бессарабская жизнь», «в нем счастливым образом сочетались живой ум, боевой темперамент, широкая общительность и неизменная доступность всем, кто нуждался в его помощи». При поддержке Карла Шмидта он в 1901 году создал и сам же возглавил пожарную дружину, чья деятельность сразу выходит далеко за очерченные рамки, став по существу прообразом современного Министерства по чрезвычайным ситуациям. Так, во время ледящего душу еврейского погрома 1903 года он превратил здание пожарной охраны, находящееся в самом центре столицы, в неприступную крепость, где обрели спасение сотни беспомощных людей. Этот дворянин и городской голова вместе со своей бригадой смело врвался во дворы и дома, в которых лилась безвинная кровь, выводя оттуда иудеев. Позже местная еврейская община отметила сей христианский подвиг благодарственным адресом. Своему брату, известному присяжному поверенному Николаю Чекеруль-Кушу, работавшему в комиссии по отбору свидетельств трагедии, Михаил передал собственноручно собранные документы и материалы. Он приходил на помощь населению и в драматические дни октябрьского погрома 1905 года и весной 1909-го — в пору невиданного наводнения, вытаскивая из

затопленных помещений их обитателей и имущество, в другие кризисные моменты истории города.

На протяжении всей своей жизни этот неумный общественник, наделенный большой фантазией и кипучей энергией, успешно берется сразу за многие полезные дела. Помимо архитектурных проектов и технического контроля построек, являющихся основной сферой его деятельности, он занимается телефонизацией края и дорожным строительством, например, прокладывает шоссе Кишинев – Ганешты (Хынчешть) и подъездные пути к губернскому центру. Лебединой его песней стало возведение в 1915 году Крестьянского Поземельного банка, ныне Высшая судебная палата Республики Молдова, расположенная на улице Митрополита Г. Бэнулеску-Бодони. Работа эта получила высокую оценку специалистов, а ее автор — предложение войти в технический совет Министерства финансов с последующей реализацией серьезных градостроительных задач в Оренбурге и Каменец-Подольске.

Радужные перспективы напрочь омрачает Первая мировая война, заставив Михаила Константиновича отправиться на фронт во главе строительной бригады. Там он пробыл совсем недолго: рана вынудила в 1916 году вернуться на родину. В городской больнице, которую он когда-то сам возводил, ему ампутировали ногу выше колена. 23 января 1917 года, после продолжительной болезни, видный инженер и архитектор навсегда ушел в лучший мир. Никакого состояния себе он так и не нажил, кроме дома, доставшегося по наследству. Нищета усопшего и сильный мороз помешали похоронить его с должными почестями. Наша же задача — воздать их хотя бы сегодня, спустя почти столетие, ибо беспамятство к лучшим сынам Отечества закрывает путь в будущее целым народам.

Николай ВИНЯТИНСКИЙ



Об авторе! Родился в 1958 году в городе Бричаны, на севере Молдовы. После окончания средней школы был призван в ряды Советской армии. Служил связистом в Ракетных войсках стратегического назначения. После армии работал в Бричанском районном узле связи электро-монтажёром. Поступил в Одесский институт связи. Здесь же встретил свою будущую жену. После института был направлен на работу в город Единцы. Отец двоих дочерей. Желание писать преследует всю жизнь. В юности сдерживал себя, а несколько лет назад желание взяло верх.

Рассказ

Самая, самая...

Тот вечер помню плохо. Кажется, была пятница. Конец рабочей недели. Я плёлся, никого не замечая. У подъезда встретил соседку Маринку. Её пышные формы, словно нашатырь, поднесённый к носу, вернули сознание, позволив оценить прекрасное. Она улыбнулась, поздоровалась первой. Поговорили. О пустяках, но с удовольствием. Домой поднимался в приподнятом настроении. Жена встретила сухо. Позвала к столу. Глядя на пышную котлету, опять вспомнил соседку. Коснулся вилкой котлеты, голос жены:

– Кто является для тебя эталоном женской красоты? Только честно ответь, правда дорогого стоит.

Я хотел назвать Фриске или Королёву, но потом подумал, а чего далеко ходить? Тем более что ни Фриске, ни Королёву я вблизи не видел. И я, расслабившись, посмотрел любимой в глаза и честно ответил:

– Самая красивая – это Маринка со второго подъезда. Всё при ней.

Дальше – пустота.

Жена в больнице рассказала, что как только я назвал чужое имя, на улице грянул гром. Огненная стрела влетела в открытую форточку и, не задерживаясь и не петляя, ударила меня по голове. Лично я этой молнии не видел, но не верить жене... Да и шишка на затылке размером с кулак подтверждала сказанное, хотя и мешала носить панаму.

Прошло время. Шишка исчезла. О молнии почти забыл. Жена радовалась, как будто я с фронта вернулся. Блинчики, пирожки, кофе. По выходным прямо в постель приносила. И когда я совсем расслабился, она внезапно спросила:

– Милый, а кого ты считаешь самой красивой женщиной?

Мне показалось, что этот вопрос я уже где-то слышал. Чтобы не испытывать судьбу и не огорчать жену, решил, что имена красивых и стройных произносить не буду. Лучше промолчу. Но жена настаивала:

– Ты не бойся, скажи правду. От правды травмы быстрее заживают.

И я решился. Вот только выбрать не мог – Фриске или Королёва? Рот открыл и сам не поверил сказанному:

– Самая красивая – это Маринка со второго подъезда. Всё при ней.

Дальше опять пустота. Через пару дней я открыл глаза и увидел, что чашка на столе была пуста. Кофе кто-то выпил. Жена сказала, что молния опять влетела в форточку, коснулась моей макушки, перевернула чашку с кофе и улетела прочь.

Прошло двадцать дней, больничный заканчивался. Я почти оклимался. И чтобы наладить с женой нашу счастливую семейную жизнь, попросил принести кофе. Но на этот раз решил твёрдо – если жена опять про женскую красоту спросит, совру. Назову её имя. Пусть радуется. Ей будет приятно, да и Фриске с Королёвой ничего не узнают. Кому нужна моя правда? Лучше соврать. Может, от вранья молния пощадит мою лысую голову. Даст Бог, не придётся обматывать её бинтами. На кухне засвистел чайник. Слышу шаги жены. Про себя повторяю:

– Ты, только ты. Самая, самая, самая. Красивая, умная, любимая. Никто не сравнится с тобой. Пусть гром гремит, пусть сверкает молния и ливень зальёт наши улицы, наш город, нашу вселенную. Ничто не заставит меня разлюбить тебя. Ни Фриске, ни Королёва, ни Маринка со второго подъезда. Только ты!

Парящий кофе на столике. Тяну руку к пирожкам и слышу нежный голос жены:

– Кто в нашем доме курица общипанная?

– Ты, – отвечаю громко, – только ты. Самая, самая, самая что ни на есть настоящая.

Опять сверкнула молния. И, кажется, опять попала в голову. Намагниченная она у меня, что ли?

Небо на троих

Три президента сидели на скамейке и делили небо.

– Тебе вот от той тучки и до горизонта, а мне от края солнца и до Луны, – предложил первый, указывая пальцем границу раздела.

– Не возражаю, – согласился второй президент.

– Что значит «не возражаю»? – возмутился третий. – А мне что остаётся?

– А тебе вон – в дальнем конце неба. Приличный участок, – сказал второй президент.

– Разве это участок? Сами посмотрите. Одни тучи. Ни метра синевы.

– погоди, не нервничай, – попытался успокоить третьего президента второй. – Ты посмотри на эти тучки. Это же произведение искусства, а не небо. Красота. Тучки похожи на лошадок и на кораблики. А вон та – на верблюда. Представляешь, у тебя теперь есть свой верблюд.

– Это пока светло, – грустно подытожил третий президент, – а когда спрячется солнце, у меня не будет ни корабликов, ни лошадок, ни верблюда.

– Потерпи до вечера. Вечером мы опять соберёмся и поделим небо по-новому. И тогда ты получишь на три звёздочки больше. Согласен?

– Вы мне вчера обещали то же самое.

– Обещали, и что? – удивился первый президент.

– А то, что вечером на скамейку пришёл наш главврач со своей санитаркой. Они обнялись и до утра делили ночное небо между собой.

– Да, – грустно заметил второй президент. – Народ совсем совесть потерял. Без нас небо делят...

Телевизор пора менять

Вчера в продажу поступили телевизоры последнего поколения. Депутат от известной партии выпуск наладил. Экспериментальная партия. Купил, домой притащил. Вечером включил, а там одни полосы. Цветные, сочные.

Хотел отнести покупку обратно, но что-то сдерживало. Да и причину отказа надо придумать. Сказать, что не работает? А полосы? Полосы-то есть. И никакие-то там чёрно-белые, а цветные. С другой стороны, что мне полосы, когда жизнь на экране замерла. Нет жизни.

Нет диктора, нет рекламы, нет крови... Одни полосы. Красная, белая, голубая. Сколько на них не смотри – не блекнут и не исчезают. Прикоснулся к ручке цветности, сразу надпись высветилась:

– Что, не выдержал? Хочешь инициативу проявить?

Не зная, что ответить, покрутил ручку до упора, вернул обратно и снова – до упора:

– Неужели цвета не нравятся? – высветился вопрос.

– А что тут может нравиться? – шепчу возмущённо. – Если не получается изображение наладить, пусть хоть цвета поменяются.

Экран мелькнул, выплюнул грозный вопрос:

– Ты кто такой, чтобы менять цвета на государственном флаге?

В глазах потемнело. Сел в кресло, думаю: «Я что купил: телевизор или государственный флаг»? Если телевизор, тогда пусть показывает все прелести этой жизни: фильмы, споры, драки, рекламу. Имею право на информацию о происходящем. И опять за ручку цветности. И опять вопрос:

– Что, не сидится спокойно, адреналина хочется?

– Адреналин не масло, на хлеб не намажешь, но и хлеб постоянно жевать надоедает. Покажите хоть что-нибудь. Зрелища хочу!

На экране большими буквами с пугающим уклоном:

– Ну и какого тебе зрелища?

– Кино хочу! Там, где стреляют, убивают, топят, насилюют. А нет кино, покажите, как обнажённые женщины танцуют.

В телевизоре раздался щелчок, напоминающий снятие «Калаша» с предохранителя. На фоне цветных полос побежала строка:

– О, мил человек, далеко ты зашёл. Убийство, насилие, разврат, – а без этого жизнь уже не жизнь? Тогда тебе не телевизор нужен, а большой топор и путёвка в географическую точку, где зимой холодильники даром не нужны.

– Но это мой телевизор! – возмутился я. – Хочу убийств, драк, историй про наркотики. Покажите хоть что-то. Имею право!

Телевизор не стал себя упрасивать. Цветные полосы исчезли. Вверху белого экрана появилась шапка: «Уголовный кодекс». Под шапкой мелким шрифтом уголовные статьи и сроки лишения свободы за убийство, драки, наркотики. Под сроками – возможность свободного выбора: настаиваете на насилии и драках, нажмите на Вашем пульте цифру «1». Для возврата в мирную жизнь нажмите «2».

Я нажал «2». Появились знакомые полосы. Красная, голубая, белая. На душе по-теплело. Устроившись в кресле, долго любовался уже знакомыми полосами. Уснул. И так сладко спал, будто в детство вернулся. Даже сон видел. Цветы, речка, мяч с пацанами гоняем и соседка Инночка с соседнего двора.

Уходя на работу, твёрдо решил, что старый телевизор пора выбрасывать.

48 конвертов

Поезд Одесса – Москва рычащим зверем пробежал краем леса, пересёк автодорожное полотно, подставляя стальной бок восходящему солнцу. Десятки солнечных зайчиков отразились в окнах, передразнивая солнце. Александр, ехавший в одном из купе десятого вагона, посмотрел на пустую сигаретную пачку, лежащую на краю столика, грустно вздохнул. Отсутствие сигарет ещё больше испортило настроение. Проводница давно обещала принести чашку кофе. Не принесла. Забыла. Александр ругал про себя проводницу, но идти на поклон к этой ворчливой особе второй раз не очень-то хотелось. Он надеялся, что ещё немного, ещё десять–пятнадцать минут, и поезд сделает очередную остановку на неизвестной станции. И тогда он выбежит и купит сигарет и пластмассовый стакан горячего кофе. Проходя мимо проводницы, с презрением посмотрит в её сторону и больше ни о чём не станет её просить.

Александр вновь выглянул в окно. Набежав неизвестно откуда, чёрные тучи атаковали солнце, спрятали его от глаз людских. Пошёл дождь. Мелкий и, наверное, холодный. Вскоре капли стали больше. Они яростно стучали в окна, превращаясь в замысловатые узоры на стекле. Между тучами сияли лоскутки синевы. Солнце пыталось пробить чёрную брешь, но тщетно.

Мокрое и запотевшее стекло, с двумя синими по бокам занавесками, чем-то напоминало испорченный телевизор. Неожиданно, чуть в стороне, словно мираж в горячей пустыне, возникли очертания незнакомого городка. Захотелось курить. Поезд, словно подслушал желание своего пассажира, решил его позлить – заметно сбавил скорость. Потом несколько раз судорожно дёрнулся и, сковав себя надёжными тормозами, остановился, как вкопанный. Стало непривычно тихо. Александр вспомнил детство, бабушкин дом на берегу небольшого озера. В детстве было так же тихо. Александр, не отрываясь, смотрел в окно. Огромное поле напоминало чужую, неизведанную планету. Даже тучи трусливо разбежались, выпустив из плена солнце. Дождь прекратился. И вдруг, словно по написанному кем-то сценарию, тихо подкрался и остановился встречный поезд. Он стоял совсем близко – в метре, не больше. На одном из его грязных вагонов красовалась табличка: Москва – Одесса. «Интересно, почему два поезда остановились рядом? – спрашивал себя Александр. – Неужели для того, чтобы машинисты могли поговорить, поздороваться, впечатлениями поделиться?» Александр улыбнулся. Мысли показались ему смешными и наивными. Слепящее солнце заставило закрыть глаза. Через минуту, морщась и протирая глаза руками, он увидел в соседнем поезде женщину. «Симпатичная, – отметил он, – очень даже симпатичная. Примерно моего возраста, а может младше». Он знал, что определить возраст женщины сложно. Во всяком случае, для него это было невыполнимым заданием. А женщина, уловив любопытный взгляд, прикрыла рот рукой. Александру показалось, что она испугалась его небритой физиономии. «Надо будет побриться, – решил он, переводя взгляд на другой вагон. – Седая щетина старит».

Как-то совсем не в тему вспомнился случай двадцатилетней давности. Точно так же в чистом поле встретились два поезда. В одном из них ехал он. В другом – его Ольга. Нет, она ещё не была его. Просто ехала в том поезде симпатичная девушка. И точно так же, как и сегодня, остановились два поезда рядом, окно в окно. Он посмотрел на неё и тихо прошептал: «Не зря поезда останавливаются друг напротив друга». Он смотрел на нее секунд десять или двадцать – не важно. Потом, схватив свою сумку, выскочил на улицу, подбежал к вагону, в котором ехала она, и стал умолять проводницу взять его в свой вагон. Проводница попалась ворчливая, даже не взглянула в его сторону. Лицо, словно

восковая маска, – на ласковые просьбы не реагировала. Ни сострадания, ни сочувствия. Понимая, что поезд вот-вот отправится, Александр лёг на землю, положил голову на холодную, блестящую рельсу и тихо сказал:

– Сестричка. В твоём вагоне едет самая красивая девушка на всём белом свете. Если она уедет, мне ничего не останется, как умереть под колёсами твоего вагона.

– Ты что, придурок? – испуганно поинтересовалась проводница. – Только этого мне и не хватало. Поднимайся скорее. Чёрт с тобой, возьми, а то поезд тронется и в самом деле башку твою дурную оттяпает. С дурака станется.

– Я не дурак, я влюблённый, – ответил радостный Александр, поднимаясь в тамбур.

– Так это почти одно и то же, – заключила проводница. – Давай показывай, в кого ты там влюбился? Может, пока стоять будем – успеешь разлюбить.

– Пятое окно от нас.

– Понятно, – кивнула проводница, меняя гнев на милость. – Так я и думала. Проходи, одна она едет. Восьмое купе.

– Сколько с меня за билет?

– Ты сначала познакомься, может, ты не в её вкусе. Успеешь рассчитаться. Всё равно, если попадусь, никто не поверит в твои сказки. У нас правила такие, что любой безбилетник – заяц. И ты заяц.

– Ага. Только я влюблённый. А с влюблённого зайца что возьмёшь?

– Иди, иди, заяц, – сказала проводница, улыбаясь.

Александр с замиранием сердца потянул ручку двери восьмого купе. Бросив сумку перед собой, он чуть дрожащим голосом произнёс:

– Я мечтаю ехать с вами до конца своей жизни и, если можно, без остановок.

Он понравился ей. Они поехали вместе.

* * *

– А может это не Сашка? Может, я ошиблась? – шептала женщина, зажимая рот ладошкой, чтобы не закричать. – Может мне очень хочется, чтобы это был именно он? Нет, я не могла ошибиться! Это он. Вот и шрамик над левой бровью. Двадцать лет прошло, а след от острого камня остался. В памяти всплыла до боли знакомая картина. Двадцать лет назад она ехала в гости к своей любимой бабушке. Планировала провести у нее чуть больше двух недель. Мечтала выспаться, почитать, помочь бабушке и, конечно же, вдоволь поваляться на пляже. Только вот с парнем в поезде она никак не планировала знакомиться. Он прибежал из соседнего поезда, перепутав все карты. Уговорил Ольгу взять его с собой. Хотя... какое там «угговорил». Не уговаривал. Он не умел уговаривать. Он просто перешёл к ней, и они поехали вместе. Ему всё равно куда ехать. Лишь бы с ней.

Он не спрашивал, куда она едет, только восхищался её красотой. На перроне в Одессе они вышли вместе, и он продолжал следовать за ней, как тень. Лишь когда они подъехали к магазину «Океан» и пошли по улице Ильфа и Петрова, он спросил: «А куда мы идём»?

– Я к бабушке, – ответила она, – а ты – не знаю.

– Ну и славно, – ответил он, улыбаясь. – Провожу тебя и уеду.

– Куда? – настороженно спросила Ольга. – Неужели домой?

– Не для того я бежал за тобой следом, чтобы сейчас домой возвращаться. Подожду тебя, вместе уедем.

Он проводил её до подъезда, договорившись встретиться утром возле «Океана».

Утром он ждал её с букетом цветов.

– А я думала, ты не придёшь, – призналась она и как-то застенчиво спросила: – Ты где ночевал?

Он хотел рассказать, что в этом городе у него есть друг, футболист, и ночевал он у него. Только вместо честного ответа он почему-то схитрил. Сказал, что ночевал в парке, на холодной скамейке. Грустно так сказал. Он спрашивал себя, зачем соврал? Хотел посмотреть, как она отреагирует? А может, лукавя, хотел на жалость надавить?

Оля грустно вздохнула. Сегодня она точно знает ответ на этот вопрос. Сашка сам на него ответил. Потом, чуть позже, через сутки. А тогда, услышав, что он спал на скамейке, была готова заплакать. Но не заплакала, она поспешила обрадовать его.

– А знаешь, мне с поездкой не повезло. У бабушки сестра в Минске заболела. Она собралась ехать в гости. Просила подождать её несколько дней. У бабушки две комнаты, так что сегодня я возьму тебя на квартиру. Если, разумеется, ты будешь вести себя хорошо.

– Буду, конечно же, буду, – обрадовался он. – Я принесу скамейку из парка и буду спать в коридоре.

После обеда они вместе провожали бабушку на вокзал. Кажется, Саша понравился ей. А вечером... Это был незабываемый вечер. Шампанское, свеча на столе и долгий разговор. Казалось, они знали друг друга вечность. Ровно в полночь он достал из сумки футляр и протянул Ольге. Там лежала цепочка. Золотая. На цепочке медальон в виде буквы «О». Ей понравился подарок, и она поняла, что их отношения приблизились к той черте, перешагнув которую можно впоследствии пожалеть. Но отступить не хотелось. Они перешагнули красную черту и утром проснулись в тесных объятиях.

– Смотри, какая погодка, айда на море, – приказала она.

Сашка понимал её. Она стеснялась того, что произошло. Не боялась, не жалела, а просто стеснялась. Он не стал спорить. Выпив по чашке кофе, они побежали к морю. Море встретило влюблённых сурово. Так им показалось. И они сгоряча обвинили его в краже.

– Сашка, я потеряла цепочку и медальон, – закричала Оля. – Море забрало твой подарок.

По её щекам побежали горькие слёзы. Она ругала море, шлёпала его ладошкой, кулачками, но синеватая вода лишь ослепительно отражала солнце, никак не реагируя на шлепки и угрозы. Оля знала, что в свой подарок Саша вложил треть заработанных в стройотряде денег. Они надеялись найти цепочку. Нырять раз за разом, Саша разжимал кулаки, но ничего кроме зелёных водорослей в руке не было. Он настойчиво продолжал поиски и неизвестно, сколько ещё минут, часов провёл бы под водой. Только вот острый камень заставил отказаться от поисков. После очередного погружения Саша стукнулся лбом об острый край камня. Стало понятно, что море подарка уже не вернёт. Они поплелись домой. Расстроенные и обиженные. Он пробовал успокоить её, но она лишь грустно вздыхала.

– Молодые и красивые, угостите сигареткой, всю правду расскажу, – услышали они голос за спиной. Оглянулись. Чуть в стороне на скамеечке сидела молодая цыганка и хитро улыбалась.

– Спасибо, милая, – ехидно ответил Александр. – К сожалению, ты ничем не сможешь помочь. Без тебя тошно.

– Э, не скажи, – не сдавалась цыганка, – без меня вам сложно будет во всём разобраться. Только я смогу вам помочь. А иначе, зачем судьба перекрестила наши дороги? Я послана, чтобы помогать людям. Не отказывайтесь, жалеть будете.

Оля посмотрела на Сашу. Тот решил, что разговор цыганки отвлечёт на какое-то время его любимую от грустных мыслей.

– Ладно, скажи, что у нас случилось, получишь на мороженое. Только не вздумай применять свои цыганские уловочки, иначе повернёмся и уйдём. Знаю я ваши фокусы. Сейчас потребуешь выложить все деньги, потом попросишь потереть их о зеркало и... плакали наши деньги.

Цыганка опять улыбнулась.

– Не бойся, касатик, не стану я ничего такого делать. Вижу, ты грамотный, но несчастный, а зачем мне обманывать несчастного человека. Нет, милок, грамотных и несчастных я не обманываю. Я их жалею.

Сашку задела эти слова. Ещё недавно он считал себя самым счастливым человеком, и вот теперь эта хитрая цыганка утверждает обратное.

– Это почему же я несчастный? – зло спросил он. – Думаешь, из-за потерянной цепочки мы горевать будем? Ничего подобного. Сегодня же, назло морю, Нептуну и всем русалкам я куплю ещё одну, точно такую же!

– Вы потеряли что? – бесхитростно спросила цыганка.

– Цепочку в море, – призналась Оля.

– Шутите?

– Почему шутим? Серьёзно вам говорим. Потеряли в море цепочку. Злое море. Воровать любит. Украло цепочку, – повторяла Оля, пытаясь доказать хитрой цыганке правду.

– Ай, молодые и глупые, – захохотала цыганка, – ай, какие вы красивые и несерьёзные. Зря море ругаете. Ничего оно у вас не крало. Сами виноваты, а море ругаете. Нельзя. Обидели вы его. Накажет оно вас. Проверку вам устроит. Не выдержите вы той проверки. Красивые, но глупые, и потому много страдать вам придётся.

– Да ну тебя! – обиделся Саша. – Болтаешь чушь. Мы что, сами себе верить не должны? Сами себя обманываем? Говорят тебе, потеряли цепочку в море, а ты не веришь. А ещё гадать предлагаешь. На тебе деньги, купи лучше шоколадку и не гадай, если не умеешь.

– Ай, глупые вы мои, – смеялась цыганка, – ай, вы мои наивные. Сказано, ничего вы не теряли, значит, не теряли. Потеряете вы потом. Если ума не наберётесь. Только особо не расстраивайтесь. В конце концов, вы всё поймёте и попробуете вернуть потерю. У вас всё получится, только времени на это уйдёт много. А может оно и к лучшему. А за денежку спасибо. Я куплю на них шоколадку. Люблю сладкое.

Своим неопределённым, хитрым и загадочным ответом цыганка ещё больше ошеломила молодую пару.

От Шестнадцатой станции до Ильфа и Петрова час ходу. Молодые люди шли больше двух часов. И сами того не замечая, успокоились, смирились с потерей. И всё Саша. Он повторял, что это судьба устраивает им первый экзамен, испытывает чувства, проверяет на прочность хрупкие нити, которыми они добровольно связали себя. Оля поверила. Ей хотелось верить в лучшее.

Придя домой, она сняла шлёпки и первая зашла в ванную. Через минуту из ванной раздался оглушительный крик. Выскочив, Ольга держала в руке ту самую цепочку, которую они так усердно искали в море.

– Сашка, я нашла её. Она на вешалке была. Представляешь, я не потеряла её, а забыла. Рассеянная, правда?

Александр что-то объяснял, доказывал, но Оля его не слышала. Она надела подарок

и с радостной улыбкой красовалась перед зеркалом. С тех пор Ольга никогда не снимала дорогого подарка. Цепочка служила верным талисманом и не позволяла забыть того, с кем вскоре пришлось распрощаться. Кто знал, что счастье может быть таким капризным и недолгим.

Потеряв голову от любви, Сашка провалил зимнюю сессию и вынужден был уйти в армию. Прощаясь, он просил дождаться его. Она пообещала. Не получилось... Не дождалась... Помешал сосед-разлучник. Он давно положил глаз на красавицу-соседку. И злился, когда видел Ольгу в обнимку с неизвестным молодым человеком. А когда узнал, что Александр уходит в армию, обрадовался. И не просто обрадовался, а решил действовать. Это он следил, когда почтальон бросит в её почтовый ящик письмо, чтобы потом забрать его. Письмо от солдата.

«За три месяца ни одного письма. Быстро же он забыл меня, – возмущалась Ольга, пытаюсь оправдать совместный поход в кино с надоедливим соседом. – Пусть не думает, что я без него пропаду. Предатель».

Прошёл год. Сдавливающая сердце боль постепенно утихла. Рыжий сосед сделал Оле предложение. И она согласилась. Не от большой любви, просто отомстить хотелось. Она боялась, что когда-нибудь встретит своего Сашку в обнимку с другой, она просто умрёт. А сосед смотрел такими преданными глазами, что отказать ему у Оли не было сил.

Всё было готово к свадьбе. Машина ждала у подъезда. Через час они должны быть в загсе. И чем меньше оставалось времени до росписи, тем сильнее нервничал жених. Он не мог простить себе чужих писем и решил во всём признаться. Он был уверен, что Оля давно разлюбила своего солдата и уже никакая правда не помешает им соединить свои судьбы. Протягивая кучу писем, рыжий с улыбкой победителя сказал: «Это тебе. Надеюсь, ты сама их порвёшь. Ну, а я обещаю никогда не вспоминать того прошлого».

Такой разъяренной Ольгу никто ещё не видел. Она была рыжего, чем попало. Разорвала на глазах родных своё свадебное платье на мелкие лоскутки. От бессилия взяла два конверта и пыталась засунуть несостоявшемуся жениху в рот. При этом зло приговаривала: «Ешь, гад, пока будешь жевать, будешь жить. Потом задую, как бешеную собаку». Жених смеялся, думал, что всё уляжется, утрясётся. Куда там? Оля схватила нож и пошла на рыжего. «Иди сюда, гад, я тебя на ремни резать буду!» Жених вмиг перестал скалить зубы и, пятась назад, выскочил из квартиры.

Потом, вспоминая сцену с ножом, Оля улыбалась. Она спрашивала себя, откуда в голове всплыла угроза насчёт ремней? Она никогда этой фразы не слышала и сама придумать не могла. Видно, где-то в подсознании затерялись остатки грозного боевика.

Свадебная машина уехала пустая. Свадьба не состоялась. Оля закрылась в комнате и долго читала запоздавшие письма. Ночью на каждое письмо написала ответ, а утром отнесла на почту сорок восемь конвертов.

Она надеялась, что он получит их и всё встанет на свои места. Она не знала, что Сашку давно перевели в другую часть и он никогда не получит запоздалых ответов на свои письма.

* * *

«Она чем-то похожа на Ольгу, – подумал Александр, решившись ещё раз скопировать взгляд в сторону симпатичной женщины из соседнего поезда. – Интересно, где теперь моя Ольга? Раньше я злился на неё. Сегодня готов отдать всё, лишь бы взглянуть на нее. Я бы посмотрел ей в глаза и всё понял. А ещё хочется спросить, почему она не писала? Ах, как давно это было. Сегодня я не узнал бы её. Даже не верится. Время – самый про-

фессиональный гримёр. Так загримирует, что мало не покажется. Интересно, зачем оно так поступает? Чтобы спрятать любимых друг от друга, если вдруг они пройдут по одной улице? Время превратило нас в чужих. Абсолютно чужих людей. А может не время, может, мы сами? Чего на зеркало пенять, коль... Ах, если бы можно повернуть время вспять, я никогда бы не потерял её».

Неожиданно, без всякого предупреждения поезд зло дёрнулся. Александр взглянул на женщину и увидел, как она оторвала свою руку от губ и подняла её вверх. Его взгляд застыл на букве «О». Вскочив с места, он прижался лицом к холодному стеклу, повторяя:

– Нет, не может быть! Это Оля! Это она! Это моя Олечка! Как же так? Десять минут я смотрел на неё и не узнал. Ну как же так? Ну почему я не узнал её? Как быть? Что делать?

* * *

– Мужчина, вы кофе будете? Я вас в сотый раз спрашиваю. Ну, чего вы прилипли к окну и облизываете стекло? Кого вы там увидели?

Александр оторвался от окна, лишь когда поезд, в котором ехала женщина, скрылся из вида. Он обернулся. Перед ним стояла проводница, которая ещё ранним утром обещала принести кофе.

– Сестричка, ты себе не представляешь, кого я сейчас видел. Это была моя любимая девушка.

– Так у вас есть любимая девушка? – ехидно спросила проводница. – Вот так новость. А на вид и не скажешь, что вам как минимум сороковник стукнул. Вот она сказка – всю жизнь с девушками встречается, – каламбурила проводница, отступив на шаг назад.

– Вы не поверите, это была моя Олечка из далёкой молодости, – уточнял Александр.

– Из молодости? – тихо переспросила проводница и сама ответила: – Ну, если из молодости, тогда другой компот. А то я подумала, что ты, барин, с ума без кофе сошёл.

– Двадцать лет прошло. Представляешь, двадцать лет. Я не узнал её.

– Такая страшная стала? – спросила проводница и робко кашлянула, боясь, что за подобные слова навлечёт на себя гнев. Но Александр не слышал язвительных шуток. Или не обращал на них внимания. Он витал в небесах, точнее, вернулся в прошлое и пытался задержаться там, как можно дольше.

– Двадцать лет. Я не узнал её. Надо было выскочить, перебежать к ней, попросить прощения. Кто его знает, почему так случилось? Я даже не обнял её.

– Выскочить и перебежать? – спросила проводница.

– А что тут такого?

– Да ничего «такого». Это поступок. Тут смелость надо иметь. Изменить всё в одно мгновение может лишь идиот или по настоящему влюблённый человек. Я знала такого. Хочешь, расскажу? – предложила проводница.

– А ты пока кофе попей, легче станет.

Не дожидаясь разрешения, она села напротив, поставила перед Александром чашку с кофе.

– Давно это было, – тихо сообщила проводница. – Много лет назад наш поезд остановился в чистом поле.

Полотно ремонтировали. Дожди насыпь размывали. И тут к вагону подбежал он – радостный и взволнованный. Ни здарсьте, ни до свидания. Сразу орать начал. Мол, в моём вагоне едет самая красивая девушка на свете. Понятно, что не я. Он умолял пустить его в

вагон, иначе обещал лечь на рельсы. Анна Каренина, блин. В общем, взяла я его. Жалко стало. И что ты думаешь, они таки познакомились. И понравились друг другу. Ты представляешь, он ехал в Москву из Одессы, но пересел и поехал обратно в Одессу. Вместе с ней. Чудак. До сих пор снится, гад!

– Почему, гад?

– Да это я так, любя, – махнула рукой проводница. – Такой поступок. Он мне шоколадку купил, шампанским угощал. А ещё обещал на свадьбу пригласить. Трепло. Представляешь, семь часов вместе, а уже были уверены, что вместе навсегда. Жаль только, что на свадьбе я не погуляла.

– Почему? – спросил Александр.

– Не было свадьбы. Не состоялась. Не сложилось, не пригласили.

– А почему не сложилось? – поинтересовался Александр.

– Да он в армию ушёл, а у неё сосед – дурак полный. Письма из её почтового ящика воровал. Потом признался, даже предложение ей сделал. Но когда она узнала о его проделках, чуть не убила. О, ты себе не представляешь, как она его колошматила. Да, чудная была пара.

– Это с дураком-то?

– С каким дураком? – не поняла проводница. Потом подумала, поняла. – Нет, не с дураком. С дураком – это так, от безысходности. Я про своих говорю. Ты бы видел, как у них горели глаза. Подлый сосед всё испортил. Из-за него они никогда больше не встретились. Мы с Ольгой сначала перезванивались, потом даже подругами стали. Она мне все уши прожужжала про своего Сашку.

– Ольга? – переспросил Александр. – А вы случайно не Люба?

– Люба, а что тебя так насторожило? Станешь доказывать, что я тоже из твоей молодости?

– Милая моя, родная, дай я тебя поцелую, – радостно заговорил Александр, переходя на «ты».

– Но, но, – грозно перебила проводница. – Ненормальный, что ли? Ты мне брось свои шуточки. Чего это вдруг я должна с тобой целоваться? Нет, ты мужик солидный, красивый, но целоваться с тобой не хочу. Ещё раз полезешь со своими поцелуями, милицию позову.

– Любана, так ведь я и есть тот самый Сашка, о котором ты сейчас рассказывала.

– Ври больше! – не верила проводница. – Тот был моложе, стройнее, крепче. А ты вон лысый почти.

– Ты права, – грустно улыбнулся он, – и моложе я был, и шевелюра была. А теперь ни волос на голове, ни счастья в личной жизни.

– А если ты и есть тот самый Сашка, тогда скажи, что ты купил мне, когда мы в Одессу приехали? Помнишь?

– Да чего тут помнить? Шоколадку я тебе купил и маленького плюшевого мишку. На перроне бабка игрушки продавала, тебе мишка понравился. А ещё вот что, – Александр полез в карман, вытащил кошелек, открыл, достал фотографию. – Вот смотри, это мы с Олечкой на море. Видишь?

– Точно, это они и есть, – обрадовалась проводница. – Трудно поверить. Слушай, а откуда у тебя фотография Ольги и Сашки? Ну, чего улыбаешься, как сытый кот?

– Так это я с Ольгой, медуза ты непонятливая.

– Точно, так всегда любил говорить Сашка. Слушай, так что же это такое получается? Ты и есть Сашка?

– Ну, слава Богу, сообразила. Конечно, я. А в поезде, который стоял напротив, ехала Ольга. Понимаешь?

– Слушай, я сегодня у Галки была. Ну, которая с третьего вагона. Ты не знаешь её. У неё день рождения. Тянули с девчонками. Подожди, о чём это я? А... вспомнила. Ты не думай, что выпившей проводнице можно часами лапшу вешать. И разыгрывать меня не надо. Не люблю я шуток. Я женщина серьёзная. Обижусь и уйду.

– Любана, да никто тебя не разыгрывает. Хочешь, паспорт покажу?

– Паспорт, паспорт. Может, ты украл его? Хотя, зачем тебе это надо? Ну, не может такого быть, чтобы два поезда с одними и теми же людьми в чистом поле встретились. Не может!

– Оказывается, может, – разводя руками, заключил Александр.

– Сама вижу, что может. Паразит ты этакий. Зараза ты, Сашка. Убила бы тебя.

– За что?

– Э, не важно. Слушай, Санька, сейчас остановка будет. Михайловка. Я должна покинуть тебя. Семь минут стоять будем. Ты пей свой кофе, пока не остыл, а потом я приду, принесу бутылочку и поговорим. У меня для тебя много чего интересного. Кстати, у тебя дети есть?

– Нет, – сходу ответил Александр. – Откуда?

– Я и говорю, дурак дураком.

Открыв двери купе, она задумчиво потёрла пальцем правый висок и робко спросила:

– Так ты что, постоянно фотографию Ольги с собой носишь? А если жена узнает?

– Исключено. Нет у меня жены. Не получилось другую полюбить.

– Ну, это же надо? Ядрёный паровоз. Не женат. Ну, морда твоя царская, убила бы. Александру показалось, что его ответ понравился проводнице. Пригубив кофе, он полез в карман за сигаретами. Не найдя пачки, тихо выругался.

* * *

Проводница вернулась с бутылкой водки. Александра в купе не было. Лишь записка на столе под чашкой остывшего кофе. Она взяла записку, повертела в руке, шлёпнула на стол.

– Что же это такое? Я так много должна была рассказать. Неужели убежал?

Откупорив бутылку, открыла окно. Выплеснув кофе в окно, налила половину чашки водки. Выпила. Опять взяла записку, прочитала вслух:

«Любана, судьба дала мне вторую попытку. Я не могу отказаться. Возьму такси и попробую приехать на следующую станцию раньше, чем прибудет туда поезд. Буду ехать за ней, пока не догоню. Только вперёд. Я, конечно, понимаю, что ничего уже нельзя изменить. Но мне очень хочется ещё раз обнять её, посмотреть в глаза. Всего один раз. Я должен попросить у неё прощения. Хотя бы это. Оставляю тебе свой телефон. Позвони». Проводница плюхнулась на полку, вытерла тыльной стороной ладони набежавшую слезу, ещё раз прочитала оставленную записку.

– А ведь она тоже не смогла найти себе мужа. Интересное кино. Вот мне почему-то кажется, что я всё-таки поем на этой свадьбе салатика. Так хочется, чтобы они встретились. Они так долго скучали друг без друга. Они просто обязаны встретиться, – шептала зарёванная проводница, держа чашку в руке. Она смотрела в окно, вспоминая тот давний любовный роман, в котором главными героями выступали её старые знакомые. Прошло минут сорок. Успокоившись, проводница грустно вздохнула, посмотрела в окно и спешно покинула купе. Она зашла к себе, достала из сумочки телефон, привычно нажала знакомые кнопки.

- Алло, Олечка, ты?
- Любка, я ждала твоего звонка, – долетел голос из маленького телефона. – Ты ещё вчера обещала позвонить.
- Слушай, я тебе такое расскажу, с полки свалишься. Только что видела Сашку.
- Какого Сашку? – прозвучал удивлённый голос.
- Ты что, мать, не понимаешь, о ком я говорю? Сашка. Ну, твой Сашка. Он в поезде ехал. В моём вагоне. Представляешь? Умереть – не встать.
- А разве ты не дома?
- Должна быть дома, да Машка попросила подменить. Вот и трясусь, вас обслуживаю.
- Значит, не показалось. Значит, это действительно был он.
- Послушай, Оль, он убежал от меня, – тараторила проводница. – Я так много хотела ему сообщить, но он убежал. Написал записку, что отправился тебя догонять. Ты там смотри, он скоро приедет. Я ему верю. Он обещал такси взять. По времени скоро нагонит твой поезд. Ты его знаешь. Скоро станция будет. Круглёвка называется.
- Так поезд наш уже в Круглёвке. Слушай, сорока, ты чего ему наплела? – спросила Ольга. – Надеюсь, про сына нашего ничего не сказала?
- Да я ему вообще ничего не успела сказать – ни про тебя, ни про сына вашего. Сама расскажешь.
- Проводница услышала треск в телефоне.
- Алло, – робко позвала она. – Алло, Ольга, ты меня слышишь?
- Треск прекратился. В телефоне послышались голоса.
- Олечка, прости меня. Я дурак. Я идиот. Прости, милая. Прости. Я каждый год приезжаю в Одессу, хожу на наше место, в надежде тебя встретить. Прости, родная.
- Это ты меня прости. Я тоже раньше на море ходила, цыганку искала. Не нашла.
- Догнал! – обрадовалась проводница. – Надо же, догнал. Два раза в одну и ту же воду вошёл. Чудеса! Вот зараза! Убила бы!
- А ты почти не изменился, – звучал голос из телефона.
- Ты тоже.
- Ага, не изменились они, друг друга не узнали, – язвительно шептала проводница, не выпуская из рук трубку и, размазывая слёзы, перешла на крик. – Алло, телефон выключите! Минуты зря тратите. Берегите минуты, черти полосатые. Убила бы!

Анатолий ЛАБУНСКИЙ



Об авторе! Родился в 1947 г. в Вене (Австрия).

Служил на флоте. Окончил Кишиневский государственный институт искусств. В разные годы работал заместителем начальника Управления Кишиневского горисполкома, директором Межсоюзного Дворца профсоюзов, директором Государственного русского драмтеатра им. А.П.Чехова (г.Кишинев). Участник международных выставок прикладного искусства в Киеве и Санкт-Петербурге.

Автор книг: «Эстафета без финиша» (семейная сага), «Стихи и пародии», «Смерть Клеопатры» (морские рассказы).

КОРЕЙСКАЯ ДИЕТИЧЕСКАЯ

– **Р**азрешите?

– Да. Войдите.

Капитан второго ранга, дежурный по штабу, вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь.

– Разрешите обратиться?

– Слушаю.

– Товарищ контр-адмирал, тут к вам посетитель... – Дежурный оглянулся на дверь и понизил голос. – Кореец... странный какой-то.

– Так что же вы странных корейцев по штабу водите? – Командир военно-морской базы, сидевший за столом, поднял голову. – Вы сами не могли с ним разобраться?

– Пробовал, но он такой нервный. Кричит, требует высшее руководство.

– Так что же там стряслось у него?

– Он говорит, что его собака покусала нашего офицера.

– Боже!.. Страсти какие... И где он?

– В приемной, товарищ контр-адмирал.

– Ну ладно. Давай его сюда.

Дежурный по штабу выглянул на секунду в приемную и, пропустив вперед низенького узкоглазого мужчину в странной корейской шапке, вошел следом. Оказавшись в большом кабинете перед огромным Т-образным столом, за которым сидел нахмурившийся брови седой офицер с крупной звездой на погонах и кучей орденских планок на груди, щупленький кореец ссутулился еще больше. Пробиваясь к начальству, он не ожидал, что попадет к настолько высокому и страшному. Обнаружив, что он попирает своими стоптанными, давно не чищенными ботинками шикарный адмиральский ковер, оробевший заявитель потихоньку двинулся назад, но твердый командирский голос остановил его.

– Вы хотели меня видеть?

Видимо, вспомнилось что-то о культуре поведения или просто сработало врожденное чинопоклонение, но кореец вместо ответа сдернул с головы свою шапочку.

– Я вас слушаю.

– Я... Моя... – кореец с трудом подбирал нужные слова. – Моя собака... укусила ваша офицера...

Дежурный по штабу нагнул голову и, пряча ухмылку, стал поправлять нарукавную повязку «Рцы».

– Понятно... – Контр-адмирал не скрывал досады. – Я надеюсь, офицер жив?

– Да. Живая, живая...

– Ну и слава богу. Так в чем проблема?

– Я штрафа хочу. – Кореец нагнул голову набок и через весь длиннющий стол заглянул в глаза высокому начальнику. – Штрафа!

– Да ладно, не будьте щепетильны. Какой там штраф. Офицер здоров. Ну а если прицепится какая-нибудь болячка, то мы его подлечим. Успокойтесь, идите домой. Все в порядке. – Контр-адмирал хлопнул ладонью по столу, считая вопрос решенным.

– Я штрафа хочу! – взвизгнул кореец. – Штра-афа! – его узкие глаза стали округляться, а маленькое, сморщенное, желтое личико приобрело малиновую окраску.

Конфликт только начал набирать силу.

Прославленный русский исследователь Г.И. Невельский, открывший устье реки Амур, добравшись до Сахалина на южной его оконечности на берегу залива, образованного мысом Крильон и мысом Анива, в 1852 году установил русский пост.

С передачей Сахалина Японии поселок стал называться Отомари. С 1945 года в честь русского мореплавателя, гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова (1822–1871), брата великого композитора, город стал называться Корсаковым. Для охраны водных рубежей востока России в городе была размещена военно-морская база сторожевых пограничных кораблей.

В порт Корсакова заходило достаточно много гражданских судов. Это были сухогрузы, контейнеровозы, а также различного рода наливные суда, регулярно поставлявшие в порт горючее, так необходимое для сторожевых кораблей. Танкеры разгружались у причалов большого нефтехранилища, принадлежавшего военно-морской базе.

Курсанты Холмского мореходного училища (механики судовых силовых установок, в частности) ежегодно присылались сюда на двухмесячную практику. В течение двух месяцев курсанты таскали по нефтехранилищу толстенные шланги, перекачивая в тысячетонные баки на берегу целые реки горючего из прибывающих танкеров. Далее это горючее надо было перекачивать в постоянно требующие заправки пограничные корабли. Эта безмозглая работа называлась практикой.

Жили курсанты в казармах военно-морской базы. Матросы срочной службы и их командиры не обращали на курсантов никакого внимания, считая их детским садом, а точнее, «салажатами», и отношение к ним напоминало пренебрежительное отношение к старикам-переподготовщикам, которых на флоте называют «партизанами». Матросы срочной службы были практически ровесниками курсантам, но у матросов были бескозырки и они служили на военных кораблях, что выгодно отличало их от никчемных «шланготаскателей».

В этом году практика заканчивалась. Сегодня должен был прибыть из Холмска кто-то из преподавателей. Его задачей было получить отчет о прохождении практики, проездные документы для курсантов и через денёк-другой сопровождать их из Корсакова в родное училище.

Будущий молдавский мореход Михалевский и его закадычный друг Вентилятор ре-

шили вечером побродить по Корсакову. Завтра-послезавтра придется отправляться в порядке надоевший Холмск, и когда еще доведется побывать в этом полувоенном порту.

Как и положено вести себя на берегу настоящему моряку, друзья слегка разогрели кровь в дешевом припортовом буфете и слонялись по улицам города, заглядывая в светящиеся витрины магазинов и беззлобно цепляя встречных девушек.

– Конь! – Мишель как будто споткнулся на ровном месте. Сквозь большое витринное стекло, размалёванное неестественного цвета гастрономическими изысками типа кособоких бутылок кефира, кумачово-красных окороков и зеленоватых головок сыра, прекрасно смотрелся капитан-лейтенант Шершнёв, стоящий у кассы. Как все советские командированные, он явно готовился посидеть вечером в гостиничном номере за скромной бутылочкой водочки, в компании баночки шпрот, кусочка сырокопченой колбаски и еще чего-то недорогого.

– Едрёна-Матрёна! – Вентилятор остолбенел. – Они за нами Коня прислали. Кла-асс!

– Ну и поездочка будет. Капец! – Мишель потер руки.

– Зная нрав Кононовича, можно было не сомневаться, что дорога в Холмск будет веселой.

– Здравия желаем, товарищ капитан-лейтенант!

Появление двух подвыпивших курсантов не удивило невозмутимого офицера.

– Привет, гардемарины, – поздоровался Кононович, спускаясь по ступенькам гастронома.

– Нет. Мы пока ещё морские кадеты. – Мишель никогда не пропускал случая сверкнуть эрудицией.

– Молодец. – Кононович пристально посмотрел на курсанта. – Увлекаешься историей мореплавания? Похвально.

– Да нет. Он просто выпендривается... – Вентилятор глупо захихикал.

– Ну что ж. И это надо. А где это вы уже причастились? – Капитан-лейтенанта живо заинтересовал этот вопрос.

– Места знать надо, – снова хихикнул Вентилятор.

– За два месяца практики лоцию города изучили неплохо, – Мишель более точно почувствовал настроение офицера. – Можем показать.

– Ну что, Магелланы? Не обессудьте, сами предложили... – Кононович даже не пытался давить авторитетом. – Свистать всех к вину...

Уже через пятнадцать минут обычный портовый буфет был рад тому обстоятельству, что за его столиком уютно расположилась тройка наших героев.

Не буду утверждать, но мне кажется, что только в Советском Союзе в питейных заведениях использовались высокие столики без стульев. В сегодняшних барах и кафе, сидя за одним стаканчиком сока, можно проболтать три часа. За высоким же столиком долго не простоишь. Надо было или заказывать в буфете снова и снова, или, освободив место, идти куда-либо, чтобы дать ногам отдохнуть.

Свободным оказался столик в самом углу возле большого окна. Патологически брезгливый Мишель отодвинул в сторону обрывок газеты с остатками какой-то рыбы, и самое обычное мужское времяпрепровождение увлекло всех троих.

Кононович оказался удивительно интересным человеком. Его знания в области истории мореплавания, подробностей морских сражений и условий корабельного быта были всеобъемлющими. Оказалось, что за час, проведенный в рюмочной, можно узнать больше, чем за три года в аудитории.

Где, кроме рюмочной, можно узнать, что «Голой Ганс» на жаргоне немецких моряков – это утопленник, что «Братья-витаальеры» – пираты Балтийского моря XV века, что «Кнастер» – дешевый и крепкий табак и что табак входил в корабельное довольствие. Где бы ты ещё узнал, что курение после захода солнца было запрещено потому, что на деревянных кораблях (как свидетельствует английская шенти «Огонь повсюду») из-за этого случались частые пожары:

*Пылает камбуз, пылает мостик,
Горят в кладовке бараньи кости,
Пожар в каютах, пылают койки,
Горят и сейфы, хоть огнестойки,
Пылает брашпиль, пылают стены.
В огне все судно. Пропали деньги!
Огонь повсюду, нет дальше ходу.
Хватайте ведра, качайте воду!
Огонь повсюду!*

Потрясённые курсанты утонули в потоке интересной и увлекательной информации. Подогретый спиртным, капитан-лейтенант, обычно невозмутимый и равнодушный ко всему, преобразился. Его глаза горели, совершенно неожиданно для себя он с воодушевлением открыл перед «морскими цыплятами» душу моряка, бесконечно влюбленного в море.

– Подать «Ендову!» – с этими словами Кононович отодвинул в сторону опустошенную бутылку и взамен ей вытащил из пакета и поставил на стол другую, припасенную для гостиничного номера.

Оказалось, что «ендовой» во времена парусного флота называлась луженая медная посуда с носиком, в которой выносилось вино для матросов после команды: «Свистать к вину!». Пока новая «ендова» опустошалась, Кононович продолжал живописать:

– Вы, парни, избрали для себя прекрасную профессию. Моряк бессмертен! Если моряк умер, кто-то скажет, что он «отдал концы», кто-то, что он «бросил курить» или «ушел к голому Гансу». Все они по-своему правы. Но точнее всего будет сказать, что он ушел в последнее плаванье: «Ни камня над ним, ни травиночки нет, обглодан акулой бедняги скелет...» – было похоже, что капитан-лейтенант расчувствовался. – Вот вы, наверное, думаете, что всех моряков хоронят в море. Не-ет, господа гардемарины!

– Мы пока кадеты, – напомнил Мишель.

– Ладно, считайте, что унтер-офицерский чин я вам присвоил! – Капитан-лейтенант Шершнёв уже достиг того состояния, когда море по колено. – Так вот, не все уходят на корм рыбам. Магеллан и Кук были убиты на тихоокеанских островах, голова Рэйли скапталась на мостовую в Тауэре. Великий адмирал Нельсон в течение нескольких последних лет возил с собою гроб и в свой последний час на «Виктори» просил: «Не бросайте меня в воду!» Нет, не всем выпала честь быть преданным пучине...

Кононович горестно покачал упавшей на грудь головой:

*С четвердека раздаётся:
Все на брасы! В дрейф ложись!
Флаг приспущенный не вьется,
Оборвалась чья-то жизнь.
Как ведется среди матросов,
Тело в парус завернут,
Оплетут покрепче тросом
И за борт его толкнут.*

*Ни креста на глади моря,
Ни единого цветка.
Только волны, только зори
Над могилой моряка.*

Написал ли сам Конь эти проникновенные строчки или это была очередная английская шенти, уже мало кого интересовало. Табачный дым, тонкими, прозрачными прядями повисший над столиками, напоминал волны, и постороннему взгляду могло показаться, что посетители заведения с привязанными к ногам пушечными ядрами стоят, покачиваясь, за столиками на дне океана...

Вентилятор всем своим раскисшим лицом повис на собственной ладони, которой пытался подпереть стремящуюся вниз голову. Гордого представителя Молдавии Мишеля и без рассказов об утопленниках уже начинало мутить, но он мужественно тарачил глаза на увлеченного рассказчика, изображая неослабевающее внимание.

– ... покойника раздевали и обливали из ведра морской водой. Затем надевали белую рубаху, чистые штаны и поднимали на смертную доску между двумя орудиями на батарейной палубе. Два парусных мастера с парусиной..., ну там нитками, иголками, двумя пушечными ядрами принимались обшивать тело.

– А как ядрами обшивать? – Вентилятор попытался прояснить обстановку.

– Да нет... Ядра для тяжести... Технология такая. Чтобы утонул, понимаешь? Но главное! – Кононович поднял палец и, сделав смысловую паузу, обвел слушателей взглядом. – Последний стежок должен был проходить через нос покойника.

– О господи! – Впечатлительный Мишель поёжился. – Это ещё зачем?

– Суеверие, братишка. Суеверие. – Произошло окончательное сближение. Капитан-лейтенант по древнему обычаю русских моряков перешел на «братишек». – Моряка за нос пришивали. А у многих первобытных народов труп пронзали копьем, чтобы чего не натворил.

– То есть, чтоб не вылез из могилы? – Вентилятор решил поддержать беседу.

– Ну да. Как Лука Мудищев. – Кононович попытался разлить, но «ендова» была пуста.

– Как кто?

– Как Лука Мудищев. Известный российский Казанова.

Крепко выпившие курсанты смотрели на офицера непонимающими глазами.

– О, моряки... Читать вам надо. Читать. Настоящий моряк обязан быть образованным. Иван Степанович Барков, поэт постарше Пушкина, известен своими матерными стихами. Так вот он написал поэму о Луке Мудищеве. Там хорошо написано, как он поднимается из гроба:

*Отломилась доска,
Сначала хрен, потом рука,
А потом и сам Лука...*

Разомлевшему от спиртного Мишелю показалось, что обрывок газеты, отодвинутый им в сторону в самом начале, зашевелился. Бросив косой взгляд на него, впечатлительный курсант, воображение которого было беспощадно возбуждено неутомимым Кононовичем, чуть не потерял сознание.

Из-под стола к недожеванным остаткам вяленой рыбки, царапая по залитой пивом столешнице грязными обломанными когтями, потянулась чья-то покрытая грязной чешуей, тощая, похожая на когтистую лапу варана, конечность. Именно конечность, ибо рукой

ЭТО назвать было нельзя. Пока пьяный Мишель тряс головой, пытаюсь убедить себя, что рука эта принадлежала не Луке Мудищеву и появилась не из преисподней, Кононович, вцепившись в лапу мертвой хваткой, вытащил из-под стола престарелую бомжиху.

Оказалось, ничего сверхъестественного. Метрового росту бездомная бабулька, нашибав по городу мелочишки, пришла в рюмочную и, незаметная за столиком, уселась на низенький, сантиметров тридцать от пола, подоконник, поужинала вяленой рыбкой, попила пивка да и уснула. Разбуженная шумной беседой, она проснулась и потянулась за остатками своего ужина.

– Угощайтесь, ребята... – прошамкала сморщенными, потрескавшимися губами «старуха Изергиль» и растопырила чешуйчато-когтистую серую ладонь с недогрызенной рыбьей головой и двумя плавниками.

Брезгливого Володю-Мишеля в этот момент уже выворачивало где-то за рюмочной, остальные участники мероприятия от бомжихиных щедрот вежливо отказались.

Город Корсаков с берега больше похож на забытый богом райцентр, чем на морской порт. В разбросанных квартальчиках, сплошь состоящих из одноэтажных, неладно скроенных домишек, вперемешку проживали и аборигены Сахалина – айни, и потомки ссыльных русских, и расселившиеся по всему востоку России корейцы.

По грязным улочкам в сторону казармы, где размещались курсанты-практиканты, неверной походкой, тревожа дворовых собак громкими возгласами, дефилировала славная троица. В пути следования Кононович продолжал «просвещать» будущих мореходов.

– Запомните раз и навсегда! Вы – моряки! В любой ситуации вы должны сохранять ясность ума:

*Красою баб в портах чужих
Себе ты душу не тревожь,
Не раскисай: обчистят вмиг.
Слова их – мед, а в сердце – ложь.
На берегу в скандал не лезь.
Пришла удача – не хвались.
Храни свою морскую честь,
Всегда с достоинством держись.*

Чтобы выглядеть еще достойнее, Кононович прислонился спиной к хлипкому штакетному забору, для верности ухватившись рукой за столбик.

– Никогда не забывайте, какую страну вы представляете! В любой стране, в любом порту вас должны провожать восхищенным взглядом и с завистью говорить вам вслед: это русский моряк!

Два будущих морехода, коим предстояло стать гордостью страны, стояли перед наставником, как степной ковыль, слегка согнувшись и покачиваясь, плетями опустив руки и скосив глаза на переносицу. Казалось, ещё чуть-чуть и они заплачут.

Растревоженная возвышенной речью за спиной Кононовича, яростным лаем заливалась охраняющая свой дворик вислухая дворняга, явно не разделяющая его патриотизма. Не обращая внимания на ее визгливый лай, бывалый моряк уже вышел на финишную прямую в своей волнующей проповеди.

– Когда после долгих лет скитаний вы вернетесь домой и станете на длительную якорную стоянку, вы с чистым сердцем скажете:

*Послушай, сын! Вот – мой бушлат
И шляпа старая моя.
Будь ветру брат и волнам брат,
Плыви в далекие края!*

Финал – апофеоз!

В этом месте должна была взорваться бурной овацией предполагаемая многотысячная аудитория, но вместо нее раздался крик. Крик был громкий, пронзительный, неожиданный и неуместный! Странно было, что раздался он из уст, которые долю секунды назад произнесли такие проникновенные слова.

Кричал Кононович...

Дрянная собачонка, обидевшись за то, что на нее не обращают никакого внимания, посчитала, что лаять бессмысленно и на своей территории в рамках отпущенных ей полномочий можно и власть употребить, сквозь прореху в заборе со всей искренностью вцепилась зубами в кормовую часть прислонившегося к забору офицера.

Обида была тяжелой.

Испортить такую песню! Да как она посмела?!

Кононович, оторвавшись от забора, ощущивал свой зад, тербил пальцами рваный лоскут некогда хорошо отутюженных брюк и задыхался от гнева.

– Ах ты гадость! Что же ты творишь? Такие брюки!

Начав было поиски камня, достойного наглой дворняги, доблестный офицер вспомнил о том, что говорил минуту назад, и его захлестнула волна оскорбленного самолюбия.

– Да чтобы меня, офицера флота российского, какая-то корейская шавка, пусть даже диетическая¹, за корму кусала? Не бывать такому! Никакой агрессор от нас не уйдет безнаказанно! Гардемарины, руки!



«Гардемарины» поначалу не поняли, чего от них хотят, но, сообразив, по-цирковому сложили крест-накрест кисти рук и подставили их как ступеньку под ноги Кононовича.

¹ Корейцы употребляют собачье мясо в пищу.

Укушенный собакой развернул для удобства фуражку козырьком назад, оперся на курсантские головы руками и, наступив на сложенные руки, моментально перелетел через забор. Траектория полета была достаточно крутой, вследствие чего летающий моряк приземлился на четвереньки.

Зрелище было настолько впечатляющим, что собака удивленно замолчала. Увидев врага глаза в глаза, Кононович, как и положено боевому офицеру, взгляда не отвел. Наоборот, не поднимаясь, на четвереньках пошел в наступление. Не ожидавшая такого поворота событий, собака молча стала пятиться назад, уперлась спиной в свою будку и, повизгивая от страха, зажмурила глаза, отвернула нос в сторону и грациозно, как светская дама для поцелуя, приподняла переднюю лапу.

Кононович воспользовался предложением и припал к ней.

Но не для поцелуя он летел через забор! Укусив собачью лапу, капитан-лейтенант отомстил за оскорбление, нанесенное в его лице всему советскому морскому офицерству.

Возня во дворе не могла не привлечь внимания хозяина дома. На шум выскочил пожилой кореец и, увидев последние действия участников конфликта, в оцепенении застыл на пороге. Кононович с чувством выполненного долга выпрямился, деловито отряхнул колени и, прикрывая ладонью рваный зад, надменно проследовал к калитке, не удосужив корейца даже взглядом.

Здесь очень хорошо легла бы фраза «Честь имею!», но Кононович о ней просто забыл...

Через неделю после возвращения курсантов из Корсакова в Холмское училище пришел рапорт. Кононовича понизили в звании.

Вожделенной компенсации («Штрафа хочу...») кореец не получил...



МИЧМАН ТУРЧЕНКО

С тех пор как матросы на кораблях обзавелись койками (было время, что и таковых не было), у них появилась возможность хранить свои личные вещи в рундучках, расположенных под нижним ярусом этих коек. Служил рундук матросу всю его долгую службу, а когда приходила пора бедолаге прекратить морские скитания, рундук вместе с койкой переходил в наследство следующему. Так происходило бесконечно долго. Со временем рундук стал называться сундучком, хоть это слово совершенно не имеет отношения к корабельной терминологии.

Новую жизнь слово обрело с появлением института сверхсрочнослужащих. Как только парень, отслуживший срочную службу, принимал решение остаться на сверхсрочную (зачастую до пенсии), к нему тут же приклеивалось неуставное звание «СУНДУК».

В Кислицком дивизионе «сундуков» было великое множество. За несколько десятилетий, в течение которых на берегу Дуная дислоцировалась военно-морская часть, в

ней по окончании службы остались на сверхсрочную несколько десятков моряков, что не только укрепило интернациональный состав населения села Кислицы, но и значительно улучшило его породистость.

Трудно было не соблазниться службой в этом дивизионе. Бронекатера, прошедшие во время Великой Отечественной через шесть границ по Дунаю, сегодня стояли на консервации и от берега отходили только раз в году. Любой из «сундуков» приходил на службу к подъему флага (в 8.00), после пяти уходил домой и все остальное время волен был заниматься рыбалкой, охотой, ковыряться у себя в огороде или кормить кур.

Одним из таких служак был мичман Турченко.

Виду он был поистине гренадерского. Рослый, косая сажень в плечах, грудь колесом – загляденье! На такой широченной груди грех было чего-нибудь не намалевать. Любители татуировок воспользовались этим обстоятельством, и богатырский фасад двадцатилетнего старшины второй статьи Турченко украсил расправивший свои крылья от плеча до плеча геральдический символ США – белоголовый орел. Ну «wrangler», да и только!

В то время служил Турченко комендором¹ на крейсере «Михаил Кутузов», но по причине прогрессирующей глухоты (традиционная для артиллеристов болезнь) из плавсостава был списан и оказался на Дунае, в Кислицком дивизионе.

Дослужив до демобилизации и оставшись на сверхсрочную, Турченко обзавелся пышными усами и женой в деревне, получил предельное для сверхсрочника звание мичмана и должность заведующего камбузом. Курортная местность, сытная должность – живи и радуйся!

Богдан Кузьмич (так звали мичмана) действительно радовался своей службе, вот только сытная должность постепенно стала менять внешний облик бывшего богатыря. Десяток лет ежедневных (с утра до вечера) «путешествий» вокруг огромных котлов, полных разнообразных, неизменно вкусных и неодолимо соблазнительных флотских разносолов, породил процесс, который в силу своей незаметности стал необратимым. Эта незаметность однажды закончилась, и мичман Турченко испытал глубочайшее потрясение.

Был один из тех знойных июльских дней, когда в утопающей в зелени курортной части по громкой связи привычно прозвучало: «Форма одежды по части – трусы».

В такие дни по раскаленной, как сковорода, металлической палубе босиком пройти невозможно. Однако какая бы форма одежды ни объявлялась, на моряхах должны быть обувь и головной убор. Поэтому у матросов на голове появлялся белый чехол от бескозырки со звездочкой, а на ногах – самодельные деревянные сандалии.

Загорелые матросы то и дело окатывались водой, выбрасывая за борт и вытаскивая из Дуная привязанные к длинным шкертам² ведра. Частенько, хоть это и было запрещено, матросы, чтобы охладиться, прыгали за борт.

На камбузе (в Кислицком дивизионе это было отдельно стоящее здание) было жарко, как в преисподней.

Богдан Кузьмич окинул взглядом огромный зал, где бачковые, готовя столы к обеду, раскладывали аккуратными пирамидками алюминиевые миски, перекинулся парой фраз с коком³ (старшиной срочной службы из города Бельцы), располагавшим такими же, как у Турченко, пышными усами, и, убедившись, что к обеду на камбузе все готово, решил, что имеет право полчаса отдохнуть. Снял с себя белую поварскую куртку и обмахивая

¹ Специалист рядового состава на корабельных артиллерийских установках.

² Тонкая прочная веревка.

³ Повар.

ею свой голый торс, Кузьмич вышел на воздух. До тех пор пока команды катерников не начнут прибывать на обед, мичман вознамерился посидеть на скамье под пушистыми ивами, щедро роняющими на землю свой пенистый сок.

Проходя мимо окон камбуза, он машинально повернул голову и увидел в огромном витринном стекле свое отражение.

Вот это да!

Как бы спели девчата в его родном закарпатском селе:

...Ой, мамцю моя,

Шо ж я наробыла...

Сколько раз и сколько лет Богдан Кузьмич проходил мимо этих окон. Сколько раз он видел в окне свое отражение! Раньше там был крупный человек в морской форме. Иногда в поварской куртке, иногда в кителе. Бывало в белом, бывало в черном...

Но это!.. О Господи...

Растерянный Турченко остановился и, растопырив руки, уставился в окно. Со стекла на него смотрело нечто большое и страшное. Центром композиции был огромных размеров живот. Он был настолько велик, что рядом с ним некогда широкие плечи выглядели безнадежно согнувшимся коромыслом. О бедрах и «тали» (от греха подальше назовем это поясом) не было и речи. Брюк с поясом такого размера не сыскать на складах всего военно-морского флота, поэтому застегнуты они были (в обход препятствия) под животом, еще более выпячивая его вперед. Геральдический символ США – татуированный белоголовый орел – скукожился и мохнатой курицей с обвисшими крыльями сидел над животом в какой-то неловкой позе, боясь нечаянно соскользнуть с этого раздутого дирижабля. В связи с тем, что с годами военно-морская грудь мичмана покрылась густой, кудрявой шерстью, его орел превратился в мохнатую овце-курицу.

– Ну и кухтыль!!!

Определение вырвалось откуда-то из подсознания Кузьмича. Это слово не было похоже ни на какое другое так же, как не имел аналогов и его живот. Животы бывают разные, и называют их по-разному – брюхо, пузо, рюкзак, клубок нервов, памятник пиву, курган над усопшим героем... По аналогии с царь-пушкой его можно назвать даже царь-пузом! Но нет...

Все-таки кухтыль!

Через минуту Богдан Кузьмич, кое-как справившись с потрясением, медленно повернулся в профиль... Увиденное повергло его в шок! Тихо застонав, он затряс головой, пытаясь избавиться от кошмарного видения. Было полное впечатление, что он увидел себя впервые. Воровато оглянувшись по сторонам, мичман быстренько надел свою белую поварскую куртку, с удивлением обнаружив, что она размерами напоминает чехол от зенитного пулемета, который при неосторожном движении может выстрелить очередью белых пуговиц, с трудом застегивающихся у пупка.

По-видимому, это называется ПРОЗРЕНИЕ.

Под ивами Кузьмичу посидеть не пришлось. Ему показалось, что сейчас вся часть так же, как и он, вдруг прозреет и увидит его (внезапно появившийся!) «кухтыль»... Позор... А еще моряк!

Турченко спрятался на камбузе.

Всегда веселый, разбитной Кузьмич как-то вдруг облянял. Эта перемена не прошла мимо внимания «сундуков»-сверхсрочников.

– Богдан, ты чегой-то хворым выглядишь. Уж не съел ли ты лишку?

Какой там черт «лишку»! Кузьмич практически перестал есть. Когда после службы

«сундуки» шли пить пиво, он отказывался составлять им компанию. Однако такие кардинальные меры ни к чему не привели. Живот каким был, таким и остался. Разве что маленько обвис.

Неизвестно, чем бы закончились переживания «прозревшего» мичмана, если бы не верные друзья. Ведь не зря флот силен сплоченностью коллектива.

Оказавшись как-то в парилке вместе с мичманами Березовским и Свистуновым, Кузьмич поделился своим горем.

– И все? А мы-то думали, у тебя в семье нелады. Думали, с женой чего-то приключилось. – Березовский даже прекратил охаживать веником спину Кузьмича. – Живот! Тоже мне проблема. Хорошего человека должно быть много.

– Дурак ты, Богдан. – Свистунов вынул лицо из таза с холодной водой, без которого лежать на верхней полке он просто бы не смог. – Если бы на нашем камбузе заведующим был дистрофик, я бы там не питался. Согласись, это было бы подозрительно.

– Правильно. Твой живот – это индикатор вкусной и здоровой пищи. На него ориентируется вся часть.

– Да ну вас! Вам лишь бы шутки шутить...

Но «сундуки» тем не менее продолжали зубоскалить даже в сельском буфете, где они оказались после бани. Шутки друзей и парочка «стограммулек, принятых «на грудь», немного приподняли настроение владельца «кухтыля». Друзья убедили его, что самоедство великий грех и что в сложившейся ситуации лучшим выходом из положения может быть только ироничное отношение к себе.

– Может, вы и правы. Это же не воздушный шарик. Проколот и «бздынь!» – его нету. Придется носить. Это мой крест...

– Да, уж, – Березовский поперхнулся очередной рюмкой водки. – Очень на крест похоже.

– На котором распяли ворону, – подхватил Свистунов.

– Жаль. – Кузьмич всей пятерней почесал мохнатого орла. – Не смотрится он сейчас.

– А все почему? Богдан, ведь ты же художник. Сам рисуешь, должен понимать. – Свистунов имел в виду портрет жены Турченко, который тот нарисовал ей ко дню рождения.

– Ну да, – набычился Кузьмич. – А что ты имеешь в виду?

– Изменилось пространство, то есть полезная площадь картины.

– Квадратура, – вставил размякший Березовский.

Свистунов, отмахнувшись рукой от подсказки, продолжал сыпать трудно вспоминаемыми терминами.

– Вместе с этим изменилась перспектива. Композиционно картина, извините, не распалась!

Попытавшись по-лебяжьи выгнуть свою бычью шею, Турченко хотел взглянуть на то, как распался его орел, но не смог и остановил свой мутный взгляд на «эксперте».

– Ну и что теперь делать?

– Надо перекомпозицировать...

Некоторое время Кузьмич тупо смотрел на советчика.

– Позицировать... Что я ему сейчас крылья обрежу, что ли?

– Когда станешь разделять свинью на камбузе, ей крылья будешь резать... Ты что, действительно ничего не понимаешь? Надо изменить композицию. Ну, там добавить что-то, дорисовать...

– Земной шар... – Березовский выжимал в рюмку последние соки из очередной бутылки.

– Один готов, – Свистунов безнадежно взмахнул рукой в сторону окосевшего коллеги.

– На верхней части твоего живота, – не обращая ни на кого внимания, Березовский продолжал развивать мысль, – следует вытатуировать северное полушарие нашей планеты, в результате чего орел будет гордо стоять на полюсе. Таким образом ты не только поднимешь статус твоей постаревшей вороны, но и существование твоего «кендюха» (Березовский нашел собственное определение для проблемной точки Кузьмича) обретет смысл и даже необходимость.

– !...

– Гениально!

Свистунов, который секунду назад был уверен, что Березовский пьян в лохмотья, с восторгом воскликнул:

– Я слышу речь не мальчика, но мужа! Богдан, вот оно! Гениальное всегда просто!

Осоловевший мичман Турченко, наслушавшийся за последние три часа разных разностей, пытался их переварить и тупо молчал, качая головой. Друзья же его в рамках суворовской науки побеждать, не ослабляя давления, угробив вечер и еще пару бутылок водки, довели ситуацию до окончательного решения.



Утром у Богдана Кузьмича дико болела похмельная голова и огнем горел исколотый живот. Впоследствии, даже в самую несносную жару, мичман Турченко не снимал белой поварской куртки. Крайне редко, в основном в парилке, друзья-«сундуки» могли лицезреть его «обновленную композицию». Под ногами обретшего уверенность орла появились с трудом узнаваемые очертания Евразийского континента и волнующая сердце каждого моряка корявая надпись – «Севастополь», оказавшаяся почему-то в районе, где должна была быть Москва.

– Богдан, ты бы орлика своего хотя бы в тельняшечку одел. Север все-таки, холодно...

– Он у меня в свитере. Натуральная шерсть, – ворчал в ответ Кузьмич.

Любая служба хороша тем, что она когда-то заканчивается. Ежегодно какая-то часть моряков начинает считать дни до приказа, вычеркивая их в календаре, создавать дембельские альбомы, выменивать у «молодых» новенькие ленточки бескозырок. Всех, подлежащих демобилизации, начинают уважительно называть «годок¹. Приходит время и «годки» по очереди уезжают домой, а их место занимают другие. И так без конца.

В этом году 20 апреля впервые вышел приказ о весенней демобилизации. Это означало, что теперь демобилизация будет проходить два раза в год. Кроме того, срок службы на флотах СССР сокращался с четырех до трех лет.

Это было счастье! Молодым людям возвращали год жизни!

Радости не было границ. Пройти мимо такого события и не отметить его – было бы просто неуважением к себе.

Вечером того же дня в курилке одного из экипажей заседал «оргкомитет». В высокий «орган» вошли все наличествующие в дивизионе «годки». Их было одиннадцать.

Проходящие по пирсу офицеры с удивлением смотрели на «годков», развалившихся на широких скамьях курилки, большим квадратом охватывающих закопанную в землю бочку. Еще никогда не было, чтобы старослужащие собирались на совет.

Что-то затевалось. А что затевалось, догадаться было нетрудно.

Ясное дело – приказ!

Значит, будут отмечать. Значит, узбеки и буряты, евреи и мордва будут пить по-русски. Отцам-командирам оставалось только ожидать – во что это выльется. Пить будут «на берегу», т.е. в деревне или непосредственно в части? Что будут пить? Где будут брать? Кто им будет помогать? Молодые или сверхсрочники?

Командование дивизиона стремилось разгадать все эти загадки и не допустить малейших дисциплинарных неприятностей, а «оргкомитет» пытался в курилке, стремясь положительно решить все вышеперечисленные вопросы. В итоге штаб «годков» обыграл командование и тактически, и стратегически.

Прежде всего было решено отложить празднование на неделю. За это время, во-первых, можно не спеша подготовить материальную базу банкета, во-вторых, за неделю шпионить за «годками» устанут и бдительность командиров притупится, в-третьих, накануне первомайских праздников у командования будет достаточно других хлопот.

Главной проблемой «годков» было, конечно, меню. Деревенское вино, которым селяне травили моряков, решено было не покупать. Для придания крепости вину кислицкие «виноделы» не скупилась на такие вкусовые добавки, как жженая резина, табак, куриный помет и прочие ингредиенты.

Водка же требовала денег. Но эта проблема (особенно весной) решалась довольно просто. Ведь не зря все заборы в Кислице своим цветом подозрительно напоминали бронекатера, стоящие у пирсов дивизиона. Достаточно было поковыряться в боцманских загашниках – и несколько банок краски, в обмен на водку, уплыли в деревню.

¹ Матрос, служащий по последнему году. Матросы одного года призыва также называют друг друга «годками».

Сложнее было с закуской. Несомненно, вкусная и разнообразная пища, составляющая ежедневный рацион личного состава части, не могла претендовать на праздничный стол. Но творческую мысль остановить нельзя, и двое «молодых» были отправлены на рыбалку. Выпросив у мичмана Свистунова «сочму»¹ и оседлав «тузик»², за полтора часа моряки выловили к праздничному столу два десятка судаков, дунайских селедок и небольшого сомика.

Но этим не кончилось.

Накануне банкета, ночью, диверсионная группа из трех молодых матросов, получив задание «оргкомитета», вышла на очень ответственное и рискованное задание.

В центре села Кислица стоял единственный двухэтажный дом. Добротное здание было сложено из красного кирпича, располагало двумя подъездами на восемь квартир каждый, и называлось оно «Красный дом». Несколько квартир использовались как общежитие для военнослужащих и прикомандированных, в остальных жили семьи сверхсрочников. Во дворе дома стоял длинный ряд сарайчиков, предусмотренных для хранения дров и угля, однако предприимчивые «сундуки» со временем наловчились разводить и содержать в них всякого рода домашнюю живность.

Что там болтают о гусях, спасших Рим, я не знаю, но диверсанты от «оргкомитета» с задачей прекрасно справились. Три гуся из десяти, обнаруженных в одном из сарайчиков, отправились в дивизион на банкет. Гуси, отправлявшиеся «в гости», гоготать не смогли, потому что им завязали узлом шеи, остальные, при виде этого, благоразумно промолчали.

Не стоит отвлекать внимание читателя ненужными подробностями, достаточно сказать, что накануне Первого мая в кубрике одного из законсервированных катеров одиннадцать «годков» широко отметили приказ о демобилизации. Украшением стола были три толстопопых, фаршированных яблоками и черносливом гуся, умело приготовленных входящим в число «годков» коком, усатым представителем героического молдавского города Бельцы Иваном Киркэ.

Историю можно было считать законченной только тогда, когда в преддверии Дня Победы, 8 мая, в концерте по заявкам радиослушателей на Измаильском радио прозвучало:

– По просьбе нашего слушателя, военного моряка-дунайца, мичмана Турченко звучит его любимая песня:

...Ой, вы, гуси, до свиданья.

Прилетайте к нам опять...

Да, именно Богдан Кузьмич пал жертвой диверсантов от кулинарии. Но не столько пропажа гусей, сколько издевательская заявка, отправленная на радио сожравшими его птицу моряками, более всего обидела мичмана.

– Не писал я этой дурацкой заявки!

– Да ладно. Ну, решил прославиться... – Друзья-«сундуки» не уставали подтрунивать над ним. – С кем не бывает?

– Да чтоб я сдох! Что я, чайник какой? Сяду вдруг, начну слюнявить карандаш и письма на радио писать. Тоже мне! Ванька Жуков... – Немного помолчав, Турченко тя-

¹ Круглая (3 метра в диаметре) сеть с грузилами по краю, набрасывается на воду.

² Двухместная фанерная лодка, рассчитанная на гребца и минера. Используется для минных постановок и разминирования.

жело вздохнул и, махнув рукой, тихо добавил. – Нет, вру... Было однажды. Написал... На телевидение... Давно...

Лет семь назад от Турченко ушла жена. В то время его еще не величали Кузьмичом, и был он для друзей-сослуживцев, таких же, как и он, молодых сверхсрочников, просто Богданом. Его жена взяла свои тряпки и убежала в отчий дом, к родителям, живущим на соседней улице. Как случается у молодых жен: «Уйду к маме!»

С кем не бывает... Молодые семьи притираются годами. А тут... Попробуй, чтобы деревенская дивчина, выросшая в просторном дворе, с большим огородом, на фоне мычания, хрюканья и кудахтанья разнообразной домашней живности, стала вдруг женой моряка, постигающей своеобразие флотских непонятностей, задыхаясь в тесной квартире на втором этаже.

Разрыв с женой Богдан переживал очень тяжело. Соседи по «Красному дому», сослуживцы-сверхсрочники, видели, как осунулся и поник душой богатырь-мичман, но помочь ничем не могли. Дело, как говорится, семейное... Желая помочь, можешь только навредить.

На службе Богдан еще держался кое-как, но, придя домой, запирает дверь на все запоры и носа не казал наружу.

Первое время все вечера напролет до глубокой ночи мичман сидел на опустевшем супружеском ложе, обхватив руками голову, и, не мигая, смотрел на портрет жены, висящий напротив.

Этот портрет влюбленный Турченко нарисовал, будучи еще старшиной первой статьи, во время срочной службы. В то время, когда слякотными осенними вечерами он выходил в увольнение, чтобы, устроившись на сухом клочке земли величиной с ладонь, с трудом обнаруженным у штакетного забора в раскисшем проулке, весь вечер целоваться с деревенской Джульеттой, а потом, зажав в руке бескозырку, не разбирая дороги, по размытым распутицей улицам бежать, забрасывая комья грязи себе на спину, в часть, стремясь успеть сдать увольнительную записку до первого удара полночных курантов.

Вложив в свою работу весь романтический пыл влюбленной души, Богдан считал портрет очень удачным, во всяком случае, настолько, что им можно было гордиться. Его будущая невеста была несколько другого мнения, однако снисходительно приняла дар пылкого моряка.

После того как родилась семья Турченко, портрет не раз становился яблоком раздора.

– Это не портрет! – молодая супруга норовила выставить на лестничную площадку довольно крупный холст, обрамленный тяжелым гипсовым багетом. – Это картинка из книжечки «Раскрась сам», размалеванная пьяным дальтоником.

– Господи, что ты понимаешь в живописи? Это же самый «Поп-с»!

– Чего?! На что это может быть похожим? На меня?! Да ведь тут ни лица нет, ни... Почему ты думаешь, что я должна этим восторгаться?

– Похоже, не похоже... Восторгаться... Откуда тебе знать о современных тенденциях в живописи? У Пикассо простая бутылка на бутылку не похожа, а весь мир ею восторгается.

– Эта мазня не должна быть в нашем доме! Это не мой портрет!

– Ты просто не представляешь, насколько удачно я сумел передать мельчайшие

черточки, обеспечивающие сходство. Во всяком случае, твой характер я передал исчерпывающе...

И так без конца...

И вот сейчас разбитый, опустошенный Богдан в подробностях рассматривал свое творение, все более убеждаясь в том, что сходство в нем присутствует фотографическое.

Так проходил день за днем. Сердце болело все сильнее, воспоминания рвали душу. Чтобы заглушить боль, страдающий мичман начал приносить с собой в свою потерявшую женское тепло квартиру извечную спутницу брошенных мужчин – бутылочку «слезы народной». Ведь общеизвестно, что водка – единственное в мире вещество, способное трансформировать душевную боль в боль головную. Иногда это помогало. Выпив перед портретом содержимое, Богдан швырял пустую бутылку под кровать и умиротворенно засыпал.

Но частенько душевная боль не утихала, рука невольно тянулась к рюмке, что приводило к совершенно неожиданным результатам. Хмелея, мичман начинал злиться, глядя в намозоливший глаза портрет, и тихо шептал ругательства и проклятия.

Чувствуя, что он с минуты на минуту уснет, страдалец, готовясь к предстоящему падению на давно не стиранную наволочку, принимался снимать обувь. Привычка любое дело доводить до конца побеждала, и тяжеленный флотский ботинок весом в 5 килограммов, наконец–то, оказывался в руке скрипевшего зубами брошенного мужа. Кинув длинный, прожигающий взгляд в центр висящего напротив портрета и широко размахнувшись, Турченко изо всех сил швырял туда свой ботинок, сопроводив его горестным «Э-эх, ты!» Провозившись со вторым ботинком еще минут пяток, усыпающий мичман отправлял его вслед за первым и валился на постель. После того как оба «снаряда», пущенные умелой рукой бывшего комендора, с грохотом врезавшись в цель, падали на гору пустых бутылок, валяющихся на полу, в квартире воцарялась тишина.

Из всех щелей появлялось множество шевелящих усами «стасиков»¹, которым уже никто не мешал до самого рассвета смотреть шипящий телевизор, передачи которого давно закончились.

Обстрелы портрета становились все более частыми.

Однажды утром побрившийся и приведший себя в порядок мичман Турченко был уже готов выйти на службу, когда услышал стук в дверь. На пороге стоял Виктор Брусник, сосед, сверхсрочник в звании главстаршины, живущий за многострадальной стеной.

– Богдан, ну сколько можно? Ты же нам жить не даешь. Что ты молотишь в стену день ото дня? Ты посмотри, что ты вчера сделал. – Виктор повернул голову и показал расцарапанное ухо.

– Я?! – Брови Богдана удивленно поползли вверх. Растерянно захлопав глазами, он силился понять, как его ботинок мог нанести соседу такие повреждения.

– Ну а кто же? Я сидел в кресле, и на меня упала с книжной полки ваза. Хорошо, пустая. Что, не веришь? Да если такой «бугай» долбит в стену, то странно, как еще люстры не падают.

Пристыженный «бугай» стоял молча, растерянно переминаясь с ноги на ногу и сопя в свои ворошиловские усы. Было полное впечатление, что он сейчас заплачет.

– Возьми ты однажды и прибей, что тебе там надо. А то два удара сегодня, два уда-

¹ Таракан (флотск).

ра завтра. Дын-дын! Дын-дын! Ты что там, головой стучишься, что ли? – увидев состояние поникшего Богдана, Брусник снизил обороты. – Из-за жены, что ли? Не убивайся ты так, так ты не убьешься... Ну ушла и ушла. Не зря ведь говорят: «Баба с возу...»

– ...кобыла – в позу... – поникший Турченко даже не пытался шутить. Просто ляпнул первое, что пришло в голову.

Сосед с сочувствием вздохнул.

– Знаешь, Богдан, человека, которого ты любишь, надо отпустить. Если вернется – значит, он твой. А не вернется – никогда он твоим и не был... Ну ладно. Бывай...

Брусник стал спускаться по лестнице, но, вдруг вспомнив о том, зачем приходил, повернулся.

– Богдан, если еще раз начнешь долбить в переборку, то, вот те крест, – главстаршина повернул голову и ткнул пальцем в расцарапанное ухо, – я тебе тоже что-нибудь поцарапаю.

Два дня Турченко был тише воды ниже травы, но израненная душа опять попросила водки, и мичман машинально, по устоявшейся привычке, запустил в изодранный частыми обстрелами портрет свой пятикилограммовый ботинок. Только когда ботинок свалился на пол, Богдан вспомнил об ультиматуме главстаршины и, сняв второй ботинок, аккуратно поставил его под кровать.

За стеной проснувшийся Брусник вместе с женой еще добрый час не могли уснуть в ожидании прилёта второго ботинка.

Жена к мичману вернулась неожиданно.

То ли ей рассказали о том, что ее муж постепенно начинает терять «лицо», то ли ее просто заклевали родители (сельская мораль дело не шуточное!), но однажды она вернулась. А какие у нее могли быть варианты? В деревне мужиков-то раз два и обчёлся, адмирал ей не светил, так что мичман был в самый раз. Как говорится, уж лучше синица в руке, чем утка под кроватью...

Своим возвращением женщина просто осчастливила своего «морехода». Жизнь Богдана снова обрела смысл! Правда, своим возвращением (как это умеют женщины) она в то же время сумела сделать его и глубоко несчастным человеком.

Прежде всего, хорошо известный нам портрет оказался на помойке.

Чтобы создать видимость того, что жизнь в семье радикально изменилась, жена руками Богдана сделала ремонт в квартире, и полчищам усатых «стасиков», с которыми моряк уже давно перешел на «ты», пришлось искать приют в соседних квартирах. В ультимативной форме от мичмана потребовали, чтобы в дровяном сарае во дворе было определено место для десятка сбросивших пух и недавно оперившихся гусят, принесенных женой от своих родителей. Мало того, пару недель подряд гусят пришлось с хворостинкой в руке сопровождать на лиман и обратно, пока они не запомнят дорогу домой. По вечерам, после службы, выуживая горластых птиц из лимана, Богдан сгорал со стыда и тихо проклинал тот день, когда решил остаться в Кислице на сверхсрочную.

Все нутро моряка протестовало против унижительных обязанностей, против всего происходящего в его семейной жизни, но протестовало оно тихо, ибо Богдан боялся, что жена может снова уйти к маме.

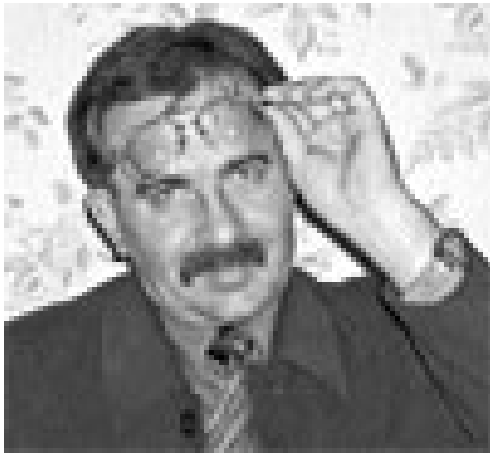
В те времена на центральном телевидении СССР самой популярной была телепередача «От всей души». Вела ее Валентина Леонтьева, с популярностью которой мог сравниться ну разве что Юрий Гагарин. Дважды в месяц, вечером вся страна садилась к

телевизору и начинала плакать и сморкаться, потому что сюжеты передачи о непростых судьбах простых людей были близки и понятны, брали за душу и заставляли сопереживать. В редакцию передачи ежедневно приходили вагоны писем с горячими и искренними отзывами.

Посмотрев пару выпусков передачи, Богдан почему-то решил, что именно эти волнующие, трогательные сюжеты заставили его супругу вспомнить о семье, и однажды вечером, взяв почтовый конверт, аккуратно вывел на нем: «МОСКВА, Шаболовка, редакция передачи «От всей души». Внутри конверта раздираемый страстями, счастливый и несчастный мичман Турченко, считая, что он обязан (хоть кому-нибудь!) выразить свой протест, вложил коротенькую записочку:

«Полгода назад от меня ушла любимая жена. Недавно,
насмотревшись Вашей передачи, она ко мне вернулась...
Будьте Вы прокляты!»

Сергей КАЗНАЧЕЕВ



Об авторе! Родился 19 марта 1958 года в селе Ундоры Ульяновской области. В 1983 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в газете (корреспондент, зав. отделом); рецензентом (журнал «Литературная учеба»); заведующим отделом критики и публицистики (журнал «Московский вестник»), обозревателем («Литературная газета»), преподавал в различных вузах.

Член Союза писателей России, доцент Литературного института им. А.М. Горького, кандидат филологических наук, заместитель председателя Совета по прозе при СП России,

член Комиссии по книгоизданию при Правительстве Москвы.

Автор девяти книг прозы, поэзии, критики и многих публикаций в периодической печати. Много писал о проблемах современной русской литературы, и в частности – о поэзии. В этом году в издательстве Литературного института выходит его новая книга критики – «Современные русские поэты».

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Три были

После завтрака я вышел в сени и, присев на нижнюю ступеньку лестницы, стал натягивать кирзачи. Первый наделся легко, а вот пальцы второй ноги уперлись в какой-то мягонький комочек. «Наверное, забыл вытащить носок», – мелькнула мысль, но рука нащупала в сапоге пушистый предмет и извлекла на свет божий... жалкого желторотого ласточонка. Несмотря на кажущуюся хрупкость, он совсем не пострадал от этой пертурбации и со слабым писком раскрывал клюв, беспомощно перебирая пока ещё совсем не летучими чёрно-серыми крылышками.

– Откуда ты взялся? – спросил я птенца, распахивая настежь дверь на крыльцо. Хлынувшие в полутьму струи июньского солнца осветили пространство сеней, довольно, признаюсь, захламленных. Оглядевшись, я быстро обнаружил ещё трёх собратьев сапожного пленника. Один прижался к картофельному мешку, другой барахтался между колёс велосипеда, третий застыл в тазу с печной золой. Все они испуганно посверкивали глазёнками, но вели себя довольно молчаливо. Чего не скажешь о родителях птенцов, которые – лишь сейчас я обратил на это внимание – голосисто реяли между стропилами.

Ласточки селились в нашей деревенской избе каждое лето. Чердачное окошко заколачивали лишь на зиму, и птицы могли беспрепятственно залетать на подловку и умело прилепляли свои глиняные гнёзда к обшивным доскам. К хозяевам, то есть к нам, они быстро привыкали, безбоязненно порхали над головой, а при необходимости пролетали и через крыльцо. Да и мы на них не обращали большого внимания. И вот случилось не-поправимое.

Я кликнул на подмогу домочадцев, показал им бедствующих ласточат. Общими усилиями мы обнаружили отвалившееся от места крепления ласточкино гнездо на фанерном листе, которым закрывались ведра с колодезной водой. Терракотовое глиняное полушарие – недавний приют птичьих деток – не расколосось от удара, только несколько комочков и былинки отсыпалось от него и лежало рядом. Внутренность гнёздышка была устлана перышками и пухом и, казалось, ещё хранила птенцовое тепло.

Вообще-то ласточки сооружают жильё очень надёжно, а тут вот такая беда. Грешным делом я вспомнил, что накануне с особым усердием занимался плотницким делом – колотил и рубил, – может быть, от этого сотрясения гнездо и отвалилось. Делиться с сыновьями и женой этим подозрением я не решился, а спросил: что будем делать? Молниеносный семейный совет вынес блиц-ответ: деток надо спасать. Но как?

Собранных птенцов осторожно заложили в глиняную колыбель. Они, как нам показалось, были не против, немного успокоились и притихли.

– Ура! – закричали ребяташки, но радоваться было рано.

Наблюдая за гнездом, мы скоро убедились, что взрослые ласточки и не думают спускаться к малышне, продолжая неистово кричать и носиться по чердаку. Птенцы тоже подавали пронзительные голоса – видимо, проголодались и срочно хотели подкрепиться, но родители их как будто не слышали и не замечали.

– Гнездо не на месте, вот они и не признают его, – сделала вывод жена. – Надо вернуть его на место.

Легко сказать! Прибить его нельзя – расколется. Приклеить скотчем или изолентой – тоже ненадёжно. Можно развести глиняный раствор и примазать гнездо к прежнему месту, но будет ли оно держаться? Я же не ласточка. Они, говорят, используют при этом свою слюну. А если гнездо упадёт ещё раз, то скорее всего он будет последним.

Наконец общими усилиями был выработан единственно возможный проект: повесить. Я забрался на верхотуру и вбил крепкий гвоздь в горбыль, где было прилеплено гнездо. Теперь нужно было придумать подвеску. Порывшись в подручных средствах, мы нашли старую сетку-авоську, вырезали нужный кусок, прорезали дырки для залёта ласточек и аккуратно поместили гнездо внутрь, при этом оно стало похоже на перевёрнутый парашют. Оставалось закрепить наше шаткое сооружение на гвозде.

Любуясь плодами своего труда, мы стали с трепетом следить за поведением родителей. Я боялся, их испугает то, что гнездо новой конструкции будет раскачиваться и тем отпугнёт птиц. Но беда была в другом. Ласточки продолжали носиться под потолком и не думали приближаться к гнезду. Птенцы пищали, ласточки метались, мы вздыхали и нервничали. Первой не выдержала жена:

– Сердце разрывается!.. – и ушла в дом домывать посуду.

«Конечно, можно их понять, – думалось мне. – Их гнездо лепилось, а это висит, а тут ещё сетка. Что ж, ничего не поделаешь. Простите, птенчики, видно не судьба вам вырасти». Вздохнув, я отправился в огород и занялся любимым занятием наших картофелеводов – сбором колорадских жуков. Но отвлечься не получалось – мысли вертелись вокруг ласточкиного гнезда. Вот ведь что такое судьба! Сколько поколений птенцов преспокойно выводились и вставали на крыло, а этим не повезло... И вдруг раздались радостные возгласы детей: один из них оповестил маму, а другой прибежал ко мне:

– Села! Села ласточка на гнездо!

По их словам, ласточки долго не решались признать свой дом. Но постепенно их пролёты мимо гнезда были всё ближе. Они садились рядом с ним, прислушивались к пisku птенцов. И наконец один из родителей – вот интересно бы знать, мать или отец! –

решился и уцепился лапками за глиняный край. Детки радостно заверещали, полоса отчуждения была преодолена. Скоро обе ласточки без опаски ныряли под сеточный полог, стараясь поскорее подкормить отощавших питомцев мошками и червячками.

Недели две с гордостью наблюдали мы, как птицы осваивают гнездо, нашими руками водворённое на место. И вот наступил знаменательный момент, когда подросшие птички отправились в свой первый полёт. Теперь падение гнезда им было не страшно. По вечерам всё разросшееся семейство устраивалось на проводах перед домом и радовало нас своими нехитрыми свистами и щебетанием.

Однако в этой истории был ещё один драматический поворот. То ли удивительное обретение павшего гнезда, то ли долгая теплынь этого лета повлияли на любовный темперамент ласточек. И вот, подняв одно поколение птенцов, родители на удивление быстро сварганили новое гнездо, самочка опять нанесла яички и села их насиживать. Старшие дети, чудом спасшиеся месяц тому назад, приближались то к старому, то к новому гнезду, но родители с неумолимой твёрдостью отгоняли их в мир, который теперь им предстояло осваивать самостоятельно.

Я снова приставил лестницу, поднялся и снял с гвоздя отслужившую свой срок ласточкину гондолу.

VANITAS

Несколько лет я с семьёй безуспешно пытался осваивать деревенское хозяйство – соток пятнадцать земли и дом-развалюху в деревне Тархановка, но толку особого не было. Удалось перекрыть шифером крышу, подлить фундамент, обнести участок забором, раскопать большую часть целины, насадить кусты, яблони и сливы, развести садовую землянику, многими по незнанию именуемую клубникой. Но усилия эти были ничтожны, ибо наши наезды раз за разом показывали, что здешняя среда не желает принимать горожан и признавать их своими.

Во всей атмосфере было рассеяно ощущение тщетности прилагаемых сил. Дом продолжал гнить и разрушаться. Забор валился в канаву. Порубленный ивняк произрастал, подобно гидре, с троекратной мощностью. Каркас веранды снесло съехавшим с крыши снегом. Сорняки пёрли из земли с такой свирепой настойчивостью, что казались злонамеренной карой: стоило промотыжить одуванчики, как из земли, как щетина, появлялся лютик, за ним пырей, осот и ещё – наследие сапропелевой подкормки – равный средству биологической атаки назойливый горец птичий. Попытки прогуляться на закате пресекались зловещими армадами комаров размером почти со шмеля, вонзающих своё орудие ещё на подлёте.

В обращении с сельским хозяйством чувствовалось, что весь окружающий мир относится к тебе с глухой, хтонической неприязнью. Нутром мы чувствовали это, но боялись произнести вслух, надеясь рано или поздно перебороть эту бесчеловечную тенденцию. Хотелось освоить сей уголок земли, сделать его хоть немного уютнее.

Когда понадобилось переложить печь, приглашённый для этой процедуры апельсиноволосый детина Валентин в мгновение ока развалил отслужившую свой век орясину (закопчённые кирпичи, колосники и всё остальное выносили, естественно, мы сами) и немедленно убыл в длительный запой. Готовить приходилось на плитке и на костре. И вот для того, чтобы приготовление пищи на свежем воздухе приобрело цивилизный вид, с утра мы принялись обустроить кострище рядом с малинником.

Сперва я вырыл в земле углубление в форме тарелки, утрамбовал его. Потом выложил вогнутое дно старыми кирпичами, вбил две кленовые рогашины, а жена обмазала всё это глиной. Потом к костру было прикачено ошкуренное брёвнышко и установлено на два полена. Верхнюю часть я стесал топориком, так чтоб его можно было использовать и как стол, и как скамью. Осмотрев уголок сада, обустроенный и облагороженный, я заметил, что он блестит, как у кота причиндалы. Скоро всё подсохнет, и вот тогда!..

Погода стояла благорастворительная и, порадовавшись достижениям своего труда, мы позвали детей купаться. Небольшой, мутный, холодноватый прудок, перенаселённый глупыми ротанами, бросающимися даже на пустой крючок, был вырыт на опушке леса и вполне пригоден для освежения. Над прудком местные парни натянули провисающий трос и загнали на него две пластмассовые трубки. Прыгнув с высокого бережка, можно было уцепиться за любую из них и долететь до середины водоёма.

В этот день мы плескались и дурачились с особой беспечностью. Кажется, именно тогда младший сын Павлик впервые в жизни научился самостоятельно барахтаться в воде и даже переплыл узкий прудок. Отдохнув и нагуляв аппетит, дачное семейство поспешило домой. Кроме того – нам не терпелось опробовать на деле окультуренное кострище.

Однако на месте любовно выложенного и вылепленного сооружения мы увидели совсем иную картину: вывороченные кирпичи, сломанные палки, столкнутый в грязную яму импровизированный стол. Радость сияющего дня моментально померкла, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Вандализм – тяжёлая, неблагодарная работа, за которую возьмётся не каждый. Чтобы разрушить кирпично-глинобитное кострище, надо постараться. Раз так, то тут орудовали люди, убеждённые в пользе и необходимости своего нелёгкого дела. «Кто бы мог так нагадить?» – вопрос застыл у всех на устах, но произносить его вслух никто не стал. По глазам жены было заметно, что она настолько ошеломлена и оскорблена увиденным, что не в силах ни говорить, ни плакать.

– Vanitas¹! – пробормотал я, впервые в жизни ощутив, насколько это слово напоминает унитаз. настолько дурно пахло от произошедшего.

Надо сказать, мы так никогда и не узнали, чьих рук эта работа. Соседей, пацанвы, прохожих добрых людей, неожиданно нагрянувших и не заставших нас гостей? Или – спасительная соломинка оправдания – в наше отсутствие на участок приземлилась летающая тарелка с пришельцами, принявшими кострище за космодром? Кто знает, какие у них там взлётные площадки. Эта версия освобождает от подозрения в вандализме хотя бы тех, кто живёт с тобой рядом, здороваются каждый день... Впрочем, душа человеческая потёмки. В итоге – не виноват никто.

Несомненно другое: нашему взору было наглядно явлено слаженное единение усилий непостигаемого сфинкса природы и целеустремлённого, столь же загадочного существа. Называть человеком его язык не поворачивается.

¹ Vanitas (лат.) – тщетность.

ОДНА НА ДАЧЕ

Кошки хорошо знают свою территорию и редко выходят за её пределы. Самый непутёвый мартовский кот, завершив дела сердечные, забирается на тёплую печь и попробуй выгони его оттуда. Словом, по натуре они – домоседы. Поэтому переезд кошки на дачу грозит стрессом не только для неё, но и для хозяев. У наших друзей Морозовых, например, пушистая баловница Лизка, оказавшись в деревне, испытала настоящий шок от увиденного и унюханного: она забилась под кровать, испуганно шипела и была извлечена при помощи швабры только перед возвращением домой.

Наша Котя была экземпляром особого рода. Сказать о ней – смыслёная, значит не то что ничего не сказать, но даже отчасти оскорбить благородную особу. Она была умна и даже мудра. Мне вообще думается, что животные гораздо умнее, чем о них думают биологи. Они, кстати, этого стараются не замечать. Почему юный паучок филигранно выплетает свою паутинку? Кто учит малую птаху архитектуре гнезда? Как объяснить спокойную поступь коровы, в урочный час после пастьбы несущей на хозяйский двор своё полное вымя? Учёные-натуралисты в таких случаях обращаются к таинственному слову «инстинкт», как будто мудрёный термин что-нибудь объясняет. Но, может быть, инстинкт это и есть – врождённый разум?

Впрочем, сейчас не об этом. Мы тоже волновались, как поведёт себя наша умница в Тархановке. Но опасения оказались совершенно излишними. Для путешествия ей отрядили одноместное купе в виде лукошка с мягкой подстилкой, сверху закутанного шалью из редкой ткани. Пассажирка с хвостом безропотно заняла место и в дороге вела себя спокойно – не пищала, не вырывалась.

Оказавшись в деревне, черно-белая красавица вмиг освоилась, обследовала все уголки дома, сеней и сараев, прошлась по огороду и не выражала ни малейшего беспокойства. Вскоре её увидели бесстрашно разгуливающей по самому коньку. Мы перестали обращать на неё внимание и занялись своими делами. Котя же не только чувствовала себя в полном порядке, но отличилась как умелая охотница. В первый же день я увидел, как она вынырнула из лопухов, разросшихся возле каптёрки для инструментов, с мышкой в зубах.

Вечером она без приглашения заявила в избу, сытно поужинала в кругу семьи и безмятежно отошла ко сну. Короче, освоилась.

В полной гармонии с сельским миром кошка прожила всё время, которое мы провели в буколических условиях. Сюрприз ожидал нас, когда предстояло возвращаться в город. Собрав свои пожитки, мы уже были готовы отправляться на остановку автобуса, как вдруг обнаружили, что кошка исчезла. Все кинулись на её поиски, манили, кискискали. Дети обегали все уголки владения. Бесполезно – нигде нет. Растерянно оглядываясь по сторонам, мы почувствовали, что сейчас опоздаем на автобус, а ехать надо было непременно.

– Сбежала... – печально констатировали мы и двинулись в путь. Но когда все домоладцы вышли через калитку на лужайку перед домом, кто-то из ребят крикнул:

– Да вон же она!

Мы подняли головы вверх, куда он показывал, и увидели, что Котя высунулась из мезонинного окошечка и любопытно, и даже с долей ехидства посматривает на нас. В это время показался автобус.

– Пёс с ней, пускай остаётся! – принял я нелёгкое решение, и мы оглядывающейся вереницей помчались к остановке.

Всю следующую неделю – ехать в деревню можно было только на выходные – мы мучались переживаниями, как там наша Котя. Не пропадёт ли, не погибнет, не обидит ли её кто. И поэтому отправились на дачу при первой возможности.

Отперев дом и обследовав все помещения, мы с ужасом обнаружили, что её нет. Ни в избе, ни в чуланах, ни в сенях. Манили, звали – всё без толку. Чувство неизбывной вины охватило меня – уехали вот, бросили и погубили... Все ходили, не глядя друг другу в глаза. И вдруг из какого-то непостижимого закоулка, дыры или щели показалась она.

Жалкие глаза, побитый и виноватый вид, включенная шерсть, осипший голос. Как она мяукала, наверное, когда поняла, что осталась одна, как ей было страшно, одиноко и голодно! Ей тут же налили молока, дали колбасы, ласкали и гладили всей семьёй. Кошара жадно набросилась на еду, а когда насытилась, посмотрела ещё раз на хозяев, причём взгляд её выражал довольно сложную гамму переживаний: мол, да, я погорячилась, но вы-то тоже хороши! Вы считали меня умной – так оно и есть, но откуда мне было знать, что вы уедете так надолго. Я думала, что это игра – вы уйдёте и скоро вернётесь, а вы вон чего!.. Разве так можно с животными? Небось ребёнка бы одного не оставили. Ну ладно, я не обижаюсь. Давайте уж вперёд друг друга не бросать. Наверное, она думала ещё о чём-то, вспоминала самые страшные из своих впечатлений и вздрагивала от ужаса, а потом завалилась на диван и дрыхла без задних ног до следующего утра.

После летнего происшествия на даче наша Котя, всякий раз чувствуя близость отъезда, оставляла все свои кошачьи дела и сидела неподалёку от сумок, как сторожевая, дабы не попасть более впросак.

ГОВОРЛИВЫЙ ВАГОН

Фрагмент из романа

... **С**еня одним из первых ворвался в вагон, проскочил в середину и сел, как король, у окна лицом по ходу движения. Собственно, никакой разницы в том, куда смотреть – вперёд или назад, он не видел, но всё же эта позиция почему-то считалась более предпочтительной и даже привилегированной.

Была середина мая. За окном стояла приятная, совсем еще не жгучая теплынь и молодая, едва распутившаяся листва, хотя и мечтала уже о дожде, который омыл бы её от первичного слоя пыли, но все же источала аромат свежести и надежды, чего не скажешь о глазах пассажиров. Электричка тронулась, и мимо слегка рассеянного взгляда Сени стали проноситься штабеля запасных бетонных шпал, лабазы, шлагбаумы, брендмауэры, пакгаузы и прочая иностранщина.

Постепенно были заняты места рядом с Сеней. Вначале он не обращал на эту публику особого внимания, будучи сыздетства нерасположенным к знакомствам в дороге, но потом, присмотревшись, обнаружил, что сидящие рядом с ним и супротив люди являют собой довольно колоритную группу. Социолог усмотрел бы в ней своеобразный срез современного общества, что, согласно теории вероятности, вполне могло или должно было произойти в общественном транспорте.

Прямо против Сени сидел маленький курчаво-кудлатый старикан лет семидесяти явно семитского типа. Рядом с ним высилась рыжеволосая громада откровенного русака деревенского происхождения, но давно переселившегося в город. Он был в рыбацкой штормовке и ехал со знаменитых озер, раскинувшихся вокруг городка, где обосновалось в результате послеинститутского распределения – было в оны дни такое любопытное и забытое ныне явление – семейство Авдеевых. Третьей в их компании оказалась мило-

видная, хрупкая, но аппетитная деваха, судя по всему, студентка какого-нибудь медучилища. Она едва уместилась на скромном остатке сидения, узурпированного обширными чреслами рыболова.

Возле Сени восседала дама бухгалтерско-исполкомовского типа в темных очках, с ярким макияжем и маникюром. Вызывали же они желание взять лохань ацетона и поскорее отмыть эту бабищу, приведя ее к естественному состоянию вида *homo sapiens*. Завершал дорожную шестёрку мужчина невзрачного возраста с черными прилизанными волосами. Лицо его было одновременно и худое, и как бы лоснящееся. Он тут же достал газету «Труд» и стал ею шелестеть – разворачивал, переворачивал, сворачивал, тербил и комкал, словно истинной целью его было не чтение, а это вот бумажное мельтешение.

Все ехали покамест молча, хотя по всему чувствовалось, что рыжий и ражий здоровяк едва сдерживается, чтоб не приступить к оживлённой дискуссии, причём не важно, на какую тему. Но и он пока терпел, не желая выказать назойливость.

В вагоне между тем протекала активная жизнь. Сперва в него ворвалась стайка десяти-двенадцатилетних мальчишек с картонными коробками в руках. «Мороженое, мороженое, кому мороженое...» – дружно загалдели они, а когда все желающие, впрочем, весьма немногочисленные и среди них будущая медичка, затоварились вафельными стаканчиками, ребятишки остановились в проходе неподалеку от описанной группы и Сеня вполуха расслышал, как они обсуждали план дальнейших действий: мороженое у них заканчивалось, нужно было выйти на очередной крупной станции и закупить новую партию, сумеет, однако, избежать стычки со своими недругами – то ли рэкетирами, то ли конкурентами более старшего возраста, которые прошлый раз отняли у них всю невеликую выручку, да еще и наkostenяляли по шеям.

Затем по вагону прошла троица беженцев из одной солнечной республики бывшего Союза: длинный мусульманин (предположительно – таджик) в тюбетейке и двое замызганных ребятишек в рванье. Подавать им не стали, только черноволосый прилизанный спутник Сени, порывшись в кармане пиджака, сунул сопливой гюльчатайке какую-то монету, укрепив сенино подозрение, что он – татарин.

Потом прошло несколько продавцов газет (бухгалтерша купила себе «Мир новостей»), причем один из них – коренастый бородач отрекомендовался ответственным секретарем вновь созданной «Объективной газеты», что позволило ему впарить враз зауважавшим его пассажирам несколько жиденьких экземпляров его якобы детища.

Рыбак купил себе стакан тыквенных семечек и начал их умело лузгать, потихоньку зашвыривая шелуху под лавку. Старый еврей, презрительно поглядывавший на соседа, так и не решился сделать тому замечание и вместо этого, порывшись в своем выдавшем виды портфелишке, извлек из него свежий номер «Масонских новостей» и, близоруко сощурившись, стал читать колонку редактора.

Сене не хотелось ни читать, ни есть, но и он не остался в стороне от вагонного снабжения – у ханыжного вида бабенки он прикупил бутылку «Жигулей» и стал прикладываться к коричневому горлышку, в котором плескалось мылковатое и тепловатое содержимое.

Каждый из едущих надолго, казалось бы, занялся своим собственным делом, но тут общее внимание было привлечено появлением в вагоне нового персонажа. Из тамбура, решительно распахнув двери, шагнул высокий осанистый человек лет сорока пяти с гитарой на ремне. Он громогласно приветствовал окружающую его публику, представился как бывший артист Москонцерта, оказавшийся в затруднительном положении.

– Соотечественники! Поздравляю всех с недавним праздником Победы. Разрешите исполнить для вас мою песню на стихи Владимира Бенедиктова.

Артист ударил по струнам, и полилась удивительно мелодичная и вместе с тем мощно, свободно звучащая песня.

*Над нами те ж, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.*

*Бог не устал: Бог шествует вперёд;
Мир борется с враждебной силой змия;
Там – зрит слепец, там мёртвый восстаёт,
Исайя жив, и жив Иеремия.*

*Не истощил Господь своих даров,
Не оскудел верховной благодатью:
Он все творит – и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.*

*Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознаёт всеживотворность Слова,
Тот всюду зрит наитье Божества
И слышит все, что говорит Иегова...*

В вагоне прекратились всяческие разговоры. И даже те, кто дремал, продрали глаза и с удивлением взирали на певца. Его голос звучал сильно, напористо и в то же время проникновенно, тем самым как бы заводя и сплачивая слушателей.

*И разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не распнёт он Слово, как Пилат,
И не предаст он Слово, как Иуда.*

*И брата он, как Каин, не сразит,
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных пристыдит,
И слабого, и падшего подымет.*

*Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: Бог движется вперед,
Мир борется с враждебной силой змия.*

Слушая про змия, Сеня не сдержал добрую улыбку, вспомнив каламбур, сочинённый когда-то его приятелем на манер некрасовского «Зелёного шума»: «Идёт-гудёт Зелёный змий!..» Впрочем, исполнение ему очень приглянулось. Оказывается, и в наше расхристанное время вполне можно держаться с достоинством! Завершив пение, артист поклонился и прошел со шляпой между рядами. Подавали не скупясь, дружно и благодарно. «Молодец! Спой еще!..» – раздавалось отовсюду, но тот виновато улыбнулся и сказал:

– Я бы с удовольствием, но... приходится идти дальше.
И перешёл в следующий вагон.

– Надо же до чего народ довели! – откомментировал событие рыбак. – Какие артисты по электричкам поют!

– Ну не такой уж он и талант, – скептически возразил его сосед, снова углубляясь в свои «Новости». – Это все-таки – не Кобзон.

– А мне понравилось!.. – высказала свое мнение медичка. – Когда бы мы ещё его послушали, а тут – повезло.

– Да я ж не про то: спел-то он отлично! – не успокаивался рыбак. – Я имею в виду: сколько же народу нынче шастает по составам, чтобы добыть себе на пропитание!

– Не так-то уж мало они заколачивают, – вмешалась бухгалтерша. – Продают барахло. А налоги приходится нам с вами платить. Между прочим, можно найти и вполне законный способ зарабатывать деньги. Перестройка и демократические реформы дали такую возможность открыть свое дело, что просто грех этим не воспользоваться.

– Вот именно! – солидаризировался с нею еврей. – А главное, что мы теперь стали свободными...

– Ага, особенно – нищие...

– Это при коммунистах мы все были нищие, – поддакнула своему единомышленнику тетка. Их демократическая фракция пока явно брала верх в завязавшейся дискуссии. – А теперь только ленивый не зарабатывает хороших денег. Не зря ведь говорят: кто хочет – тот делает, а кто не хочет – ищет причины для собственного безделья. У нас на Руси испокон веков работать не умеют и не хотят.

– Да уж, делают ваши новые русские! Воруют по-чёрному, гребут под себя и баста, – не сдавался рыболов, но, чувствовалось, аргументы у него на исходе.

– Вы, наверное, мечтаете о *твёрдой руке*, которая бы *навела порядок*? Сталина вам подавай, не так ли?

– А что – Сталин? Сталин выиграл войну.

– Да, но какой кровью! Трусами забросали Берлин. А лагеря? А тридцать седьмой год? Может, скажете, что и Берия был невинным младенцем? Вы, как считаете, девушка, – для расширения коалиции семит обратился к юной медичке.

Та слегка зарделась: по всему виду её было件нятно, что она ни уха ни рыла не смыслит ни в политике, ни в истории, но признаваться в этом тоже не хотелось и она тихонько промямлила:

– Кажется, Берия был палачом. Он вместе со Сталиным отравил Ленина и Дзержинского...

– Берия? – неожиданно здоровяк перешел в контрнаступление. – А что плохого вам сделал Берия? Между прочим, его ведомству была поручена эвакуация наших предприятий на Восток. Целыми заводами все вывозилось за Урал, сгружалось зимой, в чистом поле. А через три месяца предприятие уже давало продукцию для фронта. Да к тридцать седьмому году он вообще не имеет отношения: те репрессии против ленинской гвардии проводил Ежов и, по-моему, совершенно заслуженно.

– Вы, кажется, сочувствуете товарищу Зюганову, – поторопилась поймать рыбака на логической неувязке бухгалтерша. – Как же вы можете одобрять уничтожение коммунистических вождей?

– Да они были не коммунисты, а масоны.

– Вы еще скажите: жидомасоны. Приехали!.. – возмутился старый еврей, хотя никто никуда отнюдь не приехал – поезд все так же мчался к столице, подрагивая вагонами, в которых становилось душно. Открыли несколько окон, и свежий, майский воздух стал упруго врывать в спёртую надышанную атмосферу. Сеня внимательно слушал спорящих. Позиции сторон казались ему чрезмерно упрощёнными, примитивными, но он

вполне отдавал себе отчет в том, что и сам не смог бы сейчас достаточно внятно изложить собственную оригинальную программу выхода из той самой ситуёвины, в которую нас загнала жизнь. Несколько раз тревожным пульсом где-то под ложечкой начинало тикать подозрение, что и он со своим дипломом идеолога оказался таким же слепым котенком перед лицом, точнее – свиным рылом перемен. Более того – университетский багаж явно мешал в том шкурном мельтешении, которое почему-то называли поворотным пунктом истории. Сперва он вообще не хотел ввязываться в импровизированный диспут, но в какой-то момент его пробрало, и он изрёк, попытавшись придать своим словам уверенность:

– Я лично никогда с коммунистами не целовался и в партию не вступал, хотя тянули и ещё как. Но то, что происходит сегодня, по-моему, полный абзац.

– Что вы имеете в виду? – спросила его медичка, лупая безоблачно пустыми, смазливими глазенками. – Вы разве – за тоталитаризм? – с трудом выговорив сложное слово, она удовлетворенно выдохнула и гордо вздёрнула подбородок.

– Да не было никакого-такого особенного тоталитаризма. Это все – враньё. Вы-то, девушка, ведь толком в советское время и не жили. А я считаю так: в застойное время наше государство оказалось в некоем тупике, как если бы мы заплутались в сумрачном лесу. Вроде, как у Данте. Но вот пришли демократические Данки и говорят: мы вас выведем из чащи. Народ поверил и пошел за ними, а они вместо опушки завели нас в болото, да еще и ограбили, и теперь уже никто, наверное, вообще не знает, как отсюда выбраться на твёрдую почву...

Дискуссия продолжалась. И хотя Данко то и дело путали с танком, а Данта с Кантом, все-таки попутчики умудрялись понимать, что же имелось в виду в каждом конкретном случае. Тем временем за окнами небесная синева сменилась суровой облачностью, загромыхали отдаленные грозовые раскаты, и электричка на всех парах вонзилась в весенний ливень. Окна были в спешном порядке задраены. Дождевые кнуты глухо хлестали по стеклам. Народ притих, каждый переживал мистерию дождя в одинёх. «Ну и ну, куда же это я еду?» – подумал Сеня о своей неизвестной судьбе, но на душе у него всё же становилось непривычно, удивительно легко. Ему вспомнилась недавняя песня и захотелось поверить, что Бог и в самом деле движет подвластный ему подлунный мир вперёд, а человечество всерьёз пытается искоренять в себе гнусные змеиные наклонности. И когда недолгий проливень остался позади, омытый тёплыми струями вагон загомонил, готовясь к первой московской остановке, где пути электрички смыкались с линией метро. Многие выходили именно здесь. Разговор на общеполитические темы подошел к своему логическому финалу – то бишь, закончился нулевым результатом, как вдруг, словно очнувшись, решил высказать свое мнение молчавший дотоле татарин.

– А я так бы сделал, – он немного пожевал губами. – Всё – общий. Никакой деньги нет. Каждому – два кустюма на год: рабочий спецовка и шерстяной с лавсан. Обедать – в столовой, притом меню для всех одинаковый. Диабетчик – диет. Вот тогда всё и был бы по-честному, не то что нынче...

Он продолжал излагать свою версию реформирования государства в духе утопических учений, но его уже было некому слушать: проехали. Все поднимались, снимали багаж с верхних полок, тискались к выходу. Сеня покамест сидел без движения. И вдруг, когда его глазам открылся недавно возникший рядом с метро вещевого рынок, он вспомнил, что здесь с недавних пор вроде бы торгуют двое его бывших однокурсников – товарищей по идеологическому факультету. «Отчего бы их не проведать?» – помыслил он и, подхватившись, устремился к дверям, которые уже зашипели, прежде чем захлопнуться.

Григоре ВИЕРУ



Об авторе! Родился 14 февраля 1935 года в селе Перерыта Бричанского района в семье Павла и Евдокии Виеру. В родном селе окончил 7 классов и продолжил образование во второй средней школе города Липканы. Будучи студентом, в 1957 году дебютировал с книгой стихотворений для детей «Alarmă» («Тревога»). В 1958 году окончил факультет истории и филологии Кишинёвского педагогического института им. Иона Крянгэ. Сердце поэта остановилось в час ночи 18 января 2009 года.

Детям на все поколения

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

Перевёл Яков Аким

Гляжу, гляжу во все глаза,
Куда вскарабкалась лоза, –
С завалинки на стену,
На крышу,
На антенну,
Оттуда круче, круче –
На солнечный лучик.
И вслед за ней уже вот-вот
Гроздь налитая в рост пойдёт.

(Журнал «Весёлые картинки», 1982, №6)

ВОЗЬМИ С СОБОЙ

Возьми меня с собой, шофёр,
Возьми меня с собой, шахтёр,
Возьми меня с собой, моряк,
Возьми меня с собой, косарь,
Возьми меня с собой, почтарь!..

Я всех прошу: возьмёте, да?
И лишь лентяя – никогда.
Лентяй с лежанки не встаёт.
Куда же он меня возьмёт!

(Журнал «Весёлые картинки», 1982, №12)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ

Мы на день рожденья к маме
Шли с весенними цветами.
– Мамочка, родная, здравствуй,
Долгих лет тебе и счастья!

Потянулись к маме гости,
Точно дети к спелой грозди.
Расшумелись внуки-детки,
Как цыплята у наседки.

– Ох, спасибо, навестили,
Не забыли, погостили,
Это ведь для нас, для старых,
Самый дорогой подарок.

Пожила б ещё годочек –
Повидать сынов и дочек,
Чтобы внуки на поляне
Так же весело гуляли!
(Журнал «Мурзилка», 1985, №3)

МОЙ КРАЙ

Дом мой ветви окружают,
Всё село – родня большая,
Всё моё – леса и реки,
И язык, родной навеки.

У меня есть край волшебный,
Где народ такой душевный,
Мне он люб до звёздной крыши,
До небес и даже выше.

(Журнал «Мурзилка», 1985, №2)

МОЯ МАМА – УЧИТЕЛЬНИЦА

Ты почему такой упрямый –
Моей не слушаешься мамы?
Я маму слушаться привык,
Я сын её и ученик!

(Журнал «Мурзилка», 1984, № 3)

МОЯ МАМА – ДОКТОР

Пусть у мамы шприц в руках,
Ты не пьётся, словно рак.
Это ж мамочка моя,
Очень добрая моя!

МОЯ МАМА – ПОЧТАЛЬОН

В сумке погляжу почтовой,
Нет ли мне письма какого.
Грушу спелую достал...
Интересно, кто прислал?

ОГНИ НАД СЕЛОМ

Подкрадётся ночь неслышно,
Полям вдоль реки,
Но в селе под каждой крышей
Вспыхнут огоньки.

Мы село свое узнаем
Даже и с Луны:
Огоньки, во тьме мерцают,
Издали видны.

До утра зимой и летом
Всё в огнях село,
И от тёплого их света
На душе светло.

Ай, ай над селом
Алых звёзд полно,
Словно яблок на деревьях,
Алых звёзд полно!

(Журнал «Мурзилка», 1980, №4)

ПОДСНЕЖНИК

Будто нарисован мелом,
Из-под снега наконец
Вылез он в берете белом,
Хоть и мал, да удалец!

Сонно жмурится подснежник,
Он на цыпочки привстал
Под лазурным небом вешним:
– Я успел? Иль опоздал?

(Журнал «Мурзилка», 1984, № 3)

ПОСАДИЛ Я ДЕРЕВЦЕ

Я по тропочке бродил,
Я дубочек посадил.
Подрастай, дубочек-детка,
Зеленей быстрее, ветка!

Завтра птица прилетит
И на ветке посидит.
Ну-ка, ну-ка пой, пичуга,
Моего дубка подруга!
Скоро девочка придёт,
Тоже песенку споёт.
Громче, громче, Аникуца,
Пусть листочки шелохнутся!

(Журнал «Мурзилка», 1985, №2)

РОДНАЯ РЕЧЬ

Молчит певунья-птица
Среди зелёных свеч
И про себя дивится,
Услышав нашу речь.

Понадобись ей слово,
Певучая строка –
Из нашего родного
Взяла бы языка!

РУКИ

У меня две руки,
они всегда со мной.
Когда им холодно,
холодно и мне.
Когда им больно, и мне больно.
Они умывают мне лицо,
а я надеваю на них варежки.
(Журнал «Весёлые картинки», 1982, №6)

СОЛНЦЕ, СОЛНЫШКО

– Солнце, ласковое солнце,
Разморозь ручьи до донца,
Травке помоги пробиться,
Повели вернуться птицам!

– Я ручей освободило
И лужок позеленило,
Птицы к вам уже летят,
Что ещё мне сделать для ребят?
(Журнал «Мурзилка», 1984, № 3)

СЧИТАЛКА

Видишь, бабочка летает,
На лугу цветы считает:
Раз, два, три, четыре, пять...
Ох, считать – не сосчитать!

За день, за два и за месяц!
Шесть, семь, восемь, девять, десять...
Даже мудрая пчела
Сосчитать бы не смогла!

Похожа единица на крючок,
А может, на обломанный сучок?

Ранним утром солнце всходит,
Сколько солнц над полем бродит?
Вечером встаёт луна,
Сколько в небе лун?..

Два – похожа на гусёнка
С длинным клювом, шей тонкой...

Почему расстроен Тимка?
Где ботинок, нет ботинка!
Тимка сосчитал сперва,
Что ботинок было...

1+1=2

– Сколько бубликов в мешок
Положил ты, Петушок?
– Два, но дедушке дадим,
И останется...

2-1=1

Погляди на цифру «три»,
Точно ласточка, смотри!

Две розы Маша сорвала,
В подарок маме принесла.
– Сорви ещё и подари
Ты мамочке не две, а...

2+1=3

На пасеке три медвежонка
Играли в прятки у бочонка.
Один в бочонок еле влез,
А сколько убежало в лес?

3-1=2

Гляди, четыре – это стул,
Который я перевернул.

В садике гулял павлин,
Подошёл ещё один,
Два павлина – за кустами.
Сколько их? Считайте сами.

1+1+2=4

Четыре зайца шли из школы,
И вдруг на них напали чёлы.
Два зайчика спаслись едва.
А сколько не успело?..

4-2=2

На что похожа цифра «пять»?
На серп, конечно, как не знать?

Два больших, три маленьких,
Маленьких, удаленьких –
Целая семья опят,
Сколько их под кочкой?..

$$2+3=5$$

Пять щенят в футбол играли,
Одного домой позвали –
Он в окно глядит, считает,
Сколько их теперь играет?

$$5-1=4$$

На что похожа цифра «шесть»?
На трубку деда, так и есть!

У куклы пять нарядных платьев.
Какое нынче надевать ей?
Есть у меня для куклы шерсть.
Свяжу – и платьев будет...

$$5+1=6$$

Шесть ежат в лесу гуляли,
Землянику собирали,
А один улёгся спать,
Сколько их гуляет?..

$$6-1=5$$

Семь – точно острая коса,
Коси, коса, пока роса!

Три ягнёнка дружно жили
Да козлят ещё четыре,
Посчитай-ка, сколько всех?
Сколько дней в неделе?..

$$3+4=7$$

Завтракаем на привале –
Нам с собой яичек дали:
Вмятку два и пять крутых,
Сосчитайте, сколько их?

$$2+5=7$$

Цифра «восемь» так вкусна –
Из двух бубликов она!
Семь малюсеньких котят,
Что дают им – всё едят,

А один сметаны просит,
Сколько же котятков?..

$$7+1=8$$

Яблоки в саду поспели,
Мы отведать их успели,
Пять румяных, налитых,
Три с кислинкой. Сколько их?

$$5+3=8$$

Девять, как и шесть, взглядишь,
Только хвост не вверх, а вниз...

Все ли здесь цыплята-детки,
Надо сосчитать наседке:
Шесть на грядках, три во ржи,
Сколько их всего, скажи?

$$6+3=9$$

Восемь храбрых малышей
Переходят вброд ручей.
Один отстал: «И я хочу!»
Сколько их пришло к ручью?

$$8+1=9$$

Ноль встаёт за единицей –
Цифра «десять» на странице.

Пять пальцев ловко рвут траву,
Другой рукою тоже рву,
Я травкой угощу коня.
Ну, сколько пальцев у меня?

$$5+5=10$$

Восемь воробышков зёрна клюют,
Два осторожных на ветке спуют:
Вдруг кошка придёт и начнёт
куролесить.
Сколько воробышков было? Их...

$$8+2=10$$

(Журнал «Мурзилка, 1982, №9)

Надежда ДЁМИНА



Об авторе! Член СП России, член правления Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Автор сборников стихотворений «Бал переменчивый», «Паутинное лето» и «Запятые судьбы». Пишет стихи для детей – издана книга «Засыпают звёзды на моей подушке». Печаталась в газетах «Российский писатель» и «Литературная газета», в журналах: «Простор», «Балтика» и «Поэзия», в альманахах: «Как слово наше отзовётся...», «Фронтальная муза», «Подвиг солдата живёт...», «Академия поэзии», «Братина» и др.

СНЕЖНАЯ ГОРКА

Закружила ночью вьюга.
Утром – мне не до испуга!
В парк бегу на горку я
И со мной мои друзья.

Мы на горке поясами
В паровоз связали сани,
Оттолкнулись мы слегка
С небольшого бугорка.

Мчусь – захватывает дух,
Осыпает снежный пух.
Встречный ветерок лукав,
Задует под рукав.

Слышен визг, веселый крик,
Друг схватил за воротник.
Паровоз наш развернуло
И ребят, как ветром, сдуло.

Покатилась наша связка –
Каскадёрская упряжка.
Занесло в сугробы нас.
Это было в первый раз!

Все валялись наповал,
Под одежду снег попал.
Проскрипел дружок мой тихо:
– Прокатились с горки лихо...

ИГРА

Игра идёт в одни ворота,
Броском вратарь в пол-оборота
Летевший мяч не смог поймать.
Кричат ребята: – Не зевать!

Глаза двора полны укора,
Вратарь поник – игра позорна,
Он пропускает третий гол!
Наш двор проигрывает в футбол.

Игра, как будто поневоле,
Соперники финтят на поле.
Ребят толпа возмущена:
– Какая слабая игра!

Ну где же форвард наш Василий?
Четвертый гол мы пропустили!
Судьей объявлен перерыв,
Примчался Вася на прорыв.

И тайм второй – в игре Василий,
Ценою мастерских усилий
Вперёд летит, уводит мяч,
И мы за ним помчались вскачь.

Защиту обходя красиво,
За голом гол он бьёт игриво!
Ликует двор: – Ура! Ничья!
За первенство пошла борьба.

Секунды матча на исходе,
Соперники уже на взводе,
Возник опасный инцидент –
Прервали голевой момент.

Упал Василий от подсечки,
Болельщиков стучат сердечки;
Пропал красивейший удар!
Но Вася, отряхнувшись, встал.

– Судьёй назначено пенальти,
И гол забит! Друзья, сигнальте!
Победа полная у нас,
В футболе Вася просто – ас.*

ПОПУГАЙ

Привлекла меня витрина
Небольшого магазина
С попугайчиком на ветке
В серебристой легкой клетке.

Так понравилась мне птица,
Что не мог я с ней проститься,
В пестрых перышках птенец.
Мне его купил отец.

И питомец легкокрылый
Забавлялся очень мило:
То порхал под потолком,
То над письменным столом.

Теребил мои тетрадки:
– Всё ль с оценками в порядке?
И заглядывал в дневник,
Как прилежный ученик.

Часто он смотрел в окошко,
Развлекался понарошку:
Клювом стукнет по стеклу –
Воробьи летят к нему.

Он, приветствуя свободу,
Птицам подпевал в угоду.
Вдруг на форточку присел
И, вспорхнув, он улетел.

Где искать теперь питомца?
И в закат уходит солнце...
Он нашёл себе друзей,
Но вернулся бы скорей.

Пустотой пугает клетка.
Улетел! Увяла ветка.
Обыскал я два двора.
В третьем – шум и детвора

На поляне у сарая
Ловит сетью попугая.
Он напуган. Сел в траву.
Я ладонь к нему тяну.

Глажу перышки рукой,
Он такой же озорной.
В клетку сам нашёл дорогу,
Привыкает понемногу.

Зёрнышки клюёт охотно
И летает беззаботно.
Вся семья едина снова –
Попугайчик с нами, дома!

ЗОНТИК

В нашем парке у скамейки
Мы увидели щенков.
Льётся дождь из тучки-лейки,
Брызжет сотней пузырьков.

Мокнут маленькие спинки,
И щенки друг к другу льнут.
Очень грустная картинка –
Люди в дом их не берут.

Мы щенкам подарим зонтик,
Их тельца покинет дрожь.
Высохнет асфальта ломтик,
Не коснётся спинок дождь.

Их не лечат от простуды
Аспирином из аптек.
Нет у взрослых ни минуты –
Занят нынче человек!

Добежим в плащах к подъезду
Без уютного зонта.
Для щенков найдётся место –
Мамой правит доброта!

* Мастер своего дела.

СКВОРЕЧНИК

Сверкал азартно кот глазами,
Играя острыми когтями.
Скворечник во дворе висел,
Кот с подоконника смотрел.

Он сытно ел и спал лениво,
Ходил всегда неторопливо.
К охоте страсть влечёт во двор,
И по стволу крадётся вор.

Карабкается осторожно,
В скворечнике птенцам тревожно.
Похитить кот решил птенцов,
Перехитрит больших скворцов.

Нос чует, что добыча рядом,
Охотничьим сверкая взглядом,
Он лапой трогает скворчат.
Птенцы пронзительно пищат!

Тут прилетели два скворца,
Сражаться стали за птенца,
Долбили клювы приговор,
И отступил в испуге вор.

Кот перепуганно дрожал,
Шипя, их лапой отгонял.
Не удержался на стволе
И оказался на земле.

Израненным вернулся в дом
И шерсть зализывал потом.
Опять на подоконник сел,
На воробьев теперь глядел.

ЛЬВИЦА

Солнце виснет над самой клеткой,
В ней просторно, светло вокруг.
Руку тянет мальчик с конфеткой,
Улыбается юный друг.

На ребёнка взглянула львица –
Сладость жизнь не исправит ей.
Довелось свободной родиться,
Сердце зверя не знает друзей.

Нет проходов и нет отверстий,
Не открыть на свободу дверь,
Но погладить себя против шерсти
Не позволит огромный зверь.

Окружают стальные прутья,
Любопытство пытливых глаз –
Несвободу свободной грудью
Демонстрирует напоказ.

Смотрит львица, прищурясь глазом,
Странны зверю жесты людей.
Невозможно сломить соблазном
Гордый дух царицы зверей.

В жизни львицы другая мера,
Выше прочности крепких крыш –
Ей нужна широта вольера.
Съешь конфетку, добрый малыш.

ПОДСОЛНУХ

Я – подсолнух в жёлтой кепке,
Подмигну весёлой репке.
Лучик солнца стал смелей –
Просыпаться веселей.

Поиграю с летним ветром,
Пролетел он километры.
Кепку сдвину набекрень,
Погляжу я за плетень.

Пчёлка на макушку села,
Пожужжала и слетела.
Устремляю светлый взор
В дальний, суетливый двор.

По нему гуляет птица
И в песочнице резвится.
Проглядел на них глаза.
Жаль, что сдвинуться нельзя.

Улыбнусь большому солнцу,
Загляну к тебе в оконце.
Ты же видишь, я твой друг,
Лето яркое вокруг!

Палисадник мой просторен,
В жизни я вполне устроен.
Любопытен я и весел,
Мир вокруг мне интересен!

Сергей ПАГЫН



Об авторе! Родился в 1969 году. Живет в городе Единцы (Молдова). Редактор периодического издания. Автор трех книг стихов – «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005) и «Сверчок в радиоприемнике» (2008). Стихи публиковались в молдавских изданиях, в газетах «Литературная Россия» и «Кстати» (Сан-Франциско), в приложении «Литературной газеты» «Евразийская муза», в журналах «Дружба народов», «Литературный меридиан» (Дальний Восток), в сетевых литературных журналах «Периплы» и «Вечерний гондольер». Член Ассоциации русских писателей РМ.

* * *

Приходит час и страху увядать
 иль рваться пряжей в темноте сердечной,
 и скрипке сипло за окном играть
 в глухом дворе о временном и вечном,

где плакальщиц воронья суета
 у красного раскрытого футляра.
 И станет вдруг доступна простота
 твоим стихом зашептанного дара

неспешно жить,
 смотреть в свое окно,
 лущить фасоль,
 тянуть за словом слово
 и наблюдать, как светится вино
 меж пальцами в стакане стограммовом.

Все хорошо...
 Еще хранит тепло
 сиротское, беспамятное, птичье
 карман глубокий старого пальто,
 в котором ты найдешь лишь пару спичек

да медный грош с табачинкой сырой,
 прилипшей крепко к полустертой решке.
 Все хорошо...
 Над бездною с тобой
 чертополох,
 боярышник,
 орешник.

ВЕТЕР

1

Мягко ветер, как будто из близкого рая
он наплыл на меня, потихоньку сметая
прошлогодний репей, что распался в ладони.
Все умершее выдул из памяти, кроме –
в паутине заборной капустницы пыльной
да сухого кузнечика в щели горбыльной.

2

Как душа в эту пору, светясь, холодела,
от восторга пичугой заморской галдела!
И качались над ней голубые деревья,
и пах воздух, разнеженный добрым поверьем,
райским яблоком, белой с веревки одеждой
и водой, и надеждой – безмерной надеждой.

3

Вот и жизнь, словно воздух бездонный, безбрежный,
столько даст на ходу обещаний небрежных!
А потом ты стоишь в придорожном бурьяне,
зажигалку пустую сжимая в кармане,
только памятью жив, где во тьме кривобокой
ходит ветер в холщовой рубахе широкой,
озаренный огромной не гаснущей свечкой,
с неисполненным счастьем в котомке заплечной..

* * *

Моя душа пустячное любила:
в продольных трещинах хозяйственное мыло,
оставленное кем-то на полу,
на верстаке светящуюся стружку,
щербатую, надтреснутую кружку
с чайнками, прилипшими ко дну.

Родство ли это, давнее желанье,
чтоб в замкнутой глубинке мирозданья,
где снег стоит, как в стылой бане дым,
и день проходит меж ночами боком,
предельно личным, милосердным Богом
я также был замечен и любим?

* * *

Сухим дымком, беспамятством ветвей,
зубчатым «кар-р», царапнувшем простор,
коротким скрипом инистых дверей,
что к ночи запирают на затвор,

зима нас приближает не спеша
к непознанной печали бытия.
Ну, что дрожишь, в колючий шарф дыша,
в сквозных дворах сгорающего дня?!

Пусть снег летит с соломой пополам,
пускай грозит бесславьем и бедой
зимой на откуп данное ветрам
озлобленное небо над тобой.

Еще есть время прутик надломить,
вдохнуть весны с морозом заодно.
Как жизнь остра!
И если нам не жить –
найдет душа насущное тепло,

прильнув к трубе, смотрящей с крыши ввысь,
в гнезде вороньем на ветле сухой
за два-три дня пред тем, как вознестись
над местностью постылой и родной.

* * *

Замерзла времени вода.
Душа, как рыба, спит.
Горчит вино. Дрожит звезда.
В полях состав гремит.

И если в мертвый этот час
покинуть темный кров,
пространство тут же втянет нас
в движение углов

домов и улочек косых,
некрашенных оград,
в протяжный ход ветров сквозных,
в деревьев маскарад.

И ты, смотрящий в гиблый мрак,
притихший у окна –
пространства тоже раб и знак,
его величина..

Смотри, как в прорубь, в свой же лик,
покуда не сверкнет
души серебряный плавник
внутри оживших вод.

* * *

14 октября, полдень

Душа, запомни этот свет
деревьев октября
на много лет — от многих бед
ему спастись тебя:

гореть в проулках скользких снов,
в кромешной злой зиме,
где соль земных первооснов
не светится в тебе,

где тащат хряка — пилит тишь
в предсмертной он тоске,
и мир висит, и ты висишь
на мерзлом волоске.

И если даже упадешь,
в себе едва-едва
ты свет почувствуешь, как дрожь
живого существа.

* * *

*Навеяно картиной Питера Брейгеля-старшего
«Две обезьянки»*

Судьба мне подбросит кедровых орехов
и даст мне еще миндаля:
живи, мол, смотри, как в небесных прорехах
вскипает и вянет заря.

Смотри, как за ним – за оконным проемом
чужое пространство растет
и парус мужаает, и пахнет озоном,
и город запретный живет,

и шпилями низкое небо щекочет,
и птицы большие летят...
Живи, мол, не плачься в жилетку, а хочешь
желанные сны посетят

тебя, дурака, – ты пройдешься по этим
по улицам в празднике сплошь
бродягой, пройдохой, паяцем, поэтом
и в море тугое войдешь...

Ну, что мне сказать этой бдительной тетке
с цветком незабудки в руке,
смотря из окна на далекие лодки?
Спасибо, родная, тебе

за мутное счастье, песочное горе
(за их драгоценный замес!)
в сосуде с водою предчувствовать море,
в скорлупке – невиданный лес.

* * *

Все перемелет мельничка души:
бесславию, отчаянью, юродство.
Как не пиши, как водку не глуши,
но лишь слеза застывшая сиротства

останется – волшебное зерно,
в наследство данное, чтоб как-то в одночасье
со всею мощью проросло оно
к живущему вниманью и участием.

* * *

А здесь и смерть не трудно продремать:
похмельной ночью, матюгнувшись, встать,
глотнуть воды, качнувшись полусонно,
и, стукнув кружкой, не услышать звона.
Коснуться лбом немывтого окна:
все та же ночь – без Бога и без дна..
И снова лечь на жесткую кровать...
И с тяжким изумленьем осознать,
что петел твой к шести не пропоет
и квелый день стернею не придет
к двери глухой..
И изгнанный взашей
из твердолобой памяти вещей,
ты не найдешь ни уголка, ни щели
в простых словах – они перегорели
спиралью чуткой лампочки стоваттной,
истаяли горошиною мятной
на языке не снящегося детства...

И остается не спеша одеться
и ручку двери в темноте найти,
чтоб смерть свою, как поле, перейти.
И по дороге, растерявши в прах
последний разум и последний страх,
в себе учуять робкое свечение,
не ведая,
что это очищенье.

* * *

«...ни сверчок утешенья.
Ни камни сухие журчанья воды»
Томас Элиот

Чем жить нам с тобою, подруга-душа,
зимою, где нету для нас ни шиша
в записке судьбы косоротой?
Здесь нежности флейта заморожена в лед
и жесткое небо над нами плывет
хозяйской дерюгой потертой.

И верность неясная персти земной,
пучку базилика да склянке пустой,
блеснувшей в руинах амбарных,
сверчком утешения нам не споет...
И только поэзии сумрачный мед
горит на губах благодарных.

* * *

По картине Христофора Паудисса «Натюрморт»

Здесь смерти нет – у глиняной стены,
чья суть светла, а сны – шероховаты.
Здесь пахнет хлебом, черносливом, мятой
и пряностью неведомой страны.

На лавку сесть, затылком ощутить
надежный свет, доселе неизвестный.
Вот лук и склянка с влагою чудесной,
подвешены за скрученную нить.

И луковку сухую шелуша
надежды малой,
вдруг услышать – кочет
орет снаружи... Но уже не хочет
идти во мглу рассветную душа.

* * *

К сорока у Бога просишь спокойных снов –
неба мягкого, словно проселка пыль,
яблока в палых листьях, неспешных слов,
пустоши, где сияет сухой ковыль.

Осень сулит покой, а его все нет
ни во снах, ни тем более наяву.
У окошка голого – табурет,
над окошком – ангел дудит в трубу,

из бумаги вырезанный да за нить
к потолку подвешенный век назад.
Господи, как темно мне порою жить,
словно перешел я небесный сад

и по мглистой пашне теперь бреду.
И ни снега здесь, ни свечи одной.
И надежда вся, что пройдешь версту –
перелесок светится золотой.

* * *

...А в памяти — просторно и светло,
как в мире, наспех выбеленном снегом.
И, кажется, совсем недалеко —
за поворотом,
за собачьим следом —

сгорает день,
с "продленки" я бегу,
и лепят дети бабу по соседству,
и шлак печной дымится на снегу
ко мне щекой прижавшегося детства.

* * *

*"И когда он снял седьмую печать, сделалось
безмолвие на небе, как бы на полчаса"
(Откровение)*

Была ль снята седьмая та печать?
Здесь тишь стоит безмерная от века.
И так тепло и сладко засыпать
в отцовском доме, ожидая снега.

Трубач ли пьяный в поле протрубит,
а может... ангел — первый иль последний —
все ничего... В глуши селенье спит,
не чая ни суда,
ни испуленья.

* * *

В. Б.

Смотри, мой друг, боярышник растет!
А это значит — в стылый день настойка
по горлу влагой жаркой проскользнет,
оставив после аромат нестойкий.

Ну, что ты ищешь в захолустной тьме,
каких еще унылых откровений?
И что тебе в расхлябанной зиме
бормочет глухо демон или гений?

И все же жизнь еще благоволит
к обоим нам — на утлом промежутке
меж двух озер боярышник горит
немым огнем,
нетронутым и чутким.

* * *

По картине Питера Брейгеля-старшего «Пасмурный день»

Слышу скулеж собачий, петуший крик,
где-то скрипит телега неторопливо.
Темен осенний полдень, как сей мужик,
что обрезает ветки корявой ивы.

Лишь белеют: рубаха его жены,
собирающей рядом сырые прутья,
да гуляки подвыпившего штаны,
да стена, выступающая из мути.

Задремала душа и устала плоть.
На ночлег мне проситься покуда рано,
чтобы слышать потом хозяйское: «Борова заколоть
надо бы к Покровам, вставить вторые рамы...».

Словно воловья шея, воздух складчат, тяжел...
Спит пространство – в утробе его, мерцаая,
лишь листва ворочается, усыпая дол,
и вода дрожит дождевая.

* * *

Вербный ветер с кровинкой закатной внутри,
суховатую охру сентябрьской зари,
снегопада огромную зыбку
пусть забуду, растрачу... А время-Кощей
бросит в ларь свой поверх отсиявших вещей
даже сына ночную улыбку.

Пусть моя домотканая нежность груба,
пусть и дело мое – не табак, так труба,
слово – пеплом над глинистой твердью...
Пусть и жизни, и веры – на птичий глоток,
на щенячий на светлый один коготок –
мягко небо Его милосердья.

Татьяна ОРЛОВА



Об авторе! Родилась и выросла в Кишиневе. Выпускница университета Высшая Антропологическая школа. В настоящее время докторант и младший научный сотрудник Академии наук РМ. Работает в области современных вопросов, связанных с этноязыковыми проблемами и толерантностью. Студентка филологического факультета Государственного университета РМ. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Принимала участие в различных республиканских и международных поэтических и литературных мастер-классах и конкурсах. Занимала призовые места.

ЭКВИЛИБРИСТ

Балансирую в ритме «проза»,
Как застывший в нелепой позе
Старый горбатый циркач.
А вокруг двухскатные строчки –
Искореженных слов позвоночник,
И пляшет на них ловкач.

Балансирую в ритме «норма»,
Одеваюсь в приличий форму,
Жить приучаюсь, как все.
А вокруг безумные лица,
Искореженных чувств вереница,
Небо в бескрылом сне.

Балансирую в ритме «взрослый»,
Как ребенок высокого роста
С нежной пугливой душой.
А вокруг двуликие маски
Искореженной нами сказки
Для тех, кто уже большой.

Балансирую в ритме «взрослый»,
Застываю в нелепой прозе,
Снова срываюсь... в стихи.

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ПОЛЕТОВ

Помнишь, у тебя когда-то
Для прогулок крылья были.
Крыш покатых завсегда –
Ты меня летать водила.

Мне опять вчера приснился
Город пепельно-прозрачный.
Он рисунком примостился
На обрывке сна невзрачном.

Помнишь, мы кусочком мела
Прятали в туманы уток.
Ты меня тогда согрела
В два крыла, как в шаль закутав...

Но однажды мне приснилось,
Что покрылись перья пылью.
Мы с полетами простились –
Обернулся сон мой былью.

В нижний ящик от комода
Бережно сложила крылья.
Грустно хмыкнув «старомодны»,
На замок ключом закрыла.

Знаешь, а теперь в комод,
Где крыло к крылу лежало,
Бывшие когда-то в моде...
Две поношенные шали.

ГОРОД НА ЛАДОНЯХ

Я построю маленький город
 На твоих и моих ладонях.
 Будет жить там народец гордый
 И мурашки пасти в раздольях.

Будут гости ходить друг к другу
 Через мост на ладонь с ладони.
 И «привет» у ступенек круглых
 Равнодушие лиц надломит.

А еще у них вместо солнца
 Восходить будут наши улыбки.
 Ты взглядишь, открывая оконца,
 Они верят, что мир незыблем.

Поселю в дома «домовёнков»,
 Чтоб от бед берегли и несчастий.
 Ну и пусть, что похож на совенка
 Оберег желтоглазый – к счастью!

Я построю маленький город...
 Ты останься хотя бы, праздник!
 Вдруг кому-то стал кто-то дорог
 В городке на ладонях разных?

БОГИНЯ ЛУНЫ

Привези мне богиню Луны
 С телом фарфоровой куклы.
 Из страны, где танцуют слоны
 В такт барабанов гулких.

По улыбкам богини гадать
 Стану тебе на рассвете.
 Может быть, я смогу разгадать
 Слово, попавшее в сети.

Будет рыбой биться в руках,
 Наши желанья исполнит.
 Пусть нырнет за ответом в века,
 Души звучаньем исполнив.

Лунно-млечных касаясь волос,
 Вспомнят ситар наши руки.
 И глазурного мира лоск
 Смоют нездешние звуки.

На подушках, где пляшут слоны,
 Кукла с фарфоровым телом.
 С ней в обнимку богиня Луны
 Дремлет лотосом белым.

ТАНЦОВЩИЦА НА УГЛЯХ

Танцовщица творит чудеса,
 С дерзким смехом ступая на угли.
 И струится по плечикам смуглым
 Черной змейкой тугая коса!

Гипнотический диск живота,
 Словно маятник в стороны ходит,
 Странный сон на кого-то наводит,
 В этот миг чья-то жизнь прожита!

Круг толпы искажается вдруг
 В слепоте одиноких прозрений.
 Вьется дым от восточных курений,
 Вьется танец змеящихся рук.

Яркой стайкой испуганных птиц
 Бьются в ряд на запястьях браслеты.
 И стучат на груди амулеты,
 Блики смеха дрожат у ресниц.

Над кострищем порхает нога –
 Это облако с жилками неба...
 Беззащитнее талого снега
 Две ладонки – два птичьих крыла.

Полыхнули... погасли глаза,
 Одинокие в толпах огромных.
 Задрожит красной капелькой крови
 И покатится в угли слеза...

СЧАСТЬЕ

Проникает прохлада под куртку
 И скользит сонный луч по щеке...
 Пробуждается раннее утро
 И трепещущий свет на песке...

Где-то в даях нас счастье заждалось
 В брызгах пены высокой волны...
 Там любовь, как восход, зарождалась
 Из холодной, загадочной тьмы...

Убегая по кромочке моря,
Помни вечно древнейший завет:
На Земле нет ни боли, ни горя,
Лишь закат переходит в рассвет...

МАКИЯЖ И Я

Собираюсь на улицу.
В миллионно-тысячный раз
Целуюсь с помадой,
Размазав по бледным губам
Маску
Шикарной «мрази»
С душой поблекшей.
Капюшоны глаз
Украшаю блестками,
Крашу мазутной тушью
Опушку мягких ресниц.
Из глазниц
Криволиких зеркал
Вырываю склоченность
Непричесанных локонов,
Ловко
Проколкой сережки
Дырявлю ухо,
Пухом бледно-розовой
Пудры
Скрываю щеки...
Затянувшись в щёлки
Одежды шелковой,
Ходульками
Подпираю ноги...
А по дороге
Вновь забываю
СЕБЯ повстречать...

.....

...А завтра придется снова
Начать
С поцелуя помады черствой...

МОЙ ГОРОД

Ночью
Посреди Земли
Мой город
Стоит,

Как сбежавшая
Девушка
С пьянки веселой.
Обиженная чем-то,
Растерянная,
Растрепанная
Ветром и бурей
И чувством сумбурным.
В праздничном макияже
Из фонарей
Ярких,
Туманом размытом,
Расплывшимся
В городском
Чуть припухшем
Лице.
С глазами печальными,
Пьяными
В полурасстегнутой
Шубке зимы
С полосами дорог
Нараспашку.
Без перчаток и шапки
За порог
Ушедшая,
Грешная...
Но все же
Где-то
В тихом дворе,
Где нет фонарей
И белый
Светится снег,
Немного святая...

СТРАННИКИ

Заросшая кустарником
Аллея.
Трава – сквозь камни.
Я снова здесь.
И тишина вспорхнула
Робостью шагов
И села бабочкой
На край одежды,
И свежесть
Грядущей ночи

Приблизилась...
 И сблизилась миры,
 Причудливо явив
 В летящем миге
 Мотивы прошлого.
 Но обновленное сознание
 Нарочно
 Их преломило
 В зыбкую реальность.
 Печально растворились
 Сны...
 Я аромат сосны
 И туи разотру в руках.
 И запульсируют в висках
 Воспоминанья
 О Странниках,
 Когда-то проходивших
 Здесь,
 Чей путь был невозможно
 Долог,
 И от чего-то дорог мне.
 ...Они друг к другу
 Шли сквозь времена,
 Сменяя имена и жизни,
 И сотни человеческих
 Тел,
 Крестов нательных,
 Амулетов...
 Но канет в Лету
 Убогость мишуры,
 И перед Вечностью
 Великой
 Померкнут боги...
 А у калитки,
 Ржавой от ветхости,
 Мне вновь привидятся
 ОНИ.
 Приблизусь.
 Но увижу простых
 Влюбленных.
 А может, ослепленная
 Умом,
 Я снова не узнаю
 Странников,
 Сквозь времена идущих...?

ХОДУЛИ

К босым ногам
 Привязаны ходули.
 Узлы
 В засаленный живой комок
 Стянули
 Пальцы и веревки.
 Как вертко
 Неживое продолженье
 Моих дрожащих ног!
 Нелепо посреди
 Дорог, свернувших
 День в кольцо
 Арены цирковой,
 Стою.
 Как одинокий шест
 В поломанном заборе
 Или фонарь слепой
 И ржавый
 В квартале только что
 Отстроенных домов.
 Неосторожность слов,
 Нелепую комичность
 Плеч худых
 Слепила.
 И налепила язвами
 Насмешки
 На гладкость кожи.
 И невозможно
 Устоять...
 Меня толкает
 Голосящее зверье,
 Кишащее вокруг.
 Я запинаясь о
 Кнуты лохмотьев
 Воли.
 И в чьей-то боли
 Уже повинен
 Робкий шаг назад.
 Неловких извинений
 След еще пульсирует
 В висках.
 И эхом на губах
 В улыбке клоуна
 Проклятья
 Смешались с гримом
 Потного лица.

Я буду верить до конца,
Что по арене цирковой
Со мной
На длинных и смешных
Лучах
Шагало солнце
Также неуклюже,
О чем-то горько бормоча...

АРХЕОЛОГИЯ СМЫСЛОВ

Археология.
Раскопки судеб, вещей и чувств...
Землю взрывают лопаты.
Серый кувшин с отбитым краем
У тонкого горла.
Археология.
Голос сорван.
И как в кувшине
С пустотой, проеденной
Временем,
Временно
Оживают звуки на кончиках
Хриплого эха...
Прорехой меркнет мой голос
На порванных связках
В осколках разбитого горла.
Напрасно о чем-то кричу –
Они не услышат меня,
И немота, как пустыня...
Глиной бездушной застынет
Кувшин, улыбнувшийся им сквозь века.
Они зашифруют его
Клеймом своих мыслей.
Напрасно он будет кричать,
Что его наполняли
Слезы богини чистые.
Они запишут «кувшин для вина»
В огромные книги.
Смысл уйдет навсегда, как люди...
Археология, раскопки судеб.
Землю взрывают лопаты.
Серый кувшин с отбитым краем
Будет всегда для вина...

И. БРОДСКИЙ

ФОНТАН

Из пасти льва
 струя не журчит и не слышно рыка.
 Гиацинты цветут. Ни свистка, ни крика.
 Никаких голосов. Неподвижна листва.
 И чужда обстановка сия для столь грозного лика,
 и нова.
 Пересохла уста,
 и гортань проржавела: металл не вечен.
 Просто кем-нибудь наглухо кран заверчен,
 хоронящийся в кущах, в конце хвоста,
 и крапива опутала вентиль. Спускается вечер;
 из куста
 сонм теней
 выбегает к фонтану, как львы из чащи.
 Окружают сородича, спящего в центре чаши,
 перепрыгнув барьер, начинают носиться в ней,
 лижут лапы и морду вождя своего. И чем чаще,
 тем темней
 грозный облик. И вот
 наконец он сливается с ними и резко
 оживает и прыгает вниз. И все общество резво
 убегает во тьму. Небосвод
 прячет звезды за тучу, и мыслящий трезво
 назовет
 похищение вождя
 – так как первые капли блестят на скамейке –
 назовет похищение вождя приближением дождя.
 Дождь спускает на землю косые линейки,
 строя в воздухе сеть или клетку для львиной семейки
 без узла и гвоздя.
 Теплый
 дождь
 моросит.
 Как и льву, им гортань не остудишь.
 Ты не будешь любим и забыт не будешь.
 И тебя в поздний час из земли воскресит,
 если чудищем был ты, компания чудищ.
 Разгласит
 твой побег
 дождь и снег.
 И, не склонный к простуде,
 все равно ты вернешься в сей мир на ночлег.
 Ибо нет одиночества больше, чем память о чуде.
 Так в тюрьму возвращаются в ней побывавшие люди,
 и голубки – в ковчег.

Эдуард ВОЙНА



Об авторе! Родился в Молдове. Среднюю школу окончил в Кишиневе. Много лет проработал на государственной службе. По выслуге лет вышел на пенсию и посвятил себя литературе.

КАМЫШОВЫЙ КОТ И СОМ

Однажды где-то, среди болот,
 Жил камышовый дикий кот.
 Не голоден был и не сыт,
 Охотник он и следопыт.
 И ел наш кот, что попадетса:
 Бывало, уточка прибьется,
 Бывало, рыбу он ловил,
 Покушать очень уж любил.
 И вот, мурлыкая на солнце,
 Пригревшись где-то в камышах
 И скрывшись от нежданных незнакомцев,
 Котище думы размышлял:
 «Ах, где б поймать такую рыбу,
 Чтобы нажраться вдоволь, впрок.
 Вот нынче на охоту выйду...
 Да рыба вся пошла в жирок...
 Я слышал, где-то на реке
 Большая ходит рыба-сом,
 Гуляет тихо и в прыжке
 Добычу топит целиком.
 Вот мне б ее подкараулить
 И когтем жабры зацепить...»
 И в мыслях кот глаза прищурил,
 Заснул и все успел забыть.
 И вот однажды на охоте,
 На речке где-то в камышах,
 Приметил кот – утенок ходит,
 Добыча очень хороша.
 Утенок плавал там, где мелко,
 Кот нервничал, как не в своей тарелке:

«Когда же выйдет он на берег?» –
 Так сильно есть хотелось зверю.
 Тем временем среди вод речных
 К утенку крался сом усатый
 И думал: «Он размеров небольших...» –
 А старый сом любил пернатых.
 Утенок к камышам добрался,
 Тут кот прицелился, подкрался...
 И прыгнул, но вспорхнул птенец.
 И тут коту пришел конец.
 Когда он шлепнулся о воду
 И стал барахтаться в реке,
 Сом утащил его под воду,
 И кот ушел в небытие.

А суть сей басни такова:
 Просчитывай ты все сперва.
 Не рой другим бездумно ям,
 А то в них попадешься сам.

Сентябрь 2008 г.

ПРО ХРЯКА

Басня

Давно уж это дело было,
 Когда уж общество забыло.
 Случился на деревне казус
 И дал основу для рассказа.

Жил-был в деревне местный хряк,
 Ничем особо не приметный,
 Но в деле свинском не протак
 И жил он думкою заветной...

И на хозяйских на харчах,
Повеселив обильно брюхо,
Бочиной потеряв забор,
Вел философский разговор.

«Выходит, кабаны в природе
И мы – какая-то родня...
И что за участь ждет меня:
Быть холодцом иль что-то вроде?»

Другое дело – дикий боров
Имеет волю, грозный норов,
Захочет – по лесу гуляет,
Жрет желуди и всех зверей гоняет.

Вот это жизнь – не то, что наша:
С утра отходы в виде каши,
В обед, что Боженька пошлет,
Ну а на ужин все пойдет.

Одна есть радость: «Как-никак,
Я все-таки ядреный хряк.
По долгу службы – так и быть –
Приходится свиней мне крыть».

Душой в лесу, а тушей здесь,
В мечтах и думах в грязь залез,
Добавив к грязи часть навозу,
Принял в грязи блаженства позу.

Случилось так в один из дней,
Как раз в загоне для свиней,
Насыпав свиньям харч в корыто,
Забыли вход в загон открытым.

Тут хряк рванул, что было духу,
Забыв про наслажденье брюха.
Через сады наперерез
Помчался он в ближайший лес.

О! Сколько радости тут было,
Налилась в нем кабанья сила,
Он землю рыл, что было духу,
Чтоб желудей набить побольше в брюхо.

Но тут, про сей побег не зная,
Промчалась вдруг кабанья стая,
За ней пристроился и хряк,
Ведь крыть свиней он был мастак.

В то время осень разгулялась,
И всем зверям в лесу досталось...
Не знала только лишь свинота,
Что в эту пору шла охота.

Расслабился наш хряк – весь в неге,
А стая, чуя, скрылась бегом.
Раздался выстрел – хряк обмяк
И умер тихо, как дурак.

А суть сей басни такова:
Где кормишься, нельзя плевать...
Не меряй жизнь своею мерой,
А то последуешь примеру.

Сентябрь 2008 г.

УРОК

Сова, Ворона и Орлица
Учили Воробья – как прокормиться.
Ворона первой начала:
«Найти поесть проблема? Вот дела!
Для беспокойства нет причины –
Питаться можно мертвечиной».

Сова в дискуссию вступила:
«Питаться мертвечиной? Мило!
Послушай, милый Воробей,
Мне не понятно – хоть убей!
Зачем дохлятиной питаться?
Добычей нужно ночью наслаждаться».

И тут Орлица перебила:
«Питаться ночью? Браво – мило!
Добычу надо брать с налета,
Причем с высокого полета.
И не теряя долго время,
Клевать добычу прямо в темя».

Устал Воробчик это слушать,
Ему хотелось очень кушать.
В тени деревьев, средь двора,
Летала кучей мошкара.
Он вдруг, вспорхнул и улетел –
Не басни кушать он хотел.

Февраль 2009 г.

ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ

Случилось так у Человека:
Когда свои сомкнул он веки
И в сладкий сон направил взор –
Шел необычный разговор...

Решили органы поспорить
За необычным разговором,
Чья в теле функция важней
Для жизни обладателей – Людей.

Желудок молвил: «Главный – Я!
Большая функция моя:
Белки с жирами поглощая,
Я целый организм питаю».

Сказала Печень, улыбаясь:
«Подумать, функция большая!
Вот я токсины разлагаю,
В глюкозу пищу превращаю.

Кровь в организме создаю.
Коль надо, жир я растворю.
Желчь в организме формирую –
Видали, чем для Вас рискую!»

«Простите, перебью случайно...
Меня Гален считал «сплошною тайной», –
Сказала Селезенка, чуть не в тему,
Что эндокринной ведает системой.

Кишечник, что лежал неугомонно,
Вмешался в разговор бесцеремонно:
«На мне, тут разом, кроме выделения
Частично есть процесс пищеварения!»

«Мне надоели ваши заморочки!
Фильтруй базар!» – сказали Почки.
«Кишечник правильно Вам сделал
наставление –
Главнее нет системы выделения!»

Тут Половые органы сказали:
«Мы эту ересь слушать подустали...
Мы главные за род и поколение,
А главная система – размножение!»

Сказало Сердце, запыхавшись,
За день работы подуставши:
«Кто главный, честно – я не знаю,
Но током крови я снабжаю».

Тут в полудреме Мозг сказал:
«Я делал вид, что крепко спал,
Но все вы правы понемногу:
Все наши функции от Бога!»

«Все мы важны для Человека,
До истечения его века.
Пусть хоть один из Вас откажет –
И Смерть финалом слово скажет».

А суть сей басни такова:
История всегда права!
Не важно – социализм, капитализм...
Но всяко государство – организм.

И пусть хоть что-то в нем откажет,
Развал и смута слово скажут.
И общая у нас забота:
На месте на своем – работать!

Февраль 2009

ЗМЕЯ – КРИТИК

Давным-давно история случилась:
В лесу малина расплодилась.
Само собой, изведать снедь
Приплелся лакомка – медведь.

На запах он ломился рьяно,
Малины – целая поляна!
Предстал ему – медвежий рай:
Малины – лапой загребай!

Еще вокруг, как на свирели,
Пичуги песни свои пели.
Медведь малину молча ел,
А птичий хор все песни пел.

И надо же, на злобу дня
На птичьи песни приползла змея.
Ей звуки радовали слух –
Любила жрать она пичуг.

Сергей КАПУСТИН

САН-СТЕФАНО

Взорванному русскому памятнику войны 1877–1878 гг. Сан-Стефано и 5000 русским солдатам, захороненным в Стамбуле, посвящается....

В Стамбуле ждет печаль меня,
Но не горит над ней свеча.
Лишь слышу там я голос ветра,
Дождем омыты кости щедро.

Я зову предков чутко внимлю,
В руке сжимаю крепко землю,
Прослыла ты в иные годы
Священным символом свободы.

Прошагав немало стран,
Солдат разбил здесь русский стан,
И мир, подписанный с тех пор,
Османской совести укор.

Но вот, прошли чредой года,
Россия бьется вновь одна,
Разит врагов, как черных птиц,
Вблизи невидимых границ.

И мзду взимая с Аксарая,
Летит шахидов злая стая.
В огне Беслан, в крови Норд-Ост,
А над Сан-Стефано куст порос.

Эх, если б... осеняя все в окрест,
Вдруг русский памятник воскрес.
Тогда б и враг бы к нам не лез,
Когда б стоял в Стамбуле крест.

28 апреля 2008 г.
Турция

Monument Russe à St. Stéfano
ایاستفانوسمه روس قلعسی

Сан-Стефано



Русский Мемориал-Усыпальница
Сан-Стефано в Стамбуле.

РУССКИЙ ПАМЯТНИК «САН-СТЕФАНО» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Самолет сделал крутой вираж и начал заходить на посадку. Под крылом замелькали пенные барашки морских волн. Самолет снижался всё ниже и ниже, казалось, что он хочет упасть прямо в море. Но на высоте нескольких сот метров, когда уже стали различимы утлые судёнышки турецких рыбаков, морская синяя гладь резко оборвалась и под крылом появились элитные стамбульские домики. Ландшафт прорезала блеснувшая нить

железной дороги, появился небольшой парк, какие-то развалины и заросший от времени котлован, оставшийся от массивного здания. Необычная картина запустения на фоне всеобщего благоденствия бросалась в глаза своим несоответствием. Несущийся на посадку самолет коснулся ровного пространства аэродрома и, с трудом замедляя движение, побежал по ребристой бетонке. Все пассажиры заплодировали. Каменные развалины, промелькнувшие под крылом самолета, крепко засели в памяти, будоража сознание неясным, тревожным предчувствием.

Заглядывая в будущее, неожиданно понимаешь, что это первое, яркое впечатление не было обманчивым. Действительно, с этим местом связаны грандиозные события, которые перекроили карту мира, повернули ход истории, повлияли на развитие многих стран Европы, изменили судьбы людей и целых народов.

Современный Стамбул

Самолёт продолжал катиться по дорожке, гася скорость, но неожиданно спешно свернул в сторону. В иллюминатор было видно, как, слепя бортовыми огнями, в стремительном падении к земле грозно приближался следующий лайнер.

Стамбульский аэропорт имени Ататюрка, как всегда, полон народа. Международный терминал пересекают бесконечные стеклянные коридоры. До выхода приходится долго добираться, преодолевая длиннющие переходы, запруженные потоками людей. За это время можно осмотреться и постепенно пообвыкнуть к обстановке. Рассматривая пассажиров, прибывших со всех концов света, замечаешь, как разнообразен и одновременно един этот хрупкий мир. Наш современный мир, вечно спешащий куда-то, он в недавнем прошлом был совсем другим.

Увидеть прошлое, ощутить дыхание давно ушедшего времени нам позволяют хранилища древности – национальные архивы. Один из крупнейших архивов мира расположен в самом центре Стамбула.

Центральный вход в Османские архивы Турции

Османские архивы Турции... Как много тайн они хранят. Сотнями лет здесь собирались документы буквально со всех стран мира и некогда грозной Османской империи. Дипломатическая переписка и послания, вербальные грамоты, секретные планы и донесения, карты и схемы военных сражений хранятся на полках длиной в семнадцать километров. Документы лежат в пронумерованных папках, их более 110 миллионов, для того чтобы прочитать только названия всех этих дел, не хватит целой человеческой жизни.

Более миллиона документов имеют прямое отношение к русской истории. Заказываешь новые дела и с трепетом ждешь их. Никогда не угадаешь, что получишь, – или один-единственный бесполезный клочок бумаги, или целую кипу важнейших документов, содержащих волнующий рассказ о неизвестном тебе событии. Приходит время, и эти неопровержимые свидетели прошлого врываются в нашу современную жизнь.

Вот из папки выпало секретное военное донесение, залитое кровью. Неизвестный гонец нёс его, но не донёс, был убит, и документ попал совсем в другие руки. А вот затейливая вязь османских букв, писанная золотом – «алтын рик». Письмо писалось густыми чернилами, а поверх свежих чернил посыпалась золотая мелкая крошка. Если письмо по-

блескивает, значит, документ подлинный и имеет легитимную силу. Когда берешь в руки старинные рукописи, бумага издаёт тихий, волнующий хруст, а золотой песок, осыпаясь, блестящими крупинками остается на руках, одежде, на письменном столе. Турки с большим уважением относились к грамотным людям, а учёных почтенно называли – «ходжа». При султанском дворе таких людей было не много, держались они гордо, высокомерно. Из простых людей грамоте были обучены единицы, это считалось делом элиты, грамоту учили османы – особый, привилегированный класс в турецком обществе. На оформление книг и посланий турки не жалели ни золота, ни драгоценных камней. Старинные турецкие книги украшены золотым орнаментом и изящными миниатюрными рисунками, богато инкрустированы самоцветами, что свидетельствует об утончённом художественном вкусе, которого не достигли писцы европейских канцелярий.

Работа в архиве настолько захватывающе интересная, что приходит реальное ощущение прошлого. Перебирая документы и вникая в их содержание, мысленно переносишься на сто-двести лет назад и ясно слышишь голос древнейших предков, и грохот боя, и скрип одинокой арбы, и ночной плач ребёнка... Создаётся впечатление, что письма эти адресованы именно тебе.

Раскрыть тайну русского памятника "Сан-Стефано" помогли именно такие письма. Аккуратно сложенные и, казалось, никому не нужные, они пролежали более сотни лет, ожидая своего часа. И вдруг заговорили, раскрыли свои тайны.

Разрушенные русские памятники – как много их разбросано по всему миру, но памятник «Сан-Стефано» особенный, он выделяется своей неповторимой величавостью, значимостью в мировой истории. В нем, как в зеркале, отразилась история славных побед русского оружия. Кажется, что на крутом подъёме анфилад лестниц проступают прочные стены Измаила и вот-вот славные русские воины-соколы, сверкая штыками, по приказу Суворова, ринутся на штурм неприступной крепости. В боковых, закругленных углах памятника еле заметно проступают рубленные, плетёные флешы – это редуты защитников Севастополя, и на седых каменных стенах проявляется профиль Нахимова с его неизменной подзорной трубой в руке. В высоко поднятом кресте видится гордый символ победы князя Румянцева над 80-тысячной турецкой армией под Кагулом. Знойный ветер доносит ощущение жаркого лета Прутского похода Петра I, а в голубых переливах зелёного мрамора колокольни чудится отражение морских волн Керченского сражения Ушакова.

Каким упорством и силой, каким сверхъестественным духом надо обладать, чтобы, пройдя сотни километров, установить в Стамбуле этот колоссальный памятник. В нем – и блеск побед, и горечь утрат, негибкая сила и мощь русского характера. Ценой своей жизни русский солдат даровал свободу странам Балканского полуострова, а сам навсегда остался лежать в этой земле. Водрузив русский штандарт здесь, в столице Османской империи, он остался навечно жить в памяти потомков. Подвиг его вечен, а отблеск русской славы вовек не померкнет в благодарных сердцах освобождённых народов.

История Сан-Стефанского памятника – это подлинные исторические события времён русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В книге рассказывается об истории русских мемориалов и неизвестных захоронениях в Турции, об уникальном строительстве русских посольских и представительских зданий. Написана она почти сразу по следам одной научной экспедиции в Османские архивы Турции.

История создания русских памятников в Турции, впрочем, как и вся история русско-османских отношений, многогранна, тонка и противоречива. В ней хитросплетению султанских дворцовых интриг противостоят самоотверженность и подлинный героизм русского человека, его беззаветная преданность своей Родине. В этой удивительной истории

нашлось место всему – и искусству русской дипломатии, и изощренной восточной политике с её неизменным стремлением к выгоде в отношениях со своим северным соседом, и закулисной игре европейских держав.

Стамбул – город старинный и ультрасовременный, необычайной завораживающей красоты. Он поражает, подавляет своим разнообразием, смешением народов, наслоением культур и архитектурных стилей. История Стамбула неразделимо связана с присутствием на этих берегах самых разных русских людей: политиков, дипломатов, простых путешественников, паломников и пленных, беженцев и эмигрантов. Проследив всё, что связано с историей создания памятника «Сан-Стефано», установленного в месте, где сошёлся Запад и Восток, мы увидим, какова была в этом роль России, оказавшей огромное влияние на развитие Турции.

Пришло время всестороннего изучения этого влияния. Поэтому и рассказ о русских памятниках и посольских зданиях в Турции начинается с сегодняшнего дня, но, простираясь в глубину веков, раскрывает общую панораму хода исторических событий.

История Сан-Стефанского памятника начинается задолго до начала его строительства. Древняя Византия оказала сильнейшее влияние на историю России. Константинополь – город, на воротах которого в IX веке Киевский князь Олег повесил свой щит в знак того, что этот город находится под его покровительством и защитой. Отсюда, с берегов Босфора, берет начало Христианская Святая Вера, принятая русским народом более тысячи лет назад. И сознание чувства исторической причастности овладевает каждым, кто хоть раз посетил землю древней Византии. Посланцы князя Владимира, побывав в храме Святой Софии, вернулись домой и с восторгом рассказали князю о том потрясении, которое они испытали при богослужении. Владимир Святославович сделал верный исторический выбор, он сам крестился и крестил древнюю Русь. С тех пор Константинополь Верой Христовой и своими древними православными храмами связывал нас со своей многогранной судьбой.

Когда ступаешь на эту древнюю землю, то испытываешь удивительные ощущения, кажется, будто ты уже здесь был. Эта земля обильно полита русской кровью, а в честь славных побед оружия русского воздвигнут величественный русский памятник «Сан-Стефано».

Александр ПОРОЖНЯКОВ

Книголюб

Мисс Роджерс хорошо знала и любила художественную литературу. Что касается ее обожателя мистера Баркера, то для него это был темный лес. Через несколько месяцев после их знакомства девушка наконец решила пригласить его к себе в гости. И сколько она ни старалась расшевелить мистера Баркера, беседуя с ним о литературе, о выдающихся писателях, молодой человек не проявил никаких познаний в этой области.

Отчаявшись, мисс Роджерс наконец спросила:

– Мистер Баркер, но «Ромео и Джульетту» вы, конечно, читали?

Молодой человек было вконец растерялся, но тут вдруг его осенило:

«Джульетту» я, к сожалению не читал, а вот «Ромео» читал, и даже несколько раз!

Доходчивый аргумент

Два приятеля вели горячий спор о достоинствах только что вышедшей книги. В конце концов один из них, будучи писателем, заметил:

– Нет, Патрик, ты не можешь по-настоящему оценить ее. Ведь ты лично не написал ни одной строчки.

– Ну и что! – отпарировал Патрик. – Я яиц тоже не несу, но могу лучше судить о качестве омлета, чем какая бы то ни была курица!

Огонь творения

Молодой стихоплет написал несколько длинных текстов, назвал их поэмами и направил известному поэту, сопроводив таким текстом: «Я написал эти поэмы, вдохновленный неизвестно откуда вдруг возникшим творческим огнем. Как мне с ними поступить?»

Знаменитый поэт ответил: «Я внимательно просмотрел ваши творения и убедился, что их следует вернуть в тот огонь, который вас вдохновил, лучше всего в каминный».

Выгодная профессия

Два друга встретились по прошествии многих лет.

– Ну и что ты теперь делаешь? – спросил один.

– Стал писателем, – отвечает второй.

– И что-нибудь уже продал? – интересуется первый.

– О да, – улыбнулся второй, – свои часы, приемник и телевизор.

